

НАТАЛИЯ ВИКО

НЕФОРМАТ

запретная тема

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В43

Вико, Наталия Юрьевна.

В43 Неформат. Запретная тема / Наталия Вико. — Москва: Издательство АСТ, 2021. — 192 с. — (Любовь на все времена).

ISBN 978-5-17-135859-4

Роман «Неформат» — смелая и удивительно оптимистичная книга. Не только тема, но и стиль изложения — в виде «потока сознания» героини — необычен для автора и будет неожиданным для читателей, знакомых с ее творчеством. Рассказывая историю реальной женщины, автор со страниц романа говорит о многообразии проявлений любви, которая бесконечна и неповторима, как сама жизнь. Искрометный юмор и тонкое знание человеческой психики, легкость изложения, смелость и философия жизни делают этот роман безусловным явлением в современной литературе.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-135859-4 © Текст. Наталия Вико, 2021
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2021

И мне горько за вас, Отче: вы лишили неба множества зверей только за то, что они — звери, меж тем я доказала, как велико их достоинство.

Джордано Бруно
«Изгнание торжествующего зверя»

У меня нет возраста. У меня есть годы. Возраст — растет воз. Своя ноша, свои радости и печали. У меня этого нет. Есть годы, наполненные людьми, событиями, чувствами, взаимосвязями, познаниями мира и сущего. Это радостно. Мои годы были прекрасны даже утратами и одиночеством. У меня никогда не будет возраста... Будут, надеюсь, годы...

С самого рождения я была личностью нестандартной.

«Неформат» какой-то. Нормальные люди в восьмимесячном возрасте себя не помнят даже при очень большом желании. А я — помню! Все началось с телепортации. У нас была огромная железная кровать со всякими прибамбасами, маман меня сажала в центре, обкладывала подушками, чтобы я не скатилась, и уходила в магазин. И вот как сейчас вижу: на мне голубые ползуночки, рубашечка голубая в горошек, вкус уже тогда был отменный, ничего не скажешь, сижу я на кровати, пальцы свои изучаю — увлекательное занятие! И вдруг р-раз! — и оказываюсь в центре нашего ереванского двора. В такой же йоговской позе и с тем же умным видом. Многие, кстати, говорят, что я с годами мало изменилась. В смысле умного вида. Отовсюду сбежались соседи, все кричат, маман примчалась, пробралась сквозь толпу: «Зачем ребенка принесли сюда? Кто посмел?! Что за безобразия?» А люди и до нее в недоумении были, а с ее приходом вообще растерялись.

До сих пор не могу понять, как я там очутилась, процесс перемещения остался за кадром. Я на кровати, а после сразу в той же сосредоточенной позе, на траве.

Потом помню себя, когда умер Сталин! Что во дворе творилось! Кто рыдал, кто радовался, а я подумала: «Вот оно — первое важное событие в моей жизни!» Надо сказать, к тому времени я уже немного начала беспокоиться: жизнь-то проходит зря, пятый год пошел, а ничего знаменательного не происходит. Маман заметила недетский трагизм в детских глазах и, решив, что дитё психологически созрело, начала пичкать меня русской литературой. Я всегда была окружена книгами: Пушкиным, Лермонтовым, сказками всякими, и читала. Все в нашем дворе учили армянский язык, а я русский. Это, думаю, объяснялось тем, что маман в молодости была влюблена в русского полковника Главного разведывательного управления, который не смог на ней жениться по секретным причинам, и однажды под прикрытием ночи тайно покинул ее славный город. А любовь к России ей оставил. Я учила все наизусть, память была отличная. Но в этом таились и драматические моменты. Долгие годы при многозначительной фразе: «Деточка, а сегодня к нам придут гости!» мне хотелось выпрыгнуть в окно.

Сейчас, конечно, таких мыслей уже не возникает, потому как трудно представить даже в самом кошмарном сне, что меня кто-то поставит на табуретку, предварительно завязав бантик, и радостно воскликнет: «Сейчас наш Норик почитает нам Пушкина!». А тогда деточке приходилось отдуваться. Потому что, если бы я не отдувалась, матушка бы вопила истошным голосом, что я ее «позорю и лишаю авторитета в обществе». Я не знала, кто такой этот Авторитет, но по маминому лицу понимала, что он ей жизненно необходим.

Меня она обожала до шизофрении, с самого детства причитая: «Я просто мечтаю, чтобы ты умерла раньше меня, а то как же ты будешь, несчастная, без мамочки жить!»

В семь лет, перед школой, она на всякий случай удалила мне аппендицит, аденоиды и железы. Вдруг когда-нибудь прихватит, а ее не будет рядом? Я отнеслась к этому с философским спокойствием, считая, что всем детям первого класса престижной ереванской школы имени Пушкина в обязательном порядке необходимо удалить все лишние части тела или органы, которые могут помешать им хорошо учиться. Тем более, что маме было виднее — в школе работал ее дядя по линии двоюродного дедушки. Надо сказать, все родственники мамы жили в Ереване. Ее двоюродный брат — декан физкультурного института, другой брат — собкор «Известий», дядя — министр юстиции Армении, и все прочие были тоже прекрасно устроены. Еще была одна тетка, которая шила шляпки. Теперь-то я понимаю, что эти произведения искусства были изготовлены в стиле шляп английской аристократии, а тогда считала тетушку душевнобольной. Какой ребенок может серьезно отнестись к фетровым или соломенным дырявым «ведрам» и «тазикам» с перьями и похоронного вида искусственными цветами?

А мамуля моя, Варька, в этой распрекрасной семейке была Золушкой. При одном ее появлении у родни начинался в лучшем случае нервный тик. Все от нее шарахались, потому как, будучи физически крепкой особой, она обладала неповторимым умением намертво хватать родственников за те места, которые ей подворачивались, и начинать долго и нудно плакаться о нашей тяжелой доле. Затем в ход шла пехота: мне завязывали на голову бантик, тащили к родне и заставляли канючить: «Ой, дядя Миша, — имя менялось, в зависимости от объекта нападения, — кушать хочется, а денег нету-у!» Сообразив, что пора предпринимать серьезные меры, чтобы прекратить это безобразие, я решила пойти на преступление. У моей двоюродной сестры был дар собирательства, она коллекционировала все,

что можно было коллекционировать: фантики, бабочек, жуков-тараканов и марки. Мой аналитический ум подсказал, что из-за украденного «таракана» скандал будет меньшим, нежели из-за красивой марки, и я свистнула из ее альбома, не глядя, несколько штук. Как потом оказалось самых ценных. Поднялся скандал, все перессорились и, вернув марки, счастливых полгода мы никуда не ходили. Скорбно произнеся: «Ты совершила преступление, и тебя заберут на каторгу!» — маман подсунула мне Достоевского, которого я полюбила только на втором томе за фразу: «Счастье всего мира не стоит слезы на щеке невинного ребенка».

Отца, прекрасного художника, директора художественной мастерской в нашем дворе, где, кстати, делали знаменитую «Мать Армению», я обожала. Шикарный, высокий, колоритный, всегда в военном мундире — женщины на него просто вешались! Он меня баловал, каждое утро делал «гоголь-моголь» и приносил в кровать, подарки оставлял на тумбочке. Я просыпалась, а у меня то сандалии новые стоят, то маечка красивая лежит. Мать, понятно, устраивала мужу-красавцу вечные скандалы, из-за которых мы периодически лишались части посуды и мебели. Причем заканчивались эти истории всегда одинаково — маман, заламывая руки, кричала: «Ты меня никогда не любил!», на что отец неизменно отвечал спокойным тоном: «Ты меня тоже». У ма-тушки на лице появлялась удовлетворенная усталость, и она гордо покидала поле боя. Видимо, ссоры собственно и затевались для того, чтобы услышать от отца именно эту фразу, которая почему-то сразу же все расставляла по своим местам. Вполне понятно, что папа старался все время сбегать в командировки, так как контроль со стороны супруги его периодически раздражал и побуждал к смене места нахождения. Чаще всего сбегал он в Среднюю Азию, привозя оттуда вино, отрезы, подарки, но мать, несмотря на эти дары,

продолжала находиться с ним в состоянии войны, очевидно, все-таки выливая на него свое раздражение за то, что он — не полковник ГРУ.

Отец научил меня многому: отстаивать свое мнение, не обижать слабых, драться, играть в футбол, нарды. Я, видимо, поэтому или почему по-другому, всегда воспринимала себя, как мальчика. У меня за всю жизнь была только одна маленькая кукла, которую звали Света. Это удивительно, потому что, когда я родила дочь, назвала ее именно Светой, хотя о кукле уже, понятное дело, думать забыла. Странно, мать ведь меня очень любила, но при этом все время норовила унижить, причем преимущественно унижить на людях, спать с собой укладывала до четырнадцати лет, тетёшкала до такой степени, что у меня даже какой-то момент был период безумной любви к ней. Вот до чего довели!

Но я любила ее странно любовью — когда она молчала. Есть такая особенная любовь, оказывается. Смотришь на человека, и в душе рождается невероятная нежность и тепло к нему. И вот тут он неосторожно открывает рот, и ты думаешь: «Ну и на фига ты это сделал?! Ведь все было так хорошо!»

Когда я пошла учиться, общение с подругами ограничивалось стенами школы. Мой дом был закрыт для всех. Кроме дочки министра торговли. Мама ее обожала. И говорила, что эта девочка может научить меня только хорошему. Особенно она любила водить меня к ней в гости, а потом в ожидании сидеть на скамеечке и притворно жаловаться всем прохожим, посматривая на часы: «Эх, заигралась что-то моя девочка у дочки министра торговли! Вот всегда они так, просто не разлей вода!»

Как же я мечтала сбежать от матушки!! Вообще это обостренное чувство свободы — составляющая часть моей крови! А воспоминание о бантиках вообще «все деньги». Это у меня выражение такое. Означает, если с моего

языка перевести, примерно следующее: «Никаких денег мира не хватит, чтобы дать понять кому-то, что в данном случае я имею ввиду, потому что для этого просто нет слов. Ну или разве одно какое-нибудь». Так вот. Маман постоянно в школу завязывала шелковые банты, огромные, как пропеллеры. Не себе, понятно, завязывала, а мне, может, кстати, поэтому в юности у меня страсть к самолетам пронулась, не знаю. Эти пропеллеры жутко раздражали, и я, с трудом донеся их до школы и проводив Варьку леденящим душу взором, тут же эту гадость с головы стаскивала и записывала в портфель. А после урока, на перемене, как чертик из табакерки с воплем: «Так я и знала!» выскакивала мамаша и снова их на моей бедной голове завязывала. Бантики были трагедией моего детства!

Многие мне сочувствовали, в том числе красивая девочка Алла, полуеврейка-полуармянка, к которой я тоже прониклась за ее нежную душу. Почти Шекспир: «она его за муки полюбила, а он ее — за состраданье к ним». А в шестом классе к нам пришел очень грустный мальчик, и я сразу же определила, что он похож на Печорина. Вот в него все и повлюблялись, как в «героя нашего времени». Ну, почти все. И началось! Девчонки на переменах в стайки сбивались, тайнами делились, кто в кого влюбился, а я сидела, как невлюбленная дура и тупо молчала. И придумала себе персонаж. То есть персонаж был настоящим, невымышленным — мальчишка, с которым мы подружились, когда с маман ездили отдыхать в Крым. Он учился в соседней школе, вот я и придумала, что у меня к нему высокое чувство. Периодически для пущего убеждения окружающих, томно вздыхая, глядя в окно или вдруг мечтательно и многозначительно произнося: «Да-а-а...», я уже почти сама себя убедила в своих страданиях.

У нас в классе был актив — три девочки, которым до всего было дело, просто тимуровцы какие-то. И однажды они решили добиться справедливости по их пионерским

понятиям, потому что я, показав фотографию объекта моих страданий и наслушавшись любовных излияний своих подруг, так вошла в роль, что принялась активно играть трагедию, мол, сейчас немедленно скончаюсь от безответной любви. А этот актив так начал мне активно соперничать, что я поняла: необходимо этот спектакль немедленно заканчивать и изобразила, что коварный изменник меня окончательно и бесповоротно бросил. Ситуация становилась опасной, явно кренясь не в ту сторону. Шестой класс! Уже было не до учебы, она вообще отошла как-то в сторону в один день, когда юные следопыты обнаружили место проживания этого бедного, ни о чем не подозревающего мальчика и отправились к нему домой на разборку. Представьте, звонок в дверь, на пороге три аккуратные отличницы, которые с презрением в открытом пионерском взгляде возмущенно восклицают: «Роберт!! Как вы можете?! Вас любит такая девочка! Она хорошая! Пишет такие сочинения! Чертит прекрасно! Историю с географией любит! А вы ее бросили?!» Он же бедный пятится, за голову хватается и орет: «Что-о-о?? Кого я бросил?» — в ужасе оглядываясь на замершую в проеме двери маму в атласном халате, в папильотках на голове и с сигаретой в зубах.

А мне донесли, что актив пошел спасать мое высокое женское чувство к предмету моей любви. И я представила: они через двадцать минут вернутся в школу, выяснив, что все это — неправда... Ужас, просто ужас! Конец света! Бросив последний взор на голубое небо, на всякий случай проверив, не летит ли мне на помощь что-нибудь инопланетное, я решила срочно повеситься. У меня был ранец с хорошим, крепким кожаным ремнем, я отправилась в туалет, отцепила ремень и повесилась. Ловко так, будто постоянно практиковалась. Девчонки пришли, меня нигде нет, зашли в туалет, а я там болтаюсь. Мне Варька вместе с классиками русской литературы основательно внушили, что лучше

смерть, чем позор. Вытащили меня из петли, водой облили, а я все перевернула: «Роберт специально вам сказал, что мы только дружим, потому что очень вас испугался — уж больно у вас вид положительный». Они и поверили.

Вскоре случилась беда: отца забрали в больницу с сильнейшим приступом астмы: он очень много курил. Это ужасно, конечно, — лучше уж пить, чем курить. Помню наш последний разговор у больничной койки. Поманив меня пальцем, он шепнул: «Я знаю, ты давно мечтаешь о велосипеде... я попросил... скоро мой друг его тебе принесет». И — умер. А на другой день мне от него принесли подарок... Я смотрела на велосипед, и казалось, что в нем еще осталась какая-то капелька папиной жизни, но, выйдя из дома за хлебом и вернувшись, велосипеда уже не увидела. Мать сказала, что сломала его и выбросила, потому что я могла бы с него упасть и разбиться, и этот «сюрприз был последним необдуманном поступком отца».

Денег отец не оставил. Он все время кому-то помогал, кого-то спасал, давал в долг и считал неприличным об этом напоминать. Мать же была совершенно не приспособлена к жизни и попыталась опять заставить меня просить подаяния у родственников. Я, естественно, отказалась и после очередного скандала гордо удалилась жить к девяносточетырехлетней бабушке Осанне, которая целыми днями полужела в кружевах на диване с томиком чего-то французского. Но прожила я там недолго. Варька с нервирующей периодичностью появлялась у бабули, заливая меня и все окружающее пространство потоками безмерной материнской любви, и я, в целях сохранения жизни и здравого рассудка милой Осанны, приняла решение вернуться домой. А в связи с тем, что матушке надо было помогать, вскоре устроилась в вечернюю школу и пошла работать на радиозавод собирать радиодетали. Работа была нудной, в пятнадцать лет усидеть одним местом в школе, а потом

тем же местом на заводе — было просто невыносимо. А жить когда?

Возможно, вследствие поиска смысла жизни вскоре и случился еще один серьезный конфликт с Варькой. Она бегала за мной по квартире и пыталась отхлестать кухонным полотенцем, я увертывалась, отстаивая свое право на самоопределение со свойственной мне решимостью. Поэтому в доме после этого стало недоставать многих привычных предметов, в том числе настольной лампы, китайской вазы и графина. Шума было много, но из-за чего? Я не пришла ночевать. Всего-то! В то время я влюбилась. В небо. Беззаветно и на всю жизнь! Я вообще очень верный человек, если еще об этом не говорила. Небо звало меня к себе с младенчества, когда отец укладывал свое чадо спать во дворе под звездами. Потом, с годами, я все чаще и чаще поднимала глаза к небу, ища ту, свою звезду, свой настоящий и единственный дом. Стремление к свободе, любовь к небу, желание подняться над ситуациями и проблемами и, очевидно, воспоминание об огромных пропеллерах, которые матушка с таким старанием сооружала на моей голове, привели меня в аэроклуб.

О, как я обожала самолеты! Относясь к ним как к большим небесным птицам, я порой испытывала непреодолимое желание покормить их с рук или почесать где-нибудь под крылышком. Уже в шестнадцать лет я сделала свой первый прыжок. Никогда не забуду, как раскрылся парашют, подбросив меня вверх, словно в далеком детстве на папиных качелях, и показалось — он здесь, совсем рядом, в этом небе, гордится мной и хранит своей любовью. После этого по субботам и воскресеньям я не уходила из клуба, оставаясь там ночевать. Шум двигателя казался мне музыкой, а слова «лонжерон», «фюзеляж», «фланца», «монокок» манили своей загадкой, мистикой и чем-то неуловимо французским. Почему французским? Не знаю. Я произносила

напевно и слегка гнусавя: «лонжерон-н-н» и, лежа под крылом самолета, представляла себя пролетающей над далеким и манящим, к слову, до сих пор манящим, так как я там еще не бывала, Парижем.

Первые мои самостоятельные полеты на планере придали уверенности: небо — это моя стихия! Методом исключения я тут же пришла к выводу, что вода, соответственно, — не моя. Кто только ни учил меня плавать! Какие титанические усилия затрачивали несчастные и упорные доброжелатели! Бесполезно. Я безоговорочно шла ко дну. И, выведя свою формулу: «Рожденный летать — плавать не может», всецело отдалась небу.

Варька не знала, что со мной делать. И однажды придумала, сообщив, что моя святая обязанность сопроводить ее в Баку, где жила мать моего отца, соответственно, моя бабуля номер два. Город мне очень понравился — чистый, красивый, веселый. Все были приветливые и улыбочивые, на улицах часто слышался смех. Всюду витал манящий запах моря и нефти. Матушка, видимо, прекрасно осознавала, что нефть и деньги неразделимы, и именно поэтому начала с самого порога окучивать бедную бабулю, которая, правда, отнюдь не была бедной, хотя к нефти отношения не имела. Ну, бывают в жизни исключения.

Я с любопытством ринулась осваивать новое пространство, и город очаровывал меня все больше и больше: мощный лабиринт Бакинской крепости, старые кварталы, набережная, по которой прогуливались влюбленные парочки — от всего этого веяло романтикой и счастьем. Через два дня разразился скандал. Мать по своей привычке начала казначить и просить денег, а бабуля послала ее со всей принципиальностью человека, имеющего отношение к запаху денег и нефти. На другой день маман собрала вещи и вместе со мной покинула непреклонную свекровь. Ну, что поделывать, со свекровьями редко кому везет! А на пороге, когда я уже была

за калиткой дома, громогласно прокляла бабулю. И вот ведь прав старик Тютчев: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». В данном случае слово отозвалось далеко не лучшим образом. Буквально через несколько дней бабушка зацепилась платьем за газовую горелку и сгорела заживо. И тут вся родня ринулась искать, где их «куркулиха» спрятала деньги. Дед, отец моего отца, имел до революции завод в Баку, огромную деревню в Нагорном Карабахе, владел фабрикой, был бережлив и скуп, поэтому все знали — деньги есть, но вот где? Сначала бойкой родней был перевернут весь дом. Затем раскопки продолжились в саду. Бабуля, безусловно, увидев бы такое количество родственников с остервенением вскапывающих ее огород и все, что его окружало, просто рыдала от умиления и счастья, что сумела-таки воспитать в своих потомках любовь к труду. Надо заметить, что бабка оказалась, видимо, поклонницей истории про кота Базилио и лису Алису — вскоре из земли под радостные крики родни выкопали шесть кувшинов, полных золотых монет. Мать, узнав про находку, рванула было снова в Баку, но я встала на пороге, пригрозив, что если она это сделает, потеряю к ней последнее уважение, и матушка осталась дома.

Между тем события начали развиваться весьма неожиданно: в меня влюбился молоденький армянин из Греции, заявив в порыве страсти, что в свои почти двадцать лет имеет полное представление, как обеспечить женщину и деньгами, и любовью. И вот в один знаменательный вечер этот прекрасный греческий армянин, или армянский грек, заявился к нам просить моей шестнадцатилетней руки. В самом начале его взволнованной речи матушка отказала ему с таким темпераментом женщины гор, что парень кубарем летел по лестнице. А я от радости, что в кои-то веки наши с маман взгляды на жизнь и мое место в обществе совпали, включила радио и начала танцевать. Итак, включила музыку

порадоваться, что замуж не выхожу, и вдруг слышу — поет знаменитая тогда Майя Кристалинская:

Усть-Илим на далекой таежной реке,
Усть-Илим от огней городских вдалеке,
Пахнут хвоей зеленые звезды тайги,
И вполголоса сосны читают стихи.
Позови — я пройду сквозь глухую тайгу,
Позови — я приду сквозь метель и пургу...

Тут я плюхнулась на диван от неожиданного прояснения сознания: мне необходимо быть там! Бежать! Бежать!! На волю!!! В тайгу!!! Одна в жизни радость была — аэро-клуб, а все остальное — нудянка: подъем в пять утра, радиозавод, вечерняя школа, а после нее Варька с нервным тиком по поводу моего здоровья, целости и сохранности. Ночь прошла в мечтах о неведомых мирах, и на другой день я отправилась в райком комсомола. Перед этим, конечно, долго думала, в чем идти, осознавая серьезность момента. Одеться в черное уж очень мрачно, в белое — за святую могут принять, вообще в райкоме на порог не пустят. Надела серое платье, накинула пальтишко и уже на ходу схватила шляпку, крепко нахлобучив ее на голову. Иду по городу, и все на меня оборачиваются и улыбаются. То, что они дружно попали под обаяние моей неземной красоты, мне, конечно, в голову не пришло, я с юных лет отличалась сообразительностью и скромностью. Поэтому решила, что от меня исходит свечение от комсомольской сознательности. И только войдя в здание райкома и бросив взгляд в огромное зеркало около бюста Ильича, я поняла, в чем было дело. Из-под шляпки торчала ярко-красная перчатка, которую я впопыхах не заметила. К слову, недавно увидела на показе мод в Париже — по ТВ, конечно — супер-модель в такой шляпке, из-под которой торчала перчатка.

Приятно, не скрою, что спустя пятьдесят лет французы взяли на вооружение мою творческую идею!

Поднимаюсь по лестнице, иду по коридору и, решительно перешагнув порог кабинета, заявляю: «Пошлите меня в Усть-Илим! Причем немедленно!» Секретарь райкома чуть из кресла не вывалился: «Куда?!» Я объясняю, мол, туда, о чем Кристалинская поет: «Где сосны читают стихи». Он испугался чего-то, схватился за трубку, видимо, на помощь хотел позвать, но я решительно сделала шаг вперед и с металлом в голосе произнесла: «Товарищ секретарь, никуда звонить не надо! Я прошу вас меня послать, и вы меня пошлете!» Секретарь что-то закричал про мои «шестнадцать лет, золотое детство, мамино крыло» и о суровых сибирских морозах, но я стояла на своем — хочу и поеду!

После райкома домой попала только вечером. Сначала работа, потом школа, пришла без сил, даже ужинать не смогла, не раздеваясь, упала на кровать и уснула. Просыпаюсь от звонка будильника, он у меня в металлической миске стоял, чтобы уж звук был слышен наверняка, пытаюсь дотянуться до него, чтобы в очередной раз заткнуть навеки, и с ужасом осознаю — я привязана к кровати по рукам и ногам. Не шевельнуться. Выяснилось — секретарь райкома настучал о моем приходе Варьке, велел за мной присматривать, потому что я ворвалась в его кабинет и требовала немедленно сослать меня в Сибирь, потому что якобы чувствую, что я — Майя Кристалинская и мне необходимо поехать и что-то спеть читающим стихи соснам.

Мало того, что каждую ночь до этого матушка под вой соседского Шарика приходила ко мне в комнату со свечой в белой рубашке до пят и, наклоняясь к моему лицу, а иногда почти хватая за нос, проверяла, дышу я или нет, так теперь у нее вообще началась клиника. Вызвав врача и посадив меня на больничный, мать начала окончательно

посвящать мне всю свою оставшуюся жизнь. Как назло, к нам заглянули цыгане-погорельцы, и одна из них, напившись воды, озорно сверкнув глазами, бросила взгляд на мое пятно на голове — тонкое, розовое, и заявила: «О-о, что у вас за ребенок, вы даже не знаете, какой это ребенок!» Мать, конечно, не поняла, что та имела ввиду, но с этого момента начала присматривать за мной еще более настойчиво. Мне очень хотелось сказать маме, что я знаю ее тайну, и поэтому считаю, что она не имеет права меня душить своей любовью, но... я молчала.

А тайна была такова. Лет в тринадцать, когда я вышла из дома, ко мне подошла одна очень добрая женщина и спросила: «А ты знаешь, что это не твоя родная мать?»

Я глаза вытаращила: «Как это так?» А она продолжила: «Пойди к бабушке, тебе расскажут...»

* * *

Как частица Бога, так ад и рай — в самом человеке. У каждого свой ад и свой рай. У каждого свое понятие Божества, и не надо бояться ничего. Надо быть снисходительным к людям, приносящим свой рай к тебе, который может стать адом. Не сотворя себе кумира, имей свое Божество, частица которого и есть ты — отнюдь не венец творения...

* * *

Я помчалась к бабуле. И та поведала: в молодости у отца был роман с молоденькой девушкой из крутой русской семьи. Девушка забеременела, они еще встречались, потом отец уехал по делам в Самарканд, а вернувшись,

обнаружил, что девушки-то и след простыл. Как потом оказалось, она меня родила и сразу же сдала в детский дом. Отец бросился на мои поиски, сначала в Ереван, потом в Баку. Несколько месяцев искал, забрал из детского дома, посадил в машину, я только сидеть научилась, сейчас, конечно, трудно себе представить, что я когда-то сидеть не умела, и повез домой.

По дороге остановился у ларька, видит девушка красивая стоит, мороженое ест, стройная, темноглазая, брови вразлет. Отец подходит и решительно заявляет: «Девушка, срочно выходите за меня замуж! И вот как удачно, в этой машине вас уже ждет наш общий ребенок!» А он, я говорила, красив был, как бог! Варька расхохоталась и... позволила себя украсть. К тому времени папа уже купил домик в центре, там мы и поселились. Выслушала я эту историю, затылок почесала и говорю: «Бабуля, не надо Варьке рассказывать, что я что-то знаю, зачем ее огорчать!» На том и порешили. Мать только в самом конце жизни от меня правду услышала, когда уже совсем довела до белого каления.

Так вот, два дня после похода в райком я уговаривала маму отпустить меня с миром: «Ты же мне сама любовь к романтике привила, к русским людям, а там, мамочка, русские люди работают, хорошие люди...» Два дня убеждала — мать ни в какую. С чугунным утюгом не расставалась: «Я тебя сейчас как утюгом садану — навек на месте останешься!» Так, отвязывая от кровати, с утюгом туда-обратно в туалет меня и водила, как под дулом автомата. И тут собралась она за хлебом, мы уже все запасы подъели, а я спящей притворилась, лежу на кровати, туго-туго калачиком свернулась, и яростно посапываю. Сама сквозь ресницы за Варькой наблюдаю. Та постояла, видно, прикидывая, за что б меня ухватить, чтоб к кровати снова привязать, рукой махнула и вышла на цыпочках. Я вскочила и — к столу. Там у меня

паспорт был и двести рублей от зарплаты. Хватаю сумку, бросаю туда немного вещей и — бежать. Чувствую себя советским военнопленным, сбежавшим из вражеского лагеря, и твердо решаю: живой не сдамся!

Примчалась в школу, забрала документы и скорее на вокзал. Добралась до Москвы, оттуда до Братска. А как дальше — не знаю.

Дороги на Усть-Илим не было. «АНтошка» — я про самолет — летал редко. Раз в неделю между Братском и Усть-Илимом курсировал маленький кукурузник. На билет я денег еще наскребла, а на жилье уже не хватило. А кукурузник этот, как назло, с утра улетел. Значит, неделю надо было ждать. Шикарно! Я устроилась на вокзале, оставила там сумку и отправилась изучать город. Красота! Размах! Простор! Народ разный: и комсомольцы, и пьянь всякая, и уголовники... Вечерами то там, то здесь слышна была ругань и пьяные крики, драки на ровном месте возникали, под парами алкоголя страсти вспыхивали, как спички. Но меня никто не обижал, мне вообще почему-то всегда везло. Со мной такое по жизни приключалось — «все деньги»! Гуляла я, гуляла, проголодалась и зашла в бутербродную. Купила бутерброд и чай, сижу, жую. А народ вокруг отдыхает. Тут откуда-то из-за моей спины появился кудрявый парень в телогрейке, под которой виднелась тельняшка, в руках — бутылка водки. Сделав глоток, он задумчиво уставился на меня. «Слышь, детский сад, выпьешь? — протянул мне бутылку. — Много не дам, но на пару глотков расщ... сщ... щедрюсь!» Я покачала головой. «Да-а ладно!» — Он придвинул стул с низкой спинкой и устроился возле меня поудобнее. Замечательный парень оказался, всю свою жизнь мне рассказал.

Никак не могла его остановить, слова вставить не давал. «Так что прошлое у меня — дерьмо страшное, настоящее — фиговое, а будущее — все в тумане», — глубокомысленно

заклучил он, стукнув кулаком по столу. Вокруг повисла тишина. Я решила воспользоваться моментом и ретироваться, но собеседник ловко схватил мою руку, пригвоздив к столу. В его глазах мелькали злобные чертики. У меня оставался один выход — забить его интеллектом. Своим или чужим. Как получится. Я нахмурилась и выдала на одном дыхании: «Вот ты говоришь — прошлое, настоящее, будущее. А нет его, настоящего! Не существует! — Парень вытаращил на меня глаза, а я продолжала, тихонько освобождая руку — Настоящее не может существовать, потому что в тот момент, когда ты произнес один слог, он уже становится прошлым. Я могу, к примеру, взять из будущего следующее слово и произнести его, и тогда оно станет прошлым. Понятно говорю? Поэтому все существует одновременно — и нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего!» — я окончательно освободилась из плена и направилась к выходу. Парень, икнув, проводил меня одуревшим взглядом и, в несколько глотков окончательно опустошив бутылку, доверительно сообщил: «Понял. Ничего нет. Вообще. Только водка».

Неделю я прожила в Братске, ночевала на вокзале, люди вокруг подобрались все один к одному — молодые, веселые. Время прошло незаметно. И вот прилетаю в Усть-Илим. Сверху смотрела — красотища! А на земле еще лучше: тайга глухая кругом, Ангара, воздух на вкус можно пробовать, палатки, народ копошится. Романтика! Стою я посреди стройки, и прикидываю: а что дальше-то? Куда идти? Решила не мелочиться и отправилась сразу к начальнику всей стройки. Прихожу — серьезная, деловая, без бантиков — в вагончик, где начальник сидит. Крутой такой еврей, важный, ну, всей стройки начальник, понятное дело, и заявляю с порога: «Здравствуйте, я хочу у вас работать». Он встал, обошел вокруг меня, оглядел с ног до головы: «Девочка, ты откуда приехала?!» Я снова про

Кристаллинскую, про тайгу, энтузиазм свой комсомольский, а он как начал хохотать, аж за голову схватился: «Ты вообще соображаешь, куда я тебя здесь дену?! Что ты знаешь? Что умеешь?» Я ему втолковываю, мол, на радиозаводе работала, так что самый настоящий рабочий класс. Тут ему совсем плохо стало, просто слезы потекли: «Ты что, здесь собираешься детали выпускать?!» Я стою перед ним, как Зоя Космодемьянская перед фашистами, гордая и непреклонная, не то, что он — девчонку увидел и сразу в слезы... В этот момент начальник, видно, мысли мои презрительные прочитал, слезы вытер рукавом и произнес фразу, которая чуть меня не отправила на тот свет: «Девочка! Давай я тебе билет сам куплю обратно и отправлю к маме!»

Я как заору: «Нет!!! Только не это!! Я лучше брошусь в Ангару!!» А сама уже вижу заголовки газет: «Молодая девушка — энтузиастка из Еревана бросилась в Ангару от бездушия чиновника». С визуализацией у меня всегда хорошо было, поэтому представила все настолько ясно, что, очевидно, моя скорбь по поводу неизбежной собственной кончины моментально отразилась в глазах. Начальник закурил, почесал затылок и произнес: «Ладно, хрен с тобой. Дам я тебе место в общежитии и записку к коменданту. Будешь воспитателем».

Пришла я к коменданту — замечательная была женщина, веселая! Я это сразу же поняла, как она записку прочитала — уж очень смеялась. Идем по общежитию мимо ленинской комнаты, знамен, стенгазет, а она аж трясется от смеха. Привела в новые хоромы — малюсенькую чистенькую комнатку, но главное — мою! «Ты, детка, ежели что — сразу мне говори! У нас ребята-то стремные!» Я насторожилась. Спрашиваю: «А в каком таком садике я буду работать, большая ли группа?» Та только глазами сверкнула и сообщила, что вечером нас познакомит.

Умылась я, переоделась и заявила через пару часов в ленинскую комнату. Сижу, жду, портреты вождей изучаю. Выяснила, что половину видела в первый раз. Ну, Ленина, Маркса, Энгельса, понятно, каждый знает, их не забудешь.

Мне даже один раз Маркс приснился: «Почему ты, девочка, не любишь химию, это неправильная жизненная позиция!» И бородой трясет. Правда, Варька пыталась успокоить: «Это святитель Николай тебя уму-разуму учит, скажи ему спасибо». Но я спасибо говорить не стала, потому как была уже сознательным ребенком и точно могла отличить святителя от основоположника. А химию с тех пор вообще возненавидела! Так вот, в этой ленинской комнате висело столько вождей, что я растерялась, видимо, кроме всех членов политбюро были еще какие-то местные ангарские руководители.

Наконец, открылась дверь и в комнату вошли пятнадцать здоровенных мужиков в телогрейках, ростом под потолок. Я чуть со стула не свалилась. Процессию замыкала комендантша с видом «дядьки Черномора». Рассаживаясь, ребята изумленно переглядывались, а она ткнула в меня пальцем и заявила, что теперь я их буду воспитывать. Потому что на всю стройку у меня одной так много знаний, что мне просто необходимо с кем-то ими поделиться. И от меня теперь они будут узнавать, чем живет наша родная страна и неродной мир. Кроме того, я их просвещу по поводу литературы и истории, и расскажу о великом нашем человеке, которого должны знать все нормальные люди, «несмотря на то, что он араб, а он — Пушкин».

Смотрю, ребят вообще заклинило. Молча на меня уставились. А я худая была, рост 164 сантиметра, чувствую, они прикидывают, где это во мне столько знаний поместилось?

Комендантша ушла и началось! «Это кто такой к нам залетел? — некоторые слова я упускаю, понятно. — А ну, давай, поучи нас!» Хохот стоял — стены дрожали. Но мы

быстро нашли общий язык. Я спокойненько так им сказала: «Ребятам, ну ладно вам, хватит смеяться, давайте сначала поговорим! А там разберемся who is who!» Они насторожились, смеяться перестали и осторожно заинтересовались, чего это я такое сказала. Я пояснила, что «ху из ху» — это английское выражение, означает «кто есть кто». Тут они оживились и изъявили дружное желание, чтобы я их просвещала еще и в области английского языка, который ласкает их слух, прям как родная русская речь. На том и порешили. Надо сказать, я очень люблю общаться с людьми, это ведь невероятно интересно! Думаю, в жизни важно общение с самыми разными людьми, и наличие гонора — признак определенного бескультурья. И может быть для кого-то дворник — это слуга, но крайне некультурно ему об этом сообщать. И еще более неприлично с ним не контактировать, считая себя выше него. Что бы ни происходило в моей жизни, всегда помнила два самых главных для меня изречения царя Соломона: «Все проходит» и Бальзака: «Гений может быть всеми, но никто не может быть им».

Люди на стройке были самые разные, и мне со всеми было легко. Я никогда не слушала сплетен, вообще — что о ком говорят. Если станешь слушать — невольно начнешь реагировать, и человеку уже передадут, что тебе «все» было сказано, а на деле рассказчик просто хочет заполучить новенького в роли «своего» человека. У меня два правила: не реагировать на сплетни о других и как можно меньше говорить о себе. Полностью, конечно, не получится ничего не говорить, особенно за рюмкой водки, сразу же возникнут опасения, что здесь что-то нечисто. Но лучше обходиться минимумом информации. И водки. Ребята-лесорубы так привыкли ко мне, что иногда говорили: «Слушай, если ты устала, то не парься с нами, мы тут полчаса тихонько посидим, в шашки поиграем, домино, а ты хочешь спи, хочешь читай, мы скоро слиняем и никому ничего

не скажем». Но вскоре я от этих обязанностей начала задыхаться, рвалась на серьезную, настоящую работу, не для того же я в такую даль приехала! И снова направилась к начальнику стройки.

Прихожу, он сидит за столом и жует что-то. Меня увидел, подавился, закашлялся. Я подошла деловой походкой, пару раз по спине его шандарахнула, спасла вроде как, и, понимая, что из него сейчас благодарность полезет, сразу же заявила, чтоб он особенно не мучился, что бы такое для меня хорошее сделать: «Я у вас уже освоилась, давайте мне теперь что-нибудь посерьезнее». Он пару глотков воды сделал, в себя пришел, посмотрел задумчиво на графин и спросил: «Воды боишься?» «Нет!» — выпалила я. Не могла же ему ответить, что «боюсь» — это еще мало сказано! От воды я впадала в ступор. Не воды как таковой, а при виде водоемов — рек, озер, морей... при виде океанов тоже, наверное, впадала бы, просто не проверяла еще.

Это я поясняю, чтобы не думали, что я от луж каких-нибудь уже прихожу в коматозное состояние. Есть, правда, одно явление, которое меня совсем парализует. Это бабочки. Вот бабочки — это, наверное, единственное, что мешает мне жить! Эти чудовища обожают издеваться надо мной, залетая в комнату, садясь на занавеску и оттуда сверля меня своим мерзким изучающим взглядом. Они явно понимают, что при виде них я не могу пошевелить ни рукой, ни ногой и жду, когда кто-то зайдет и прогонит их вон с глаз моих. Ну, до бабочек в Усть-Илиме, слава богу, дело не дошло, а вот с водой смириться пришлось. В ожидании вакансии маляра или штукатура меня устроили вахтенным матросом на кораблик, который шнырял взад-вперед по Ангаре то с углем, то с оборудованием. О-о, это было замечательное время! За бортом красотища, музыка играет, а я шикарная до умопомрачения, в настоящей тельняшке, берете, драю палубу шваброй с утра до ночи.

Маман в это время строчила письма в «Комсомольскую правду» и «Известия», мол, ее, сознательную советскую гражданку, бросила несознательная дочь. А ей возмущенно отвечали: «Как вам не стыдно, товарищ, ваша дочь уехала на великую стройку создавать наше светлое будущее! Деньги вам высылают? Высылают. Значит, не бросила!» Деньги нам, надо сказать, платили очень большие по тем временам: полторы-две тысячи, поэтому я и матери отправляла и себя не обижала. Варька же там по понятным причинам с ума сходила — не на кого было изливать свое бьющее через край материнское чувство, по ночам со свечкой ходить, это она, наверное, в фильме про детство Ленина подсмотрела. Там его мать в такой же длинной белой рубашке ходила со свечой к будущему вождю пролетариата. В общем, в Ереване страсти кипели, а я драила палубы. Драила и при этом, естественно, училась в вечерней школе. Меня сразу же определили в 10-й класс, но я директору честно изложила свою позицию: «Алгебру не знаю, и знать не хочу, химию презираю, со всем остальным что-нибудь сделаю».

Наступили холода, и меня, наконец, перевели работать изолировщицей. Вот радость была! К тому времени начали для людей строить дома, значит, котельные рядом и отопительные трубы высотой метров двадцать с лишним. Нам выдавали шлаковату, на подъемнике поднимали наверх, и мы эти трубы оборачивали. На улице минус сорок пять, простор, красотища неопишуемая, небо синее, солнце, сосны высоченные! Смотришь вокруг и думаешь, до чего же жить здорово!

Райское время было — с самолетов сбрасывали бананы, апельсины... В 60-х годах! Апельсины с неба! Сейчас бы так: идешь, а тебе с неба — бац! — апельсины с бананами валяются... Правда, мужикам выпивки не хватало. Водку-то не сбросишь! Но где наша не пропадала? Выпить хотели все — и романтические мальчики, и амбициозные

комсомольцы — будущие вожаки, и уркаганы. Мороз! И вот начальство впало в недоумение — мужики в тайге как-то очень яростно начали уделять внимание своему внешнему виду, требуют привозить им гуталин и все тут! Это в тайгу-то! И выяснилось: наши умельцы гуталин намазывали как масло, высушивали, а там же спирт, потом соскребали и хлеб съедали. А начальство голову ломало — зачем в тайге столько гуталина? Ну, вовремя спохватились, испугались, что народ разбежится, и договорились в соседней деревне, что там будут брагу готовить. Бочками заготавливали. На улице минус пятьдесят уже, а работать мы имели право до минус двадцати пяти. Стройку-то не остановить! Ее за два-три года заканчивать надо было. Значит, необходим энтузиазм и задор. Без браги с задором туго. И вот мужикам стали наливать по полстакана спирта, выдавать рыбку соленьюкую ангарскую — омуля, хариуса, и отправлять наверх, на трубы. Пока поднимались, спирт на морозе улетучивался, а энтузиазм — нет. Но я не пила, у меня и так энтузиазма было навалом.

И на фоне всего этого я еще ходила в школу. А в школе вообще песня была! На занятия приходили в телогрейках, румяные с мороза, один другого краше. Народ собрался интересный, разный, но всех объединяло желание получить аттестат для повышения уровня будущей жизни. Я стремилась в МГУ, на журфак.

В это время к нам прибыла претенциозная дама, которая называла себя Мария Ангарская, дочь какого-то соратника Ленина, проживавшая в Москве на Тверской. И вот ее с этой Тверской прямо к нам занесло. Увидела она меня, чуть в обморок не упала, заохала, ручками хлопала — как же так, семнадцатилетняя девушка из Еревана, уже год на стройке, в мороз на такой высоте работает, а страна про нее ничего не знает! Это какая же находка для подъема нравственного самосознания народа! И накатала эта дочь соратника про

меня в «Литературную газету». Отвратительная вышла статья! Финал меня так взбесил, что появилось желание дать этой Марии Ангарской по голове чем-то очень тяжелым. Для оживления черт лица. Все это безобразие звучало примерно так: «Юная девушка стояла на горе и грустно смотрела вдаль. Она вспоминала родной Ереван и тихо роняла слезы на снег». Слава богу, к моменту выхода статьи дама благополучно смылась к себе на Тверскую.

Училась я, училась и, наконец, доучилась до выпускных экзаменов. По русскому и литературе мне сразу пятерки вывели без экзаменов. Я за год просто задавила всех своей эрудицией. У учительницы, по-моему, тик уже начинался при одном моем виде. Боялась, наверное, что я начну стихи читать или проводить сравнительные характеристики Онегина с Карамазовым или Отелло с Базаровым. По черчению поставили, как выразились, «гиперпятерку», даже предложили перевести в конструкторское бюро. Но я, понятно, отказалась — мне неволи в Ереване хватило по горло. Я рвалась на ангарские просторы! Насчет химии и алгебры, так я заранее предупредила, что в этих вопросах тупее меня найти трудно, все по-честному.

И вот выпускной! Радость была неопишуемой! Наконец-то! Учителя, кстати, замечательные, сильные педагоги, четыре ящика водки приготовили, как-никак первый выпуск на стройке, исторический, можно сказать.

А в нашем классе училась одна девчонка забавная, Тонька. Помню, первый раз ее в душевой увидела — чуть в обморок не упала. И это при моей стабильной нервной системе! У этого милого изящного создания почти все тело было покрыто татуировками, как сейчас у одного бритоголового певца в темных очках, которые он, видно, носит, чтобы не спугнуть фанатов интеллектуальным взглядом. Тонька его явно опередила. Причем, у нее не было никакого уголовного прошлого, просто приколисткой такой была,

самоутверждалась среди своего разношерстного окружения. Так вот, гуляли мы, веселились, танцевали, ели, пили потихоньку, все пристойненько, выпускники, гости и педагоги уже породнились, можно сказать, и тут кто-то спохватился — а Тонька-то где? Последний раз видели ее у стола с рюмкой и куском колбасы, и вдруг исчезла! Все углы облазили, все осмотрели — пропала наша Тонька! Выскочили на улицу, бегаем под дождем, кричим, зовем — тишина. Вдруг вижу, в сумерках на дороге виднеется что-то белое. Далеко-далеко. Зову ребят. Подбегаем. И перед нами предстает незабываемая картина: в телогрейке поверх белого выпускного платья, с трогательным мокрым бантиком на голове, в самой грязи у обочины сидит Тонька с аттестатом в руках, выданным родным нашим Иркутским отделом народного образования. Дождь по аттестату хлещет, она смотрит на корочку и плачет счастливыми слезами, причитая: «Ой, б..., неужели я закончила эту... школу, ой, б...!» А с аттестата последние чернильные слова по каплям стекают...

На нашей стройке тогда была агитбригада, которая пела песни, что-то там рассказывала патриотическое, агитировала энергично идти в светлое будущее, вот Тоньку туда после героического окончания школы взяли работать конферансье. И тут началось что-то необъяснимое. После трех-четырёх концертов этой самой бригады народ начал просто ломиться на их выступления. То есть помещения, где они должны были выступать, брали штурмом. Как Зимний. Хотя сейчас говорят, что Зимний штурмом не брали, но уж очень образное сравнение получается, сразу картинка перед глазами возникает: народ бежит с криками «ура», залезает на ворота, и те распахиваются под напором трудящихся масс. Примерно так у нас и было — вся Иркутская область, лесорубы, строители, монтажники, все жаждали заполучить себе Тоньку с ее бригадой. Нас, одноклассников, это заинтересовало, понятное дело, и мы, изнемогая

от любопытства, с трудом дождались, когда бригада и до нас доберется. Приделались и дружно отправились смотреть, что же там такого Тонька делает. Сидим, волнуемся, предвкушаем. И вот, наконец, на сцену вышла Тонька в концертном платье, до боли напоминающем занавеску из нашей бывшей общаги, обвела зал бойким взглядом, поприветствовала нас жестом пресыщенной народной любовью звезды, и торжественно произнесла: «Привет, б...! — это у нее нормальный такой, невинный речитатив был на голубом глазу. — Эх, вот мы, ...твою мать, приехали... на х... через такую, б... даль, просвещать вас и агитировать, и поэтому сейчас выступит, б... Нинка Петрова, она вам на х... споет романс о птице соловье...» И все это так искренне, непосредственно! Зал стонал от смеха. Так примерно она все эти концерты и вела, с невинным видом круглой отличницы.

С ней вообще множество забавных историй приключалось, но не обо всех можно рассказывать. Помню, вся стройка гудела: «Тонька влюбилась!» Со всей накопившейся страстью, на которую была способна. И в тот момент, когда они, как сейчас говорят, — не люблю это выражение — «занимались любовью», кого-то неожиданно угораздило зайти в комнату. Вот взял человек и сломал ребятам весь кайф! Залетает к ним и орет: «Тонька, у тебя спички есть?» Но ей-то явно было не до спичек. От неожиданности у бедной девушки случился «вагинизм»: склеились они — и ни туда, ни сюда. Она лежит сверху парня, орет, на помощь зовет, народ в комнату набился, принялись их растаскивать. Как в сказке: бабка за дедку, дедка за репку... А парень-то еще от смущения голову подушкой закрыл, но не рассчитал видно, что операция по спасению может затянуться на длительное время, посему уже начал там, под подушкой, видно, задыхаться, от чего яростно принялся дрыгать ногами, обозначая свое бедственное положение. Конвульсии,

короче, начались у бедолаги. Жить-то хочется, он же еще ГЭС не достроил! Тонька кричит благим матом, чтоб он конечностями не усугублял ситуацию, а он-то не слышит ничего под своей подушкой. Когда спасатели, наконец, поняли, что к случившемуся надо подойти профессионально, вызвали скорую. Пока та ехала по нашим колдобинам, Тонька можно сказать любовнику жизнь спасла, потому как от переизбытка чувств решила дать ему кулаком в ухо, для чего, понятно, скинула с него эту самую подушку. У парня слезы от счастья полились. Приехали медики в сапогах почти до пояса, всех из комнаты выгнали. Видимо, тоже пробова-ли в «репку» поиграть. А у подъезда уже толпа собралась, ждут выноса тел. И дождалась. Четыре санитаров носилки несли — парень тяжеленный оказался. Бедолаг простыней прикрыли, еле до машины дотащили. Много чего я в жизни видела, много слышала, но такого мата, каким Тонька крыла собравшихся, санитаров, всю советскую медицину, своего любовника и его несчастную мать, я не слышала и, точно знаю, не услышу никогда!

А у меня тогда тоже роман случился — начала встречаться с красивым парнем по имени Александр. На Тихонова похож был и любил меня безоглядно. Мы с ним очень дружили, часами могли говорить, вечно что-то обсуждали, с ним было очень интересно. Возможно, я даже могла бы выйти за него замуж, но когда его татарские родители, правоверные мусульмане из Новокузнецка, узнали, что сын влюбился в армянку, разразился скандал. Нам пришлось расстаться. Потом, спустя много лет, он нашел меня, писал, что жизнь у него так и не сложилась, во всем обвинял мать и свою нерешительность. Кстати, к моменту расставания с ним я еще оставалась девушкой, чему мало кто верил — нравы на стройке были достаточно свободные. От разрыва с Сашей я отошла довольно легко — я умею расставаться...

* * *

Клясться в вечной любви нечестно. Загоняя себя в капкан обещаний, ты даешь себе право противоречия — мелких тайных желаний, трусливо метущихся в омуте эгоизма. Преданность должна быть в дружбе, в принципах, во взглядах на жизнь и во многом другом. Но только не в этом. Я настолько не человек, что мне удастся быть им, когда это надо. Бывая человеком, я хочу вечности в любви. Возвращаясь к себе — не знаю этого слова. Может быть, поэтому я преданнее других... Платоническая любовь — это эротика страха. Боязнь разочарования, неуверенность в себе, эгоизм — продление желаний...

* * *

Часто при расставании люди начинают страдать, рыться в себе, анализировать, придумывать что-то в попытке объяснить поступки другого человека. Отчего это происходит? Думаю, оттого, что они не допускают даже мысли, что могли ошибиться.

«Ах! Этого не может быть! Он такой замечательный! Значит, здесь что-то не то, значит, это я в чем-то виновата, это я что-то сделала не так!» — мучается несчастная, вместо того, чтобы просто признаться себе, что она действительно ошиблась в человеке. Унизительно? Возможно. А что делать? Я всегда умела сказать: «Ну и бог с ним, этого человека для меня не существует. Все!» Потому что я — живая и имею право на ошибку. Я хотела общения с этим человеком, он был мне интересен — надела на

время розовые очки, а потом сняла. Для меня это — принцип, а не жестокость. Мне часто говорят: «У тебя все люди хорошие!» Неправда! Я просто всегда оставляю в душе место для разочарования. Вижу человека, он мне нравится, я общаюсь, но знаю, что в разведку с ним не пойду. Случилось что-то — я отхожу. Но как? Будто прыгая в последний вагон поезда, оставляя его на перроне. Не я остаюсь — он остается. Это надо помнить. Тогда и обид будет намного меньше.

В моей истории я прыгнула в вагон поезда на самом деле — отправилась в Москву поступать в МГУ.

Со мной в Москву поехали еще несколько человек. Мы решили воспользоваться возможностью и посмотрели Красноярск, Новосибирск, Омск — какая же там красота, какая природа! На вокзале в Москве распрощались и разбежались кто куда. Я разбежалась на улицу Лесную — у меня там жила двоюродная сестра Бэлла с родней. Нашла ее дом, звоню из автомата рядом с подъездом, чтобы предупредить заранее о сваливающемся на несколько дней счастье. Поговорила и пришла к выводу, что уже достаточно ее порадовала и в их квартире мне, «приемышу», лучше не появляться. Да и потом это бы создало большие неудобства — у них на четверых было всего четыре комнаты, и куда там мне, пятой, втиснуться? Можно понять. Иду по Лесной улице, ем мороженое, за спиной рюкзачок от любопытства подпрыгивает. Денег уже осталось мало, поэтому чувство легкости на душе необычайное! Тут вижу — троллейбусный парк. «О, — думаю, — троллейбус — это как раз то, что нужно! Крыша есть, окна есть, чисто, красиво, и сидения мягкие». Шикарное, кстати, место оказалось! Утром проснулась и отправилась подавать документы на журфак. И вот, как назло, в эти дни попался мне под руку роман Жоржа Сименона, который, судя по всему, и соблазнил меня детективной романтикой,

в результате чего я, неожиданно для себя, отдала документы на юридический. Наверное, еще и столичный воздух свободы вскружил голову. Как профессору Плейшнеру в знаменитом фильме. Короче говоря, ничего хорошего из моей авантюры не вышло, чего и следовало ожидать, и я благополучно вернулась в Ереван.

Матушка, встретив меня с плохо скрываемой тревогой и, очевидно, решив, что я первым делом отберу у нее все деньги, которые ежемесячно присылала из Усть-Илима, старалась на глаза не попадаться. Вариантов устроиться на работу с моими рекомендациями было много, я успела после навигации по Ангаре поработать и маляром, и штукатуром, и электриком, поэтому через день после приезда уже работала в ОТК на электрозаводе. И вот в первый же обеденный перерыв, который я проигнорировала — не люблю есть по расписанию — произошло совершенно неожиданное. Сидя на подоконнике с книгой, я подняла голову на звонкий стук каблукочков по кафельному полу. Навстречу мне шла шикарная женщина с копной роскошных каштановых волос. В каком-то непонятном оцепенении я уставилась на нее, как удав на кролика. Коридор упирался прямо в окно, на котором я сидела, и для того, чтобы пройти в столовую, ей надо было свернуть налево. Время замедлило ход, шум голосов исчез, только звук ее каблукочков отдавался где-то внутри меня. Она не могла не заметить моего взгляда, и она его заметила. Остановившись рядом, почти коснулась телом моих коленей и, заправив за ухо прядь волос, указательным пальцем подцепила обложку книги, произнеся хрипловатым голосом: «О-о... „Жизнь замечательных людей“? Занимательная серия!» Я спрыгнула с подоконника и захлопнула книгу. «„Поль Сезанн“, — продолжила она, глядя на обложку. — Странный выбор для сотрудника ОТК. Вы ведь в ОТК работаете? Новенькая?» — из ее глаз брызнули зеленые смешинки.

«А что это у вас за имперские замашки? Нам что, уже и книг таких нельзя читать? — хмыкнула я и, посмотрев на часы, висящие на стене, неожиданно для нас обеих спросила — Вы на обед? У вас есть нормальный кофе? Я бы не отказалась! Угостите?» Дальше все было как во сне. Ее уютный кабинет в помещении архива, цветы на подоконнике, мягкий платок, переброшенный через спинку стула, ароматный кофе, оставшийся нетронутым на столе... Жизнь часто дарила мне встречи, и за каждой из них была недосказанность. Это — как новая книга. Хочешь — читай, нет — оставь незамеченной. Выбор за тобой.

Несколько дней мы встречались в перерывах, гуляли после работы и говорили, говорили — обо всем. Недавно случайно прочитала в Интернете отзыв на какую-то книгу одной молодой девы: «Автор нас за дураков держит?! Да люди, которые любят друг друга, разве будут говорить на такие умные темы? Книжки, политика, фильмы, поэзия... За дебилов нас принимают?!» Будут, будут, будут... Нащупывая общие нити восприятия жизни, начиная произвольно ткать из них полотно совместного существования в этом огромном мире, где есть место только для них двоих. С каждым совпадением взглядов люди делают шаг навстречу друг другу, и, наконец, оказавшись так близко, что смешиваются дыхания, понимают — души тоже обладают способностью сливаться в экстазе, и это — ничуть не меньшее удовольствие, чем переплетение тел.

Вскоре она пригласила меня к себе. К тому времени я уже слышала о посиделках в ее доме, средоточии ереванской мысли, интеллекта и культуры. Туда постоянно приходили художники, поэты, писатели, музыканты, и ей захотелось непременно познакомить меня со своими друзьями. Собравшись, я уже подошла к ее подъезду, когда вдруг поняла, что не спросила номер квартиры. Вспомнив, что у нее есть кот, я нашла квартиру по блюдечку с молоком,

трогательно стоящему у обитой дерматином двери. Стук каблучков. Смех. Голоса гостей. Распахнувшаяся дверь. Она на пороге — в черном облегающем платье. И я поняла, что пропала. Ей было тридцать три. Мне — восемнадцать. Ее звали Вика...

* * *

Любовь бывает разной — тихим журчаньем ручья, звоном капли с черепичных крыш, ароматом хвойного леса, мягкими лапами хищника, играющего с добычей, акварельными цветами пространства, густым, неслышным снегом, падающим лавиной с гор, необычной птицей, взмывающей в небо, шелестом листьев, гонимых по асфальту, игривым ветром. Многообразием масок. Выбирай, выбирай своей химией тела, своей душой, своим настроением, своим отсутствием любви. Выбирай... У меня ее так много — этой разной любви...

* * *

Я хотела видеть ее каждый день. Мне необходимо было наблюдать за ней — ее движениями, улыбкой, тем, как она хмурится, удивляется, спорит, жестикулирует. И на протяжении нескольких месяцев, день за днем мы погружались в интереснейшие разговоры с ней и ее гостями: о жизни, поэзии, литературе, искусстве. Прекрасно помню возникший из ничего яростный спор о депрессии с одним томным поэтом, который вечно грозил всем то застрелиться, то повеситься. Да, я считала и считаю, что депрессия — это область эгоизма. Люди уходят в депрессию от безысходности, страха, что

они не смогут поменять ситуацию, от собственной лени. То есть — от слабости. Самое главное — это уже тайны подсознания — желание, чтобы кто-то помог и все исправил. Это, собственно, и рождает эгоизм. Несчастный лежит на диване, свернувшись, как зародыш в утробе матери, и всем своим видом призывает пожалеть его. И вот что интересно! Чаще всего в депрессию, желая вызвать к себе внимание, впадают именно люди гордые, самодостаточные, которые даже сами себе не могут признаться, что им в жизни не хватает всего-то таких мелочей: тепла, любви и нежности. Можно подумать, что всем вокруг их хватает в избытке...

Я не открыла Америки, заявив, что в депрессии есть свой плюс — это возникновение творчества. Безусловно, настоящее творчество возрастает на почве страдания, потерь, ощущения близости смерти. Вика в тот вечер с интересом наблюдала за мной, словно специально сталкивая лбами то с одним гостем, то с другим. «Вы ничего не понимаете, деточка! — кричала мне подвыпившая художница, время от времени бросая в сторону какого-то заезжего актера многозначительные взоры, полные огня. — Умереть от безответной любви! Это ли не прекрасно?» Заметив заинтересованный взгляд Вики, я разошлась не на шутку: «Самоубийство из-за любви? Если человек уходит из жизни из-за проблемы, он там столкнется с чем-то более худшим. Человек не имеет права перед самим собой умирать из-за кого-то! Не сотвори себе кумира! И это очень верно! Берем, к примеру, ситуацию: женщина умирает из-за любви к мужчине...»

Народ начал подтягиваться к нам, заинтересовавшись разговором.

«...он ее не любит — она уходит из жизни. Из-за чего? Из-за того, что она хочет, чтобы он был рядом с ней. Чтобы он принадлежал ей. Это значит, что она его по высшему каллибру не любит. Потому что любовь к человеку должна быть совершенно иной. Если, конечно, это любовь».

Вика, поставив бокал вина на стол, улыбнулась: «Ну хорошо. Допустим, ты меня безумно любишь. А я люблю другого человека. И?..»

Я расхаживала по ее комнате с огромными окнами и продолжала философствовать: «Не стала бы из-за кого-то убивать себя, в твоём примере — из-за тебя. Хотя бы потому, что тебе это — по фигу баян. Умереть — нет. Уйти — да. И пусть никогда не увижу любимого человека, себя я не убью».

«А твоя любимая Цветаева? — не могла уgomониться Вика. — Она же убила себя из-за любви к сыну?»

«Да она просто задушила ребенка своей любовью и довела до того, что он был счастлив, когда она умерла! — фыркнул сидящий в кресле седой архитектор, до этого не проронивший ни слова. — А ребенку необходимо, чтобы мать просто была рядом. Не вместе — рядом. И вообще, — вкрадчиво произнес он, — с каждым человеком нужно быть только рядом — не вместе. Вот — настоящее проявление заботы и любви. И это спасает от любой депрессии и дает силы жить».

Я озабочено отметила одобрителный взгляд Вики, нежно брошенный на седовласого, чем-то напоминающего Михаила Козакова, и решила срочно сказать что-нибудь умное: «Ну, на кого замахнулась! На Цветаеву! Она от матери унаследовала не только одаренность, но и многие болезненные проявления характера, — заметив, что архитектор подошел к Вике, стоящей у окна и что-то шепнул ей, я завелась всерьез. — Все ее романы — быстротечны! — крикнула так, что седой красавец удивленно повернул ко мне голову, будто пытаюсь сообразить, сказанное мною относится к Вике или к Цветаевой. — Вот такое редкое сочетание безмерности в чувствах с быстротечностью романов! — Я подошла поближе. — У нее была потребность ускользнуть, сбежать на самом пике захватившего ее чувства, потому, что она

испытывала сильнейшую бурю эмоций, которые сжигали ее дотла. И она всегда бежала, чтобы остаться в живых. Любовь к сыну — всеобъемлющая, разрушительная, убивала ее, но бежать было некуда... да и незачем, потому что душа ее уже выгорела, а физическое тело не представляло никакого интереса и...» Мою фразу прервал звонок в дверь. Пока Вика шла открывать, я оглядела гостиную. Рядом стояли два известных ереванских поэта — на их лицах читалась гордость от осознания собственного величия, у книжного шкафа благоговейно замерли две дамы средних лет, похожие на учителей ботаники, за столом негромко обсуждали последнюю театральную премьеру несколько богемного вида мужчин... И тут на пороге, как в известном стихотворении: «Вдруг из маминой из спальни, кривоногий и хромой...» появились два милиционера. Один — ярко выражено кривоногий, другой, понятно, — прихрамывающий на левую ногу. Наверное, подвернул на каком-нибудь ответственном задании. Либо из окна любовницы неудачно сиганул — армянин все-таки, темперамент не спрятать! Видимо, сравнение пришло в голову не только мне, потому что, несмотря на необычность ситуации, по гостиной прокатился легкий смешок. «Извините граждане, проверка документов! Ничего страшного», — просипел кривоногий и начал обходить гостей, перебрасываясь с ними короткими фразами. Проверив паспорт, меня вежливо попросили проехать в отделение. Гости оживились, со всех сторон слышались возмущенные голоса: «А в чем, собственно, дело? За что? Что случилось?» Я же, заметив, как, побледнев, бросилась ко мне Вика, была неизменно счастлива. До милиции доехали молча, я вопросов не задавала, служители Фемиды, прикрыв глаза, мирно дремали, пока водитель вез нас по тихим ночным улицам Еревана. Я чувствовала себя революционером, которого подлые жандармы замели на проваленной явке, и представляла, как буду с каторги писать письма страдающей в разлуке Вике,

макая перо в чернильницу из мякиша хлеба — как вождь мирового пролетариата товарищ Ленин. Мои размышления прервал начальник отделения, который оказался нашим соседом — дядей Рубеном. Ну, вся романтика полетела к черту вместе с каторгой, чернильницей и рыдающей Вико!

«Деточка, ты, так сказать, в это гнездо разврата больше не ходи! Слышишь? Не надо! — ласково пропел дядя Рубен, нежно приглаживая три последние волосинки на своей лысой голове. — Нас твоя, так сказать, матушка просила очень напугать тебя. Сказала, что ее брат — сам, — он закатил глаза к потолку, — министр нашей ереванской, так сказать, юстиции! Напугали мы тебя? Напугали! Очень? Очень. — Тяжелая милицейская ладонь легла мне на плечо. — Так что пиши расписку, что в это, так сказать, гнездо ты больше ни ногой!» — и он придвинул мне лист бумаги с ручкой.

«Дядя Рубен, я буду туда ходить, вы же меня знаете! Я все решаю сама. Что делать и чего не делать», — буркнула я. «Знаю. Напиши — и ходи себе. Главное — напиши. Чтоб от геморроя меня избавить!»

И я написала. Это был первый случай в моей жизни, когда я вылечила человека от такого неприятного заболевания...

Через несколько дней на Виду свалился муж. То есть муж был всегда, но — в Москве. Мало того, что он был художником и архитектором, так угораздило его еще стать и главным режиссером одного из московских театров. Сдал он в столице какой-то спектакль и на радостях на побывку примчался в Ереван. Ну, редкостный оказался зануда! Не пил, не курил, глазами своими режиссерскими зыркал туда-сюда, как шпион во вражеском тылу. Картина маслом: Вика расчесывает у зеркала свои шикарные длинные волосы, я с восторгом наблюдаю за ней, стоя у окна — она очень красиво это делала, а муж бегаёт по комнате взад-вперед и кидает на нас внимательные взгляды.

Вика выходит на кухню, муж бросается ко мне, буквально — насколько это возможно — вжимает меня в стенку, неприятно щурит глаза и омерзительно шипит: «Ты что, лесбиянка?!» Я в полном изумлении восклицаю: «А что это?!»

* * *

Я могу подарить тебе безбрежность океана и бездонное небо... тихие дожди за окном и грозовые ливни... запах трав и непонятные ароматы цветов... я могу подарить тебе все четыре времени года и сюрпризы природы... веселые дни и прекрасные ночи, когда в глазах отражаются звезды, и каждое слово — кощунство, когда есть прикосновение. Я могу подарить тебе пленительность разгула и дикой бранной страсти... неслышную музыку сфер и сладость бессмысленной боли. Я не сделаю этого. Я не сделаю этого, потому что я не могу подарить тебе себя...

* * *

Он приосанился, отошел к зеркалу, бросил взгляд на свое отражение, словно удостоверившись, что с его половой принадлежностью все в порядке, и важно проговорил: «Ну-у... если ты не знаешь... расскажу... Была, понимаешь, эээээ-э, поэтесса Сафо... Цветаева...» — и начал объяснять. Идиот! Он сделал все наоборот! У меня сразу все сложилось в целую картину, просто как пелена с глаз пала — ага, значит, можно до нее дотронуться, что-то сделать? Но вот что? Я стала на нее наседать: «Вика, твой муж открыл мне

глаза, ты же знаешь, что я тебя люблю...» Она смеется: «Знаю, а дальше-то что?» Я пыжусь от важности, сама голову ломаю — и правда, а что дальше?

А у Вики в это время был любовник — министр какой-то промышленности, интересный мужик, которого потом угораздило в меня влюбиться. Умора просто — не знала, как от него вежливо отделаться. Вскоре отношения с ним Вика почти свела на нет, и я стала ходить к ней каждый день. Как матушка говорила — в «гнездо разврата». Ну, страсти-то там кипели нешуточные: то любовник бывший звонит, сцены устраивает, то муж приезжает, орет, то я подерусь с кем-то. Дралась я, правда, редко, но — всегда по делу.

Иду, к примеру, к Вике — на высоченных каблуках, в красивом платье, в клипсах, сейчас смешно представить меня в клипсах, а в руках — две сумки с книгами. Из-за угла выходит парень и начинает меня обхаживать: «Ах, какая девушка, ах, не желаете ли вечером прогуляться, ах, какая у вас талия...» — и обнять еще пытается, паразит! Я как звезданула его сумкой, силища-то после Сибири немалая, он и рухнул. Лежит себе и не шевелится. Поднимаюсь наверх, ставлю сумки на стул и говорю: «Вик, там мужик лежит на улице. Проверь, живой или нет. Меня что-то терзают смутные сомнения». А она хохочет: «Ты что ли его приложила?»

В бурную Викину личную жизнь никак не вписывался ее замечательный сынишка — пятилетний Жорик, которого она вечно куда-то запихивала или бабушкам отдавала. И я начала забирать его из садика после работы, гуляла с ним, мороженое покупала, конфеты, словом, старалась, чтоб ребенок не чувствовал себя обделенным вниманием. Однажды мы с ним пришли домой, а Вика еще не вернулась. Сидим с малышом на лестнице, я его развлекаю, сказку рассказываю, и вдруг вижу — что-то

не то с ребенком. Он, оказывается, терпел, терпел и описался. Ревет бедный, слезы ручьем текут, а я ему бодро заявляю: «Жорка, не переживай, давай я тоже описуюсь, чтобы тебе обидно не было!» Тридцать лет прошло, а он эту фразу до сих пор с восторгом вспоминает. Вика в тот день пришла поздно, я, понятно, взбесилась, и выдвинула ультиматум: или она бросает всех своих мужиков во главе с министром, или мы больше не увидимся. Дала ей на раздумье шесть месяцев и на это время исчезла.

И тут по ходу дела из Баку приезжает брат моей подруги — нищий от и до, но парень замечательный. Я тем временем думаю: нафиг мне эта девственность, надо от нее скорее избавляться. В один прекрасный день мы пошли с ним в кафе, выпили вина, посидели, поразговаривали, и он как бы между прочим заявил, что совершенно случайно его друг дал ключ от своей квартиры, так что можно пойти к нему, посидеть... поговорить... Я же изображаю, что ничего не понимаю, ресницами хлопаю и, понятное дело, соглашаюсь. Словом, попал бедный парень под раздачу. Потом, когда уже все произошло, я лежала и размышляла: «Почему все так? Должно же быть все по-другому». Сразу же, короче, поняла, что это — не мое. А бедный парень влюбился и не нашел ничего лучше, как заявиться к нам домой свататься. Хоть бы меня предупредил, я б ему объяснила нецелесообразность такого самоубийственного поступка. Понятное дело, мамуля со страстью любящей родительницы выставила его за дверь с воплями, самый приличный из которых звучал: «Пошел вон, голодранец!» А этот голодранец, кстати, потом закончил академию и стал начальником паспортного стола всей Армении.

Надо сказать, с Викой я мало работала — перешла на автозавод в Ереване. В трудовой книжке четко была обозначена многосторонность моей личности: электрик, сборщик, штукатур, монтажник, маляр... Вот маляром я на

ЕрАЗ и пошла. И вдруг мне предложили поехать поработать в Тольятти — как раз тогда там начали «Жигули» выпускать. Интересно же! Я и согласилась, рассчитывая, что так и полгода, пока Вика определяться будет, быстрее пройдут. Лечу в самолете, подсаживается ко мне явно какой-то крутой мужик. Слово за слово, оказалось, что он в Ульяновске в той же гостинице собирается остановиться, что и я. Поболтали о том о сем, чудесный дядька, кстати, а вечером он пригласил меня в наш гостиничный ресторан. Я тогда шикарно выглядела, худенькая, на каблучках, платье красивое, в общем — маразм. Сидим, болтаем, едим, и тут он мне то ли в шутку, то ли всерьез говорит: «А что, если бы я предложил вам выйти за меня замуж?» Я чуть не подавилась. Вот так, сразу — и замуж! Отвечаю, мол, нет уж, это не для меня! Вообще, что-то меня часто замуж звали, я сейчас подумала. Вот кому не надо, тех зовут, а кому надо — не всегда. Может, когда у женщины на лице написано, что ей от мужчины ничего не нужно, ему и мерещится та самая пресловутая женская загадка, которую так хочется разгадать? Как тайну улыбки Моны Лизы?

Короче говоря, сидит в этом ресторане элита ульяновская, партбоссы, все кивают моему спутнику, здороваются. А он все со мной заигрывает: «Что ж ты отказываешь? Я знаешь кто?» Ну, я его сразу на место поставила, что мне совсем не нужно этого знать, потому как его должность и регалии на меня впечатления все равно не произведут. Народ на нас тарачится, перешептывается. Ему это дело надоело, и он с заговорщицким видом предложил подняться к нему в номер. Я согласилась, потому как самой надоело быть объектом пристального изучения, как инфузории под микроскопом, но предупредила: «Идем, но без последствий!» Он хохочет: «Ну, какие с вами могут быть последствия?» Но меня голыми руками не возьмешь! «Сами, — говорю, — знаете ваши мужские последствия».

Иду, думаю: «Я в Сибири с уркаганами справлялась, а тут какой-то московский босс! Подумаешь!» Поднялись. Я — спокойна и невозмутима, как Штирлиц. Выслушиваю его рассказ о себе: вдовец, взрослая дочь, живет один, работает начальником управления чего-то вычислительно-кибернетического в министерстве. И в процессе дегустации вина он принимается меня уговаривать: «Нечего тебе здесь, в Тольятти, делать, на заводе бандитизм сплошной, хулиганство, это все не для тебя!» Я, понятно, упираюсь, но сошлись на том, что на следующий день вместе с ним поеду и все сама посмотрю.

Сидели мы так, болтали, потом как-то я даже и не поняла, как уже лежали болтали, а потом и болтать перестали... Вот ведь как обидно, а? Всю жизнь мне попадались замечательные мужики, я могла с ними говорить о чем и сколько угодно, но вот дальше... — не хочу и все! Этот — тоже замечательный, чуть не до потолка прыгал: «Звоню, прямо сейчас звоню дочке, что женюсь!» Я его еле успокоила. В кровати, мол, я с ним оказалась от переизбытка информации и вина, а вообще мужчины меня не интересуют. Он аж на кресло плюхнулся: «Это как?» Я все доходчиво объяснила. Он, конечно, расстроился, уговаривал, мол, может, привыкну. Но я лишний раз окончательно уже убедилась — не мое это, и все!

А на следующий день на заводе было событие года. Из Еревана в Тольятти в командировку на завод приехала работать маляром девушка на лимузине... У меня еще и вид был божьего одуванчика... с Кавказа... Ой, директор над нами вился! Но в итоге я там и правда только два месяца продержалась, а потом взяла отказную бумагу — и в Ереван. Поклонник этот мой, Ванечка, долго потом звонил, мне его однажды так жалко стало, что я даже ему от всей души сказала: «Эх, вот если бы ты девушкой был...» После этого он и пропал совсем. Одумался, значит.

Проходит полгода, я заявляюсь к Вике и с порога спрашиваю: «Ну, что ты решила?» А она за это время все успела любовнику рассказать, тот оказался широких взглядов, все понял и оставил ее в покое. Муж сам по себе смылся к какой-то актрисульке и подал на развод. И вот, наконец, мы остаемся с ней вдвоем. Происходит все, кроме самого главного. Я просто не знаю, что делать. То есть интуиция в общем подсказывает, а в конкретике — нет. Ну, прикоснулись, поцеловались, а дальше-то что? Так я этого с ней и не поняла...

Подошло время, и я снова отправилась в Москву, поступать в МГУ, на этот раз — твердо на журфак. С Викой решили, что как только устроюсь, перевезу ее к себе. Даже кольцами с ней обменялись. Поступила я легко, толком и не поняла, что поступила. Обещали дать комнату в общежитии. Я сразу же подружилась со всеми, особенно с нашим администратором Вале́й, она мне ближе матери стала, в возрасте уже была, а мужчин не признавала, так девственницей и умерла. Я договорилась, что привезу Вику, отправила ей телеграмму и помчалась в Ереван. Еду в поезде, сердце из груди выскакивает, сама себе не верю — жизнь такая интересная впереди, учеба, Москва, Вика... Поезд подъезжает, я глазами ищу свою любимую... и вижу! Вижу... Вику под руку с каким-то мужиком. Подходит ко мне, улыбается и заявляет: «Знакомься, это мой муж. Кирилл». А у меня земля из-под ног уходит. «Как муж?! Какой муж?!» Поехали мы все вместе к нашим общим друзьям, там меня ждали, стол накрыли, народ подтянулся, поздравляют с поступлением, тормозат, обнимают, а я как во сне каком-то. В кошмарном сне. И ведь приехала с ним меня встречать, это же настоящий садизм! Ничего не говорила, не написала, скрывала — и вот, пожалуйста, какой-то скоропалительный брак. У меня даже руки тряслись от негодования.

Вышла на кухню курить. Сняла свое кольцо и в форточку выбросила. В это время на пороге Кирилл появился и начал успокаивать, мол, ничего, вот так все сложилось, это любовь с первого взгляда, я должна понять, ничего не поделять, и все в таком роде. Я докурила, вернулась к столу. А Кирилл этот к Вике подсел, обнимает ее, она к нему ластится, и вдруг прямо на моих глазах начинает с ним целоваться! Ну я не выдержала, взяла миску с салатом и — прямо ей в морду. Ничего — за дело! Да и салат вкусный был. Встала я из-за стола и вышла прочь. В голове мысль бьется: «Я ошиблась. Я просто ошиблась». Иду по лестнице — слышу, за мной бежит кто-то. Оборачиваюсь, а это наш общий друг, Ашот, отличный парень, красивый, на гитаре хорошо играл, баритон у него был роскошный. Подбежал ко мне: «Ну их, этих баб, они не стоят того, чтобы из-за них нервничать!» Мы вместе вышли на улицу, а у меня состояние — хоть под поезд бросайся! Но, думаю, не дождетесь...

*Неумолимый ход часов — клетки времени.
Я остановлю все часы, я не буду считать
время, но придет рассвет, когда растает
ночь — клетка моего пространства,
и встанет равнодушно жаркое солнце,
сменив луну, — мне будет так больно,
потому что ты была — вчера...*

Гуляли мы с Ашотом, гуляли, он меня успокаивал, успокаивал, и успокоил настолько, что я забеременела.

...Вернулась в Москву, иду по коридору общежития, а мне навстречу — Нинка, моя одноклассница. Я знала,

что папаша, министр сельского хозяйства, устроил ее за бабки в Москве учиться, а вот то, что она оказалась в МГУ, да еще на журфаке, было полной неожиданностью! Нинка особыми талантами не блистала, но девчонкой была хорошей. Мы с ней тут же взяли один общий блок в общежитии, она уже училась, а я только поступила. И вот на журфаке я, наконец, оперилась. Та-ак оперилась, что девчонки за мной табуном ходили! Да, тогда я прошла хорошую практику. Именно здесь, в Москве, поняла, что секс для меня — это слияние всех энергий: физической, ментальной, духовной, эмоциональной, энергии воображения и фантазии. Высшее наслаждение — увидеть, как моя женщина получает удовольствие и от этого получать удовольствие самой. Голову я не теряла и не теряю никогда, хотя бы потому, что в таком случае очень сложно управлять ситуацией. Но это не значит, что я являюсь хладнокровным наблюдателем, нет! Я вижу другое — чудесную, двойную энергию, которая, как спираль, уходит вверх, к небу.

Мне повезло: я была женщиной и знаю женское тело, но у меня голова и сердце — мужские. Главное — оказаться лучше всех мужчин, которые были у женщины. Иначе все просто не имеет смысла. Многие мужчины, имеющие проблемы, не раз меня упрашивали: «Научи! Объясни!» Но это же невозможно...

Для меня абсолютно неприемлемы отношения большинства женщин, которые «взаимодействуют» друг с другом. Я никогда не допущу до себя, как до женщины, потому что в этом не нуждаюсь. А те, кто делают это, я их называю «котятка», нуждаются. На чем они выстраивают отношения? Только на прелюдии. Но им невозможно взять женщину изнутри, обнять ее изнутри — каждый орган, каждую клеточку — обнять и приласкать. «Котики» держатся именно на этой прелюдии. В принципе, это то

же, что жить... ну, скажем, с не очень стабильным мужчиной. Женщина в таком случае цепляется за чувства, восприятия, ассоциации, сама себе рисует что-то, но — она не выходит из себя. А основа сексуальной энергии — когда душа прощается с телом...

Итак, образ жизни МГУ 70-х годов оказался для меня полной неожиданностью. Вечерами, свободными от учебы, практика у желающих была на выбор — шведки, японки, немки, польки... Особенно порочными были польки. Нинка гуляла всюю. А мне без любви было сложновато. У каждого человека — свои внешние данные. Женщина может быть очень красивой и — не цеплять. У мужчин все проще, там срабатывает физиология, у нас — гораздо сложнее. Имеет значение взгляд, движение, манера говорить. Мне всегда нравились нелепые женщины, с намеком на «клинику», шизофрению, потому что это — женщины высокого полета: не те, кто постоянно варит пельмени и готовит борщи, на чем их жизнь и заканчивается, толком не начавшись.

Очень не люблю, когда цепенеют при одном виде брюк. Иногда буквально на задние лапки встают. Унижаются перед мужчиной, заискивают, задабривают, все прощают — только будь с ней! Ну, должна же быть какая-то внутренняя самодостаточность, которая всегда заложена в каждой женщине от рождения, и вызвана даже не воспитанием, чьим-то влиянием или образом жизни. Она дана природой! Но в МГУ как-то особенно было не до мужчин. О, что там творилось! Я первое время никак не могла поверить, что такое вообще возможно! В 70-е годы в университете выходила газета «Советская лесбиянка». Объявления висели: «Одинокая дама хочет найти себе подругу». Во сне не приснится!

И вот, только у меня замаячила любовь в образе хорошенькой Аньки — я потом ее замуж выдала за синеглазого

негра из Парижа, ой, пардон, за афропарижанина, — как моя Нинка радостно сообщила, что влюбилась беззаветно, раз и навсегда! И в кого? В пуэрториканку! Училась такая у нас на курсе, чуть ли не в перьях на лекции ходила — яркая, пестрая, как попугай. Не заметить было невозможно. Вот Нинка, у которой еще со школы со вкусом было что-то не то, в нее и втюрилась. Приходит ко мне — Нинка, понятно, не пуэрториканка, и заявляет: «У меня сегодня ответственное свидание, выкатывайся из нашего бокса и дежурь, чтобы враги не проникли».

А какие враги-то? Врагов не было, все свои, если только завистники. Валя наша, администратор, мы ее Шефом звали, просила только одного: «Девочки, ведите себя прилично, чтобы все было шито-крыто!» Мы и старались.

Итак. Трагическая страница из истории МГУ. Поздний вечер. По коридору идет высоченная, упитанная пуэрториканка. Не в перьях, но в чем-то вроде этого. Замечает меня, расхаживающую, как часовой у дверей штаба, в коридоре. Улыбается зазывно, глазами стреляет. Но я ей со всей решимостью, заложенной матушкиным воспитанием, показываю пальцем на дверь: «Вам туда!» Друзей не предавала, не предаю, не предам никогда! Пуэрториканка ныряет в бокс, напоследок обиженно вильнув бедрами, и я включаю счетчик. Начинаю размышлять. По себе знаю — я же не мужчина, готова в любое время дня и ночи, сколько надо — час, два, три... но Нинка-то не актив — она «котик». Это ненадолго... Проходит час... полтора... Я на боевом посту. На меня уже подозрительно косятся проходящие по коридору студенты. Для пущей убедительности сосредоточено декламирую Данте, вроде как учу:

Меня, склоняясь, дамы утешали

И часто повторяли:

«Что видел ты во сне, лишившись сил?»

Преодолев душевное волнение,
Сказал: «Исполню ваше повеленье...»

Наконец, терпение лопается. Подхожу к двери — тишина. Еще через полчаса — тишина. Я уже начинаю впадать в тихую панику. Поубивали они там друг друга, что ли? Вдруг с шумом распахивается дверь и из комнаты выплывает пуэрториканка. Взмахивает рукой, меряет меня с ног до головы надменным взглядом, небрежно кидает: «Чао!» и исчезает в полумраке коридора МГУ. Не знаю, как сейчас, но в то время электричество сэкономили. Спустя минуту из бокса выползла Нинка, какой-то странной, не своей походкой. Идет враскорячку и падает мне на грудь: «Старик!.. — Она меня звала „старик“, потому что считала, что сама очень молодо выглядит. — ...старик, ужас, ты не представляешь — она меня просто изнасило-вала! Рот ладонью прикрыла, мол, пикнешь — убью!» Леденящая душу история! После этого случая Нинон долго шарахалась от самой тени пуэрториканки, которая, впрочем, скоро исчезла из университета вместе со своим ярким оперением и темпераментом. Наверное, оказалась не в курсе, что в МГУ еще и учиться надо было!

И вот через некоторое время в Нинку влюбляется — вообще смехотура! — этакая девушка-гренадер, высокая, здоровая, мускулистая, из научного места под названием Дубна. Кто знает, может в результате секретных экспериментов мутация какая-то произошла, и вот такое огромное чудо уродилось. Нинка же была маленькая, изящная, как куколка. Парочка была умопомрачительная! Гренадерша влюбилась до потери сознания, ревновала, страдала, по ночам, с грохотом переставляя ноги сорок пятого размера, расхаживала по университетскому коридору, карауля свою — к слову, спящую без задних ног — Дюймовочку.

А Дюймовочка была та еще эгоистка. И темперамент жительницы Дубны ее периодически начинал доставать. Я же в это время начала обхаживать Аньку.

И вот, наконец, настал ответственный день — привела ее к себе в гости. Поставила пластинку Адамо, умное что-то говорю, сама — кругами вокруг гостьи хожу, размышляю, как бы ее сразу не напугать, потому как она была «натуралкой».

А в соседнем боксе прямо семейная сцена: гренадерша рыдает с криками: «Ты меня не понимаешь!», Нинка что-то доказывает, слышен звон разбитой посуды — итальянские страсти какие-то. Я у нас свет притушила, свечи зажгла, Адамо по второму кругу поставила, звук подвернула — словом, начинается идиллия. Анька уже мнетя, нервно курит: «Ой-ай, я не знаю, как это... что это...», я уговариваю: «Анечка, зачем тебе знать...», подхожу, только укладываю ее в горизонтальное положение, как раздается стук в дверь, и на пороге появляется Нинка в красных трусах. Почему она была именно в красных трусах — до сих пор является для меня загадкой. Иногда так лежишь, засыпаешь уже, и вдруг мысль из прошлого: «Почему в красных-то?!»

Нинон, не обращая ни малейшего внимания на Аньку, проходит на середину комнаты и с видом приговоренного к казни, которому предоставили последнее слово, трагически произносит: «Старик, она сказала, что меня не любит». Пока идет наш диалог, Анька нервно начинает одеваться. Выставляю любимую до боли одноклассницу за дверь, бросаюсь к перепуганной девушке: «Анечка, милая, извини, это мой друг, там трагедия невероятная, его не любят...»

Только бедненькую успокоила, Адамо заново поставила, только снова ее укладываю — опять стук в дверь. Нинка. В тех же трусах до колена. «Старик, она сказала, что все-таки меня любит!» Я начинаю орать: «Нин, ты чего,

офонарела, что ли, туда-сюда ходить?!» Эта зараза с криком: «Ах, у меня нервное состояние, неужели это трудно понять?» — хлопая дверью, уходит.

На Аньку нападает истерический смех: «Если б это был мужчина, я бы его уже убила!»

Видите ли, то не хотела ничего, охала, ахала, а теперь — завелась! Не поймешь этих женщин! Ну, я ее в охалку... только у нас все заладилось... со страшным грохотом распахивается дверь и вваливается рыдающая во весь голос Нинка. Маленькая-то маленькая, а голосище — будь здоров! «Стари-и-к! Она сказала, что бе... бе... бе... бере-еменна!» Тут уже я от смеха сваливаюсь с кровати: «От тебя, что ли, беременна?» Беру эту страдалицу за плечи и нежно — насколько могла в этой трагической ситуации — поглаживая по вздрагивающей спине, выпроваживаю за дверь. Анька губы надула: «Ну все, я ничего уже не хочу и ничего мне не надо...» А кто ее спрашивает-то? И вот уже все замечательно, на полном кайфе — и влетает радостная Нинка: «Старик, она меня обманула, она не беременна!» Ну, я та-ак взбесилась, — а я очень страшна в гневе, если кто не догадывается, — схватила ее за шкуру, и под зад ногой. Она у меня летела, как фанера над Ангарой. Потом, когда остались одни, без наших женщин, мы с Нинкой почти до утра не могли успокоиться — хохотали до слез! Она объяснила свое поведение с чисто женской логикой: «У меня дурдом полный, а у тебя идиллия. Мне и обидно стало. Если друг — давай, разделяй мои страдания!»

* * *

Все достается не тем, кому надо. Интересная логика жизни. Любовь и нежность не тем, злость и холод не в тон. Цепные реакции поступков и действий. Мы не умеем

любить, мы не умеем прощать, мы не умеем забывать. Наверное, поэтому мы не боги. Собственно, они не живут на Земле. Они создают проекции своего существования и хлопают в ладоши. Ценность твоя в том, где они тебе хлопают? В амфитеатре или партере?

* * *

После всех этих семейных сцен Нинка все-таки к гренадерше охладела и собралась ее бросить. «Брошенка» с горя решила наложить на себя руки. Но разве от такого огромного тела легко избавиться? Стояла, стояла перед зеркалом, видимо, соображала, с какого места начать осуществлять задуманное, но, будучи девицей умной, поняла, что миссия невыполнима, и решила просто выброситься с 28-го этажа. Чтобы наверняка. Я сижу, конспект делаю, слышу — крики, топот по коридору. Выглядываю, и мне сообщают: «Скорее на 28-й этаж, там самоубийство начинается! Народ уже подгребают!» Прибежали мы все туда. Видим — бедная гренадерша в окне торчит, вроде как застряла, как Винни-Пух в гостях у Кролика, и все ее уговаривают, успокаивают. Нинка бежит с лицом цвета незрелого лимона, за ноги бедняжку хватает, пытается втащить обратно. А я в это время бросилась к телефону, звонить ее отцу, физику-ядерщику. У меня его номер был — я иногда ему звонила, когда вопросы разные возникали: о мироздании, о летающих тарелках, о строении атома. Мы с ним любили болтать. Иногда, правда, я думала, что он уж очень интеллигентным был, чтобы меня послать, но эти мысли я сразу же категорически отвергала. Не об интеллигентности, а о том, чтобы меня послать. Звоню ему и спокойно так говорю, с достоинством: «Здравствуйте, дорогой Николай

Петрович! Вы только не волнуйтесь, но ваша дочь торчит в данный момент из окна 28-го этажа МГУ и хочет продолжить движение из-за того, что ее бросила Нинка, которая, конечно, мой друг и хороший мужик, но дура и эгоистка».

Там на другом конце провода что-то упало, то ли телефон, то ли физик-ядерщик, но в итоге он примчался, дочь свою забрал — и из окна, и из МГУ. Справедливости ради, скажу, что к моменту его приезда несчастная уже вылезла из окна под моим несомненным влиянием. Я в принципе не особо и старалась. Все ее уговаривали, охали, руки к потолку поднимали, а я подошла и неожиданно ей заявила: «Совершенно с тобой согласна, пока человек не выйдет из плена иллюзий и не приблизит свою картину мира к реальности, ни о каком серьезном духовном росте не может быть и речи!» Она, видимо, в шоке от услышанного к нам на руки так и выпала. Ну, может, и по какой другой причине, я не настаиваю на своей версии.

Роман наш с Анькой продолжался до тех пор, пока та не завалила сессию. Плакала бедная, не хотела к себе в глупинку возвращаться, собиралась нам квартиру снимать, в Москве остаться... но тут на нашем горизонте появился шикарный голубоглазый негр. Сорри, афропарижанин. Он от Аньки просто сомлел, я и решила — девочка она хорошая, пусть будет счастливой! Я к ней очень хорошо относилась, но у меня были другие планы. Квартира... Быт... Нет! Это не для меня!

* * *

*Прощай, прощай не навсегда.
Открыты двери и открыты окна.
Пытаюсь просочиться в жизнь.
Я наверняка это сумею.
Прощай меня за все, за сполох чувств, смятенье и словесные признанья. За беспокой-*

ство пьяных откровений, за боль, ненужную тебе, за суету, друзей, желающих мне счастья... так легче, так нужней...

Прошу, прошу — не вздумай закурить, я не смогу не оглянуться...

И опалит вдруг мысль — права ли я?

* * *

Я же с шестнадцати лет собиралась улететь к своей планете на летающей тарелочке, поэтому мне не до обустройства быта было, чего лишний раз заземляться! Вот я Аньку, не мешкая, сосватала за этого красавца, и они благополучно уехали в свою Европу. Она часто писала, скучала, сетовала, что как мужик он слабоват, но зато у него были деньги и интересная работа. А потом прислала как-то из Парижа шикарные штаны, в смысле, брюки — таких в Москве ни у кого не было — в благодарность, значит, за мужа и за любовь...

Надо сказать, что после Усть-Илима в МГУ без денег было тяжело, стипендия — сорок рублей! Правда, вечерами мы с друзьями ходили подрабатывать — помидоры разгружали, но эта работа была сезонной. А мне еще предстояло ребенка родить, содержать его на что-то, я же одна, помогать некому. Покрутилась я, покрутилась, устроилась на шикарную работу — Калининский проспект строить, и забрала документы из университета. Да и скучновато мне было — лекции, лекции, сиди часами в аудитории, в библиотеке, я по жизни движение люблю, а читать — всегда читала, читаю и читать буду, меня хоть на люстру подвесь! Валя, комендант наш, очень огорчилась, что я уйду. Мы сдружились за это время, как родные стали, ну, она меня и пригласила к себе жить. Я согласилась, но на время, пока вопрос с жильем не решу, я же с ребенком была — вернее, он во мне. Люди, конечно, мне всю жизнь встречались

замечательные! И сейчас, конечно, встречаются. Но реже. Скорее всего потому, что я реже стала из дома выходить. А как выйду — так сразу и встречаются! На днях пошла в магазин, продавщицы ко мне кидаются: «Ой, как вас давно не было, что же вы не приходили?» Я смеюсь: «Да денег не было!» А они в ответ: «Да о чем вы, какие деньги, мы бы вам и без денег продуктов дали!» Или в такси еду, болтаем с водителем, подъезжаем, а он от денег отказывается: «Мы с таким кайфом поговорили, я много чего понял...» Так что была б я безответственной нахалкой — жила бы себе припеваючи. Но я — ответственная. Н-да...

Итак, Валя-шеф меня радостно пригласила пожить у них, а там — Ноев ковчег! Двухкомнатная квартира, в одной комнате — Валя с матерью, в другой — Миля, ее сестра, с мужем-горбуном и двое их детей! У Валиной матери была тяжелейшая астма, я как-то само собой начала ее лечить, и ей легче становилось. Вовка-горбун, правда, не отличался приятностью нрава, может, поэтому у него горб вырос, от злости на всю окружающую его действительность. Валю обижал, мать ее... в смысле — ее мать тоже обижал, ну, я пару раз его на кухне на место поставила — и он в ангела превратился. Иногда, не скрою, при мне люди хорошеют прямо на глазах — и внешне, и внутренне. Вот он тоже похорошел.

Работала я на стройке, там никто и не замечал, что я беременна. Домой прихожу, продукты принесу, порядок наведу, книжку в руки — и спать. Работа была роскошная — мне дали большую бабскую бригаду и кабинет на 24-м этаже. Опыт ангарский свою роль сыграл. Я говорила девчонкам — как свою работу сделаете, идите домой, не нужно сидеть до шести часов. Поэтому работали очень хорошо — заинтересованно и весело. Плитку клеили, обои, на высоте я уже никому не доверяла — сама края на крыше красила, на окнах висела — после самолетов-то и Усть-Илима для меня на высоте было поработать — что птице

в небе полетать. Получали мы с премией 400 рублей, жили как короли. Несколько раз я порывалась уйти в общежитие, но Валя ни в какую не отпускала. Родила я девочку свою, вот, честно, вообще не поняла, как родила, где родила. Думаю, так всегда бывает, когда очень ребенка хочешь и уже заранее любишь. На работе вообще ничего не сообразили — я на третий день на работу вышла. Тут Валя и заявила: «Оставляешь дочь у нас, а сама можешь в общежитие, так и быть, только кормить приезжай». И я ездила, кормила ее до одиннадцати месяцев, хотела свою любовь передать.

Но не такую — «усимусипуси», а ответственную и задумчивую. Бывало, смотрю на нее, задумаюсь... Она красивая такая родилась, глазищи огромные... Смотрим друг на друга и думаем: «И что это за чудо такое передо мной?» Так, собственно, до сих пор смотрим так же и думаем то же. Особенно она. Когда я отмоучу чего-нибудь. Никак не привыкну, что надо уже солидно себя вести. Короче, так я челноком носилась туда-сюда, а жила в общежитии в арбатском переулке. Народ подобрался веселый и талантливый. Девчонки, которые собирались в Щукинское театральное поступать, у нас работали штукатурами, малярами и жили в нашем общежитии. Приехала однажды очень красивая девушка из Керчи — Наташа. И влюбилась в меня. Проходу не давала. Я поначалу отмахивалась: «Не до этого мне сейчас!», а потом как-то само собой оказалось, что до этого. Так я и жила — спать не успевала. Или успевала, но немного. Сейчас уже точно не скажу.

А потом произошло судьбоносное событие — из Еревана в Москву приехала девушка, которая знала обо мне понаслышке. У нее знакомых в столице почти не было, только брат танцевал в Большом театре, и мы как-то постепенно с ней сдружились. Звали ее Ланка. Мы с Наташей денег подзаработали и сняли квартиру в огромном купеческом доме около консерватории. Дочь мне Валя

не отдала. «Иди, — заявила, — деньги зарабатывай, на то ты и мужик, а нам девочка в радость». Семейка с горбуном к тому времени съехала, своих детей у Шефа не было, я и согласилась. Стали к нам в квартиру интересные люди ходить — консерватория рядом, центр Москвы опять-таки. Певица одна очень красивая часто бывала — сейчас мировая знаменитость, за границу уехала, несколько известных актрис. Ланка присоединилась. А я книг начиталась и однажды вечером предложила: «Давайте спиритический сеанс устроим?» Так мы периодически тарелочку и принялись покручивать. Потом интересно стало, кому дом принадлежал, в котором мы жили. Народ идею подхватил — народ всегда идеи радостно подхватывает, а потом в истории попадает — взяли блюдо, сели у круглого стола, приготовили все, как надо. Время к полуночи, в шесть на работу вставать, а мы в таком азарте — на часы даже не смотрим. И надо было так — только замерли над блюдцем, и часы на стене: «бом-бом» — зловеще так... И блюдо нам выдает, что дом принадлежал пивовару Чикину. Мы записали, решили выяснить, так ли это. А я захотела продолжить. Чувствую, что-то надо спросить, беспокойство какое-то. И спрашиваю: «Кто-то еще хочет мне что-то сказать! Кто? Кто это?» Отвечают: «Пусть... — и тут называется мое имя! — подойдет к шкафу, возьмет книгу Блока и откроет 117-ю страницу. Там нахожусь я». Ланка завизжала от страха, а я встаю, беру книгу, открываю — там на 117-й странице лежит иконка Казанской Божьей матери. Я опять к блюду. Спрашиваю: «Что ты хочешь мне сказать?» Наташка в ужасе — мало ли что скажут! А блюдо просто летает: «У тебя миссия — ты должна помогать людям!» Тут Наташа не выдерживает и спрашивает, где я буду жить такого-то числа в таком-то году? В ответ: «Она будет жить в Ереване, улица Пушкина, 33. Ей захочет помочь одна женщина, но она не должна у нее задерживаться».

Сидим мы совершенно обалделые, друг на друга смотрим и молчим. Я первая тишину нарушила: «В Ереван возвращаться не собираюсь! Глупости!» А через пару дней выяснилось — дом действительно до революции принадлежал пивовару Чикину. Мы — снова блюдец крутить. Вызвали пивовара на разговор, и он нам поведал, что в подвале зарыл клад, место обозначил, где копать, инструкцию дал: «Увидишь через метр кирпич с меткой „К“, значит копаешь правильно». Надо ли говорить, что вечером следующего дня под одобрительный шепот Наташки и наших консерваторских подруг я вгрызлась в землю. Копала, а девчонки по ночам землю выносили на улицу. Мало мне днем на стройке работы — так теперь и ночами покоя не было. Но ведь интересно! Жить вообще так интересно! Копала я, копала, на третий день наткнулась на кирпич с меткой «К»! Тут уже такой азарт появился!

А на следующий день, только мы с работы пришли, смотрим из окна, мы ж на первом этаже жили, милиция приехала и — прямо к нам. Но что поразительно — вежливые такие, тихие, и уже с металлоискателем в руках. Ни штрафов, ни нареканий, а шутка ли, в советское время без разрешения копать на улице Герцена! Говорят: «Вы, девочки, валите, пожалуйста, а мы тут уже без вас все разроем и аккуратненько зароем. Так что, дорогие вы наши, дуйте отсюда и на все про все мы вам даем две минуты». Мы и дунули. То — есть девчонки дунули, а я степенно так шла, руки в карманы, всем своим видом показывая, что подчиняюсь грубой силе, но ежели что — и сама могу прилично приложить. Подъезд оцепили, машины понаехали, менты бегали туда-сюда. Ну, мы постояли, понаблюдали, и пошли к одной артистке ночевать. Лежим, предположения строим разные. То, что милиция тоже спиритизмом занимается — мы сразу отметили, а вот что соседи настучали, земли-то у подъезда с каждым утром все больше прибавлялось, вполне допускали. Я и не догадывалась, что существовал и третий вариант...

Тем временем артистка, хозяйка квартиры, где мы ночевали, вдруг подскочила, подбежала к сумке, вынула фотографию какой-то женщины и сунула в мою сонную физиономию: «Слушай! Если у тебя все так классно получается, посмотри на фото и расскажи про эту женщину!» Я один глаз открыла, посмотрела и говорю: «Она из очень крутой семьи, порода — будь здоров, есть муж — паршивенький, кстати, двое детей, она встретит интересную женщину, влюбится, они будут вместе, но недолго, там беда какая-то произойдет... и как-то она связана с Пушкиным. Все!» Сказала — и заснула. А эта актриса все записала и своей знакомой передала — слово в слово. Вернулись мы домой на улицу Герцена — подвал опечатан, земля убрана, но бдительная соседка сообщила, что менты тащили в машину какой-то тяжелый мешок. Вот вам и шутки спиритизма.

Работать мне нравилось. Ремонт делали у интересных людей, я приходила как бригадир, оценивала фронт работ, знакомилась. С Юнной Мориц, поэтессой, даже подружилась. Она тогда была в приемной комиссии Литературного института, почитала мои статьи и рассказы, и предложила даже помочь меня туда устроить, но мне ж надо было ребенка на ноги ставить, так что это уже все — мимо кассы! Юрий Яковлев тоже очень обаятельный был, веселый, шутил все время. И все как-то потихоньку стало налаживаться: Ланка тоже работать куда-то пошла, свою мать перевезла из Еревана к брату — тому квартиру в Чертаново дали от театра. Дочь росла, Валя на нее надышаться не могла. Смысл жизни появился — я вкалывала и деньги зарабатывала, одевала, кормила, поила, словом — живи и радуйся! Так нет — Ланка, которая по любому поводу мне завидовала, начала из себя актива строить и к моей Наташке клеиться. У нее вообще манера такая была — вбивать клин в любые отношения между людьми, деловые, дружеские, любовные, неважно. Но я как-то серьезного

значения этому не придавала, да и не до этого мне тогда было — я друга спасала.

В моей бригаде работала замечательная девушка Машка, мы звали ее Пузырь. Пухленькая такая, хорошенькая, замужем за моим приятелем. И была она фанаткой певца одного известного, назовем его Маков, ездила на гастроли за ним — я ей отпуск давала, все в окружении певца ее уже хорошо знали. Однажды Пузырь, достав по блату билеты, меня на концерт Вали Толкуновой привела, мы зашли к ней в гримерку, поболтали, и сразу как-то с Валией скорешились — она была просто изумительная! Мы в гости друг к другу потом ходили, пельмени делали, к ней забредали модные тогда югославские певцы, весело было! Всем, кроме Пузыря. Она начала к тому времени просто чахнуть от любви к этому Макову. Вот бабы все-таки ненормальными иногда становятся! Все, кажется, хорошо, живут себе счастливо, жизни радуются, и вдруг — у них крышу от таких козлов сносит, мама не горюй! Машка-Пузырь у меня на груди повадилась рыдать: «У Макова жена есть, я знаю, но чуется мое любящее сердце — она к нему равнодушна! А мне с ним никак наедине не остаться... Беспользная мечта!» — и снова рыдать день за днем. Словом, просто клиника началась. И тут я возмутилась — а я на что? Друг я или не друг? Одеюсь соответственно моменту, взяла Пузыря за руку и отправилась на Комсомольский проспект в «Березку», где супруга этого эстрадного соловья работала. У меня ее фото было из «Огонька» — ничего, интересная особа. Привела страдальицу в кафе, усадила за столик и велела ждать. Пока та трепетала в ожидании, я отправилась в «Березку». Хожу, смотрю, ну, подумаешь, валютный магазин, ничего особенного. Вижу, она у прилавка стоит. Подхожу и спрашиваю: «Можно с вами познакомиться?» Мадам резонно интересуется: «А зачем?» Я нагло — по молодости наглая была, сейчас поприличнее

стала — заявляю: «Потом узнаете!» Она улыбнулась: «Вы мне что-то хотите сказать?» Я смерила ее взглядом покупателя черных рабынь, хмыкнула: «Я вам уже сказала, надеюсь, вы меня понимаете?» — и не оглядываясь, отправилась к выходу. Стою, курю. И что вы думаете? Через пять минут она вышла, я ее спокойненько взяла за руку, причем она даже не удивилась, и мы отправились пить кофе. Пока пили — разговорились, познакомились. Так примерно за неделю раза четыре встречались, кофе пили, говорили о том о сем. Она неглупой была, темы находились сами собой.

Пока суд да дело, я вполне резонно интересуюсь у Пузыря, каковы ее дальнейшие намерения? И — отпала! План у Машки был гениальный, ничего не скажешь. Жена Макова, Людочка или Лидочка, точно не помню, влюбляется в меня. Маков страдает. Пузырь подставляет ему свое плечо или какое другое место. Я отвергаю Людочку. Несчастливая бросается с покаянными речами к мужу. Тот гордо заявляет, что теперь он принадлежит Пузырю. Муж Пузыря их благословляет. Людочка топится или стреляется — это уже на ее выбор. Идеально, конечно, было бы конкретно свести Людочку со мной, и тогда можно было бы дружить домами! То есть их дом на Фрунзенской набережной подружился бы с нашим общежитием...

Говорят, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Иногда — наоборот. Дело делается, а сказка — ни фиги не складывается. Гуляли мы с Людочкой как-то по Фрунзенской набережной, и она ненароком подвела меня к своему дому: «Хочешь посмотреть, как я живу?» Я улыбнулась: «Конечно».

Поднимаемся к ней, заходим, а она зазывно так на меня смотрит и спрашивает: «Ну? Что? Готовишься к нападению?» Я как-то даже растерялась от такого заявления: «Люд, я не люблю путать поля, у тебя муж... Я никогда

с замужними дел не имела». А та нахально заявляет: «Все когда-то в первый раз случается! Знаешь, давай на три дня поедем в Подлипки под Москву, все не спеша обговорим...» Я согласилась, потому как эту историю надо было как-то уже заканчивать. Но нам хватило одного дня. Да и Пузырю тоже. Пока я сводила наше общение с Людочкой к дружеским отношениям, она мне поведала, что муж действительно ей безразличен, но идти некуда, тем более — от его денег и шикарной квартиры. А Пузырь тем временем, как тать в ночи, кралась в семейное гнездышко Маковых — дождалась, когда на скамейке у подъезда бабульки по домам разбрелись и храбро шагнула в долгожданное счастье. Видимо, оттого, что счастье она действительно ждала очень долго, ее как-то странно переклинило. В смысле вкуса. То есть, я вполне поняла бедного Макова, который, открыв дверь, буквально шарахнулся в сторону — не столько от страха изнасилования, сколько от глубокого нервного потрясения. Пузырь никогда не рассказывала подробно, но из отрывистых фраз между рыданиями я смогла понять, что Макову пришлось от нее изрядно побегать по комнатам и даже спрятаться в ванную, откуда были произнесены страшные слова для любящей чужого мужа женщины: «Я люблю свою жену!» И затем еще более страшные: «Ступай к своему мужу!»

Поздно вечером, помахав ручкой блатному санаторию и доставив Людочку, которую я чуть не утопила в информации о тайнах Вселенной и инопланетном разуме, до подъезда, я ринулась к Пузырю. На душе было тревожно. Уже у двери подъезда были слышны плач и стоны.

Влетев в комнату, я увидела душераздирающую сцену. На полу, вцепившись в уже полупустую бутылку водки, сидела рыдающая Машка с размазанной по лицу тушью и помадой, в зеленой мини-юбке, отлично подчеркивающей упитанность коротеньких ножек, и сиреневой шифоновой блузке, поверх которой была надета бирюзовая жилетка. Над всем этим

великолепием возвышался убийственный начес. Судя по следам на лице, помада была подобрана под цвет сиреневой блузки. В целом, Макова можно было даже пожалеть! Такой стресс мужик пережил. Очевидно, эту милую, скромную девочку подтолкнул на подвиги разлагающий наших женщин журнал «Бурда», валявшийся на диване. Словом, Машка рыдала в голос, а по комнате нервно расхаживал Виктор, ее муж, который орал еще громче нее: «Куда тебя понесло? Со всем свихнулась? Да на фиг тебе сдался этот старый хрен?» На мое появление отреагировали оба: Пузырь смачно присосалась к бутылке, а Витька показал увесистый кулак. Ну, я ему популярно объяснила, что эту дурь мог у Пузыря выбить только непосредственный объект любви, и никто иной, поэтому все было сделано правильно и вполне осознано.

Тем временем, пока я с головой ушла в урегулирование и направление в мирное русло личной жизни своих друзей, моя любовная лодка дала течь. Ланка начала морочить голову моей Наташке, убеждая ее в моей легкомысленности и неверности, и та принялась капризничать и устраивать сцены, что, вполне понятно, не приводило меня в хорошее расположение духа. Если учитывать, что я, кроме всего прочего, разрывалась между работой и взращиванием дочери, силы на женские, тем более необоснованные истерики, мне тратить не хотелось. Я собрала вещи и ушла. Разрыв дался нелегко. Я ведь не сразу поняла, чем вызвано новое состояние любимой женщины. Это, надо сказать, самое мерзкое! Ну, сказали тебе что-то про человека, так подойди и честно скажи, мол, так и так, вот такую фигню мне сообщили, отвечай, правда это или игра воспаленного разума? Так нет же! Бабам надо непременно нервы помотать, дверями похлопать, поиздеваться всласть, довести человека до белого каления, а потом в ответ на вполне логичный мужской вопрос о наличии мозгов в их черепных коробках объявить бойкот и обиженно поджать губки. Собрал вещи, я перебралась

обратно в общежитие. Мне комендантша выделила комнату на втором этаже. Все меня жалели, а я ходила гордым Байроном — это ж я ее бросила, не она меня!

А моя Наташка к Ланке перебралась, та ее фактически домработницей и сделала. Ну, чего хотела, то и получила. В это время, пока я приводила в чувство свое самосознание, к нам в общежитие пришла хорошая девушка Яна с волосами до пояса, из крупного поселка Пирожково Брянской области. Вот как же иногда место рождения определяет будущее человека! Особенно это наблюдается у женщин. И угораздило эту Янку в меня влюбиться! Я и не знала ничего, не подозревала, потому как, говорила уже, ходила по общежитию с байроновской печатью пережитого страдания на гордом мужском, ну, в смысле, моем, лице и никого не замечала. Вот эта Яна начала меня жалеть, успокаивать... Успокаивала, успокаивала и доуспокаивалась... А потом, ну меня уговаривать: «Я девушка гордая и независимая, меня не волнует общественное мнение, привыкла ко всему относиться ответственно, поэтому ты теперь, как порядочный человек, должен на мне жениться».

Через несколько дней ею было принято решение — играем свадьбу!

То есть меня, как часто у мужиков бывает, просто поставили перед фактом. Я перебралась в нашем общежитии на этаж выше, в ее комнату. Был назначен день, приглашены гости, Янка бегала, готовилась, рецепты пирожков выписывала. Очень у них там в Пирожково это дело любили. Я себе костюмчик брючный по случаю прикупила, она — платье какое-то. Короче, готовимся.

* * *

Тебе позволяю играть мной и весело смеяться. Тебе я позволяю бросать камешка-

ми в сердце, не говорить и говорить, о чем ты хочешь, собою быть и не собой, передо мной менять бесчисленные маски, одним движением руки вернуть сюда, когда гуляю по другим прекрасным измерениям. И нет этому конца и края, не спрятаться, не скрыться от твоего взгляда. Где ложь, где правда, мне не важно. Есть правда хуже лжи и ложь чудесная, как правда. Тебе, только тебе я позволяю закрыть мои глаза в преддверии поцелуя, тебе вверяюсь безгранично, мне все равно, о чем я знаю, мне все равно, чего не знаешь ты...

* * *

И вот, за два дня до свадьбы, она меня прямо-таки осчастливила сногшибательной новостью. Почти по-гоголевски: к нам едут ее родители! Эта ответственная особа сообщила им о предстоящем событии, а те подхватили соленья да варенья — и в Москву! На свадьбу дочери! Мама родная!

1975 год... Столица нашей советской Родины. Арбатский переулок. Я сижу за столом, читаю что-то умное, открывается дверь, и в комнату заходят они... Папа — полковник в отставке из поселка Пирожково Брянской области! Мама — учительница русского языка и литературы! Испуганные, чистенькие, аккуратненькие, с застенчивым, каким-то советским румянцем, сейчас такого, пожалуй, уже и не увидишь, с сумками в руках.

«Ну, деточка, — это они мне, — тут наша дочь живет что ли?» А моя невестушка укатила на рынок за начинкой для пирожков. Вошли, сумки поставили. Матушка, узнав, что любимое чадо появится не раньше, чем через час, помчалась в парикмахерскую, красоту наводить, а мы с папашей

остались вдвоем. Уселись за стол, я колбаску порезала, сыр, сало, он огурчики с капусткой выложил, водку... Сидим, друг на друга смотрим. Папаша начал первым. Молча налив себе и мне, приподнял рюмку и так же молча осушил ее одним глотком, крякнув и занюхав куском черного хлеба.

«Ну, — поинтересовался он, — что за жених? Парень-то хоть хороший?» Я скромно потупила взгляд. Врожденное чувство скромности не позволило мне честно ответить на вопрос. «Хороший, значит! — догадался папаша и снова налил себе водки. — Да ты не бойсь! Че смурная такая? Неужто завидуешь Янке-то моей, а?» Этого я уже не вынесла.

Водка оказалась холодной и сладковатой на вкус.

«Главное, чтоб с детками они не торопились! Ей еще в институт поступать!» — аппетитно хрустнув огурчиком, папаша заметно расслабился. «Ну, с этим она вроде не торопится!» — со знанием дела ответила я, нервно запихивая в рот кусок колбасы. Опустошив первую бутылку, папаша, бросив быстрый взгляд профессионального военного на вход — видимо, интересовался диспозицией противника, — ловко вынул из пакета вторую. Выпили. Я собралась с духом. «В общем, так. Ситуация такая. Жених — это я!» Полковник поперхнулся, закашлялся, лицо его побагровело, затем побледнело. Он поднес к носу пустую бутылку, старательно понюхал, видимо, предположив, что ненароком хлебнул авиационного керосина, и молча на меня уставился: «То есть как?» На его лице застыла маска сосредоточенного удивления. «Это Москва. Тут так сейчас принято! — с достоинством пояснила я. — До Пирожково это еще не дошло?» — озабоченно поинтересовалась тоном товарища Бендера. Бедный мужик со страданием на лице покачал головой. «Дойдет! — успокоила я и подняла стакан. — Ну, за Янку!»

Через час, когда, обнявшись, мы то наперебой делились воспоминаниями о прыжках с парашютом, то пели что-то авиационное, то травили чисто мужские анекдоты,

на пороге появилась учительница, завитая как породистый баран. Сияя от счастья, она подседа к столу. «А где жених-то?» — вполне резонно поинтересовалась моя будущая теща. Полковник налил ей водки, дождался, пока она ловким движением опрокинет ее в рот, и тоном военачальника сообщил, для пущей убедительности стукнув кулаком по столу: «Вот тебе жених! Тихо-о! Это Москва! Парень классный... на самолетах летал... ГЭС строил... наш человек! Янка с ним, с ней, тьфу... короче не пропадет!»

Янка-то не пропала, а вот я... Семейный быт, доложу я вам, тяжелое испытание для нормального мужика! Боже мой, как она меня любила! Я была для нее статуей, которую она оберегала, стирая с меня пыль и ежедневно, по нескольку раз в день, меняя таблички с названием. Я приходила домой на обед — меня уже при входе ждали тапочки, стоящие всегда параллельно друг другу. Тарелочка — на ажурной салфеточке. Все было разложено по полочкам. Все — на местах. Все — под определенным углом. На ужине — все по новой. В доме — постоянный запах пирожков.

Все баночки и скляночки расставлялись этикетками вперед. Книги в шкафу — по размеру и сочетанию цветов. У нее явно была тяга к прекрасному. Наверное, поэтому она меня и выбрала. В конце концов я взорвалась: «Можно в этом доме хоть один раз увидеть бардак?!» Девушка из Пирожково изумленно заморгала ресницами: «А зачем?» К слову, через лет десять встретила Янку с мужем-финном. Мы с ним выпили, и он мне начал плакаться со всем своим финским темпераментом, что никак не приучит супругу к порядку: дома постоянный погром, стол без скатерти, тапки вечно не на месте, готовить не умеет... Вот и пойми этих загадочных существ под названием — женщины...

Работала я много: надо ведь было и дочь растить, и матери деньги посылать, и самой крутиться. Янка, конечно, мучила меня своей ревностью — туда не ходи, сюда не смотри,

но, в общем, мы с ней интересно жили: ходили на выставки, в театр, с друзьями встречались. Я тогда перечитала всего Ницше, Спинозу, Фейербаха, Канта, Монтеня, Гурджиева. Очень мне «Роза мира» Андреева понравилась, хотя многим в ней язык и аббревиатуры мешают понять суть. На сне я как-то не заикливалась: поспала — хорошо, не поспала — не страшно, на другой день посплю. Чтобы я предпочла сон книге интересной?! Да никогда!

Я в то время как-то само собой медитациями увлеклась. Никто меня не учил, просто однажды ночью вдруг, как озарение, ко мне пришло это знание. Вот с того момента у меня появилась другая жизнь, только моя, отличная от жизни будничной и суетной. Я стала учить себя выходам из тела, а когда научилась, начала путешествовать во времени и пространстве. И это состояние не променяла бы ни на что на свете! Я часто ощущала себя в средневековой Германии: в доме готического стиля, с очень красивой металлической оградой, причем конкретно себя не видела, просто — огромные полки с книгами и свои, мужские, руки, которые аккуратно брали фолиант в темно-коричневой коже... Помню себя в Канаде: у меня жена и двое детей, я скачу к ним на лошади, вижу пожар, понимаю, что в огне погибает моя семья и... умираю от горя... Уже потом, в одной из медитаций, пришло осознание того, что сейчас — мое последнее воплощение. Я увидела свой настоящий дом, свою планету, ту, откуда моя душа пришла на Землю и куда уйдет, чтобы уже остаться навсегда... дома... Словом, эта жизнь стала моей тайной, ключ от которой находился и поныне находится только у меня.

Но вскоре в нашей мирной жизни снова нарисовалась Ланка. К нам многие приходили душой отогреться, вот среди них Ланка и затесалась. Однажды ворвалась в нашу комнату в слезах: «Помоги, — говорит, — умоляю!» Я ее такой не видела никогда, да и вообще не выношу женских слез.

Хотя сейчас иногда нет-нет — и сама всплакну. Похожу-похожу, потом сяду и решу: «А поплачу-ка я сегодня, чтобы завтра не плакать». Минут пять поплачу, слезы вытру, думаю: «Ну вот, одно дело уже сделано, можно за другие приниматься».

А у Ланки, по ее словам, такая история приключилась: заняла она три тысячи себе на кооператив у знакомого хачика, ей именно этой суммы не хватало, а тот раньше срока начал требовать деньги обратно и даже угрожать. И ничего не оставалось нашей бедняжке, кроме как наложить на себя руки, ибо моральный позор несовместим с ее понятием о чести и достоинстве. Очень она просила проникнуться ее горем. Я прониклась. Обратилась к трем своим знакомым. Все честно рассказала, мол, не хватило человеку на кооперативную жилплощадь, теперь может с жизнью расстаться, надо спасать. Мы скинулись: я дала пятьсот и они — две с половиной тысячи. Отдала я Ланке деньги на полгода — и тут, как в награду за хороший поступок, получаю сообщение, что мне после семи лет работы дают постоянную московскую прописку! Пока, правда, только в общежитии, но с конкретной перспективой на получение комнаты в коммуналке на Старом Арбате. Мы это отметили, понятно, всем коллективом. Вечер был чудесный, правда, Янка снова изрядно нервы помотала своей ревностью. Мне это надоедать уже стало. В голове все чаще появлялась мысль: «На фига козе баян?» Точнее, козлу. Поэтому как козел с баяном все же гармоничнее смотрится...

Прошли эти самые полгода, Ланка деньги не отдает. Ну, мне-то ладно, я подожду, а народу-то вернуть надо. Решила с ней поговорить. Договорились встретиться в кино. Пробрались на свои места, у меня сумка была большая через плечо, она взяла ее, поставила рядом на соседнее пустое кресло, чтобы не мешала. Сидим, смотрим... О-о, я кино обожаю, особенно — французское! Правда, веду себя иногда не как

нормальные люди, а подпрыгиваю, выкрикиваю что-нибудь типа «давай!», или «бей!», или «справа заходи!», или могу героя на весь зал просветить: «Мол, чего ты ей в любви признаешься, когда она с Пьером или с Жаном — один черт — спит!» Короче, самым непосредственным образом сопереживаю по причине своей активной жизненной позиции. Но ведь так — интереснее, чем тихонько в уголке сидеть. После кино в кафе забежали перекусить. Ланка пообещала в ближайшее время вопрос закрыть. Я расплатилась и пошла домой. А там уже сидит Жанна Либерзон — Ланкина приятельница. Янка ко мне бросается радостная: «Мы тебя только ждем, садись скорее, будем на видеке смотреть запрещенную „Эммануэль“, которую Жанка принесла!»

Ну, мы дверь заперли для конспирации, уселись. Я на полу устроилась, смотрю, яблоки грызу. И как-то незаметно так с яблоком на коврике и уснула, потому что предыдущую ночь совсем не спала. Когда проснулась, гостя уже ушла, а Янка громким шепотом сообщила: «Жанна просила пока припрятать на пару дней эту кассету, потому что сейчас идет ночевать к знакомым, мало ли что!» Я ругнулась, конечно, но убрала кассету на полку за книги.

А на следующий день моя дорогая звонит на работу и орет благим матом: «Срочно беги домой!» Прихожу и вижу: Янка сидит на диване, перепуганная насмерть, все в комнате перевернуто, и над всем этим хаосом возвышаются два милиционера преклонных лет, потные и какие-то помятые, как будто провели ночь в засаде под кустом. Тот, который наиболее помятый, заявляет: «К нам поступила информация, что вы храните у себя порнографические фильмы и устраиваете платные показы этой грязной продукции загнившего Запада, от которого наша страна отличается идейной чистотой и нравственностью». И предъявляет мне кассету. Ее, конечно, и искать особо нечего было — она на полке лежала. Жанку я не выдала. Все на себя взяла. От жены своей подозрение

отвела, со всей страстью воскликнув: «Посмотрите на это лицо и попробуйте найти на нем хотя бы следы порока!» Янка, услышав это, старательно округлила глаза и стала похожа на куклу-неваляшку. На милиционеров Янкино выражение лица, видно, подействовало, потому что они как-то радостно переглянулись и заявили: «Ну, мы собственно, так и подумали, тогда гоните-ка, гражданочка, ваш паспорт, будем протокол составлять». Я молча лезу в сумку... а паспорта-то и нет! Вспоминаю, что последний раз я его Ланке показывала перед фильмом, пропиской хвалилась, потом, точно помню, в кармашек сумки убрала, сумка лежала рядом с Ланкой... черт, неужели вытащили?! Хотя, если бы это был вор, то прихватил бы и кошелек, зачем ему только паспорт. Значит... Мысль о том, что это могла сделать Ланка, не могла втиснуться в мою несчастную голову, в подлость близких людей поверить всегда сложно. Да и зачем это ей?

В отделение милиции меня доставили на пропахшем бензином уазике. Там долго таскали по кабинетам и задавали одни и те же вопросы, вскоре в ситуацию вмешался какой-то майор с честными и грустными, как у Андрея Миронова, глазами. Почему-то часто так бывает — честные глаза почти всегда грустные. Трудно представить себе человека с честными и веселыми глазами, тогда он, скорее всего, просто был бы на идиота похож. Короче, предложили мне в двадцать четыре часа катиться в свой Ереван и оформлять новый паспорт, после чего немедленно возвращаться в Москву для дальнейшего разбора полетов.

* * *

*Однажды в душной ночи мегаполиса в мое
окно влетел холодный ветер. Капризы
Снежной королевы неисповедимы... Она
прошла по комнате, оставляя голубой иней*

*на всем, к чему прикасалась, пытливо смо-
трела мне в глаза, и льдинки тысячами иго-
лок обняли меня, но ни одна из них не до-
бралась до моего сердца...*

* * *

Народ в общежитии, конечно, был ошарашен случившимся, а меня смех разбирал — забавно же: сидит себе человек на полу, ест яблоки, засыпает, а его потом — в ментовку и на родину высылают, дубликат паспорта оформляют. А человек даже фильма не досмотрел! Вот и страдай ни за что ни про что! Янка, конечно, обливалась слезами, но для меня расставание с ней не было тяжелым. Напротив, это был какой-то логический выход из изрядно поднадоевших, и, что самое грустное, ставших обыденными отношений. До поезда меня провожали всем общежитием. Еды надавали на десять человек, я полвагона накормила в дороге.

Приехав в Ереван, я сразу попала в объятия друзей. Мы заехали домой, где я встретилась с мамашей, которая к тому времени вообще почти свихнулась, потому как прямо с порога набросилась на меня с веником и проклятьями. Так что я, подхватив сумку, смылась из дома прочь. И тут моя подруга, Кара, и предложила: «Едем — я тебя познакомлю со своими друзьями! Я обещала, что привезу свою знакомую из Москвы, которая прекрасно гадает!» Пока ехали, Кара рассказала, что хозяйка дома — Джульетта, для друзей — Дюля, очень интересный человек, дочь чуть ли не миллионера, который ее любит, балует, дом ей купил. А вот с матерью, как и у меня, отношения не сложились, потому что Дюлька в этой семье была белой вороной: увлекалась литературой, живописью, языками, а мать хотела, чтобы она была как все они — торгашкой. Второй друг Кары, Арам — стоматолог, его мать была секретарем

горкома партии, отец — известным врачом. Словом — приличнейшая семья.

Приезжаем. Дом с садом в центре Еревана. Стол уже заставлен глубокими мисками с разными соленьями, дымящейся горкой картофеля, густой сметаной, в которой стояла ложка, вареными яйцами, уложенными на лаваше рядом с тархуном и сыром — сочным и пористым, нарезанным щедрыми кусками. Я огляделась по сторонам и первое, что мне бросилось в глаза — картина на стене: египетская пирамида и на ее фоне — профиль Кассандры. Картина будто заворочила, глаз от нее не могла оторвать.

Дюлька, как потом выяснилось, ее просто обожала, а поклонники — ненавидели! И понятно почему. Дюлька, самая эпатажная женщина Еревана, могла в любой момент, хоть из кровати, встать и отправиться беседовать с Кассандрой... Что уж там ей Кассандра вещала, не знаю, но несколько раз мужчины в ярости бросались на картину с ножом. Дюлька потом ее старательно реставрировала и продолжала любоваться. Не забывая перед этим выбросить горячего поклонника из своей жизни: кого в дверь, кого в окно.

О, что она делала с мужиками — Убой Петрович! Это я так образно говорю. «Убой Петрович» — это означает... ну, примерно: «боже мой!» Не в смысле «Боже», а в смысле «трудно себе даже представить!» или «не поддается описанию!» Но если я скажу: «Что она делала с мужичинами — трудно себе представить», это будет уже почти Тургенев, а у нас с ним стиль изложения все-таки разный. Мы с Дюлькой подружились сразу, крепко и на всю жизнь. У нас не было никаких сексуальных притяжений, хотя мало кто в это верил. Она всегда приходила в неопикуемый восторг, как на меня ее подруги реагировали. Знакомясь, я пристально смотрела на ее приятельниц и прокуренным голосом произносила свое имя, а те вдруг начинали краснеть,

поправлять волосы или смущенно разглаживать складки платьев. Никогда в жизни и ни с кем я так не хохотала, как с ней! Именно в ее доме мы познакомились с Мариной. Подсела ко мне в тот первый вечер красивая, полноватая дама, и говорит: «Хотела на вас посмотреть. Я — та, кому вы гадали, помните, вам в Москве мою фотографию показывали? Ну, моя подруга артистка, с которой вы клад искали! Вы тогда сказали, что у меня двое детей, с мужем отношения плохие, и я каким-то образом с именем Пушкина связана. Детей у меня действительно двое, с мужем мы разъехались, а живу я на улице Пушкина! Так вот, я сейчас одна, родители на пенсии, мои дети живут с ними...»

Говорит все это, а сама смотрит на меня задумчиво, словно прикидывает, понимаю я армянский язык или же надо перейти на какой другой. У меня и правда бывает иногда такой вид туповатый, но это — исключительно защитная реакция, потому что, если всегда выслушивать женщин внимательно, с понимающим и заинтересованным видом, их невозможно будет остановить. В конце вечера, после долгого разговора, узнав про мои натянутые отношения с матерью, Марина предложила пожить у нее. Я согласилась, бросив, правда, свою коронную фразу: «Без последствий». Марина возражать не стала. Короче, поселилась я у нее, но пропадала в основном с Дюлькой и Арамом. Марина оказалась очень славной, но я держала ее на расстоянии, придерживаясь выбранной роли постоялицы. Единственное, что меня раздражало — ее маниакальное увлечение картами. Первое время она еще просила, чтобы я оставалась играть с ней и ее гостями, но я быстренько сматывалась к своим, а Маринка до рассвета делила досуг с преферансом.

У Дюльки в это время был любовник — гитарист Леня. И вот однажды сидим мы с Арамом у Дюльки, вдруг врывается Ленька и сразу же набрасывается на Дюльку, мол, что

это мы тут воркуем, как голубки, а его не позвали, кошмар и ужас! В общем, орет, а Дюлька так спокойненько поворачивает голову к своей Кассандре и спрашивает с невозмутимым видом: «Дорогая, может мне его бросить, а?» Ленька сразу затих, глаза скосил на картину, и, не дожидаясь ответа Кассандры, ласковым тоном приглашает нас всех к себе в гости. Понятное дело — подальше от картины! Вдруг что-то не то посоветует?

Я порою думаю, а Дюлька вообще мужиков своих любила? Скорее всего — нет. Играла с ними, как кошка с мышками: подпускала, превращаясь в нежное, доброе и пушистое создание, а потом в самый неожиданный момент выпускала коготки — и мышка получала та-акого пенделя под зад! Для нее были важны мелочи. Допустим, появлялся в ее жизни потрясающий мужик, умник-красавец, но стоило ему вдруг не там сесть, не так встать, не дай бог, голову почесать или в носу поковырять — все. Он переставал для нее существовать. Мужики от нее зверели просто! И — обожали!

Поехали мы в загородный дом Ленчика, Дюлька по дороге явно заскучала, и ей потребовался адреналин. Она уже приноровилась получать адреналин именно в моем присутствии, потому что чувствовала себя со мной спокойно и уверенно, зная, что я ее в обиду не дам. Едем в машине, Дюлька задумчиво на дорогу смотрит, под нос себе что-то мурлычет, ноготками по кожаной сумочке постукивает. Мы с Арамом и его братом переглядываемся, понимая, что-то будет! И точно. Приезжаем. Дюлька — напрямик на второй этаж, где в Ленькином шкафу какие-то свои вещи хранила, хватает чемодан, бросает в него свои шмотки, спускает чемодан по лестнице, ножкой в изящной туфельке его к выходу подталкивает и кричит: «Леонид, ты мне надоел, я тебя бросаю! Арам, возьми чемодан!» А тот себя в это время в зеркало рассматривал — на нем был шикарный новый белый свитер. Ленька, который только что Дюльку от Кассандры

увез и уже почти успокоился, мгновенно побагровел, начал как-то на глазах раздуваться, от злости, наверное, схватил нож и бросился на Дюльку. Я быстро нож за лезвие перехватила — острый, зараза, шрам до сих пор на ладони, и кричу: «Лень, ты чего, офонарел что ли? А ну, быстро — от винта!» Началась свара. Ленка орет, что всех нас сейчас поубивает, Арам с братом его держат, а я с окровавленной рукой Дюльку телом прикрываю. Потом все как-то быстро угомонились, мне перевязали руку, мы выпили и начались танцы. А Дюлька, как только вино пила, — а уж мы постарались ее расслабить, чтобы ничего уже не отмочила, — все теряла, забывала, но, где бы ни была, всегда ехала ночевать домой. Танцевали мы до упаду, потом Дюлька надела Араму на палец свое кольцо с огромным бриллиантом, у нее были украшения запредельной красоты, и попросила сохранить в целостности и сохранности, потому как дома положит его куда-нибудь и ни в жизнь не найдет.

На следующий день сидим, пьем кофе, с трудом вспоминая вчерашнее, и тут на пороге появляется Арам, похожий на вулкан. То есть совсем раскаленный, из макушки прямо пар валит и вот-вот лава хлынет. Дверь еще не захлопнулась, а он уже орать принялся: «Вы знаете, что вчера сделали? Я чуть было матери не лишился!» Дюлька на меня глаза скосила и шепчет: «А что, мама Арама вчера с нами была?» Я плечами пожимаю: «Точно сказать не могу, может и была». Дюлька закурила, нервно так ноздрями дернула, и с обреченным видом попросила Арама прояснить ситуацию, потому что после вчерашнего у нас еще не все извилины включились, а те, что включились, отвечают только за чувство голода. Но тут я встала и решительно остановила открывшего было рот Арама: «Минуточку! Я схожу в туалет!» Дюлька от изумления пронесла чашечку кофе мимо рта: «А что, экстрасенсы разве тоже в туалет ходят?» В ее глазах плескалось нечеловеческое потрясение. «Да, иногда

ходят. Но не любят это афишировать!» — пояснила я и удалилась. Возвращаюсь и слышу пламенную речь Арама: «...приличный мальчик из приличной семьи! Вы вообще соображаете, что вчера было? Утром просыпаюсь... а я, понятно, рухнул на диван как пришел — в свитере и брюках, просыпаюсь от крика матери, которая вошла, посмотрела на меня, закричала и с грохотом повалилась без сознания. То есть при взгляде на меня сознание ее совсем покинуло. Слава богу, не навсегда! Потому что через пару минут она подскочила, вцепилась в меня мертвой хваткой и начала причитать: «Арамчик, сынок, кого ты убил, признайся маме! Признайся, деточка, у нас судья есть знакомый, сосед — адвокат, надо же людей поднимать на помощь!»

Мы с Дюлькой переглянулись. Неужели после того, как мы разошлись, Арам по дороге кого-то умудрился убить? «И кого ты убил?» — икнула Дюлька, подперев щеку. «Вы что, совсем ненормальные? — возмутился Арам. — По-вашему, что может подумать мать, когда подходит к кровати сына...» — «Из хорошей семьи...» — вставила я. «Да, из нее! — гордо согласился Арам. — А сын лежит в белом свитере с пятнами крови, и с кольцом на пальце, на котором сверкает бриллиант размером в булыжник!» — «А пятна откуда?» — невинно полюбопытствовала Дюлька. — «От нее!» — Арам возмущенно ткнул в меня пальцем. — «Арамчик, ты же сам мне так халтурно руку перевязал!» — промурлыкала я и, не выдержав, расхохоталась. Через мгновение ко мне присоединилась Дюлька и Арам. С тех пор мы считаем, что наша многолетняя дружба скреплена кровью...

Собрав все справки для оформления нового паспорта, я решила, чтобы не терять времени, начать подрабатывать, делая ремонт. Начала, конечно, с субботника в квартире ма-тушки. Скажу честно, это было испытанием! Варька поначалу кидалась на меня с криками, чтобы я оставила в покое ее любимые обои, но потом поутихла, решив поучаствовать

в ремонте. Сразу выяснилось, что я все делаю не так! Стоя за моей спиной, она учила, как держать мастерок, как клеить обои, красить стены кухни и вбивать гвозди. Она зудела, как бормашина, отчего у меня страшно разболелся зуб. Позвонив Араму и узнав адрес его загородной клиники, я отправилась на экзекуцию. Зубных врачей я всегда боялась, но после общения с матушкой мне уже было все равно. Дело шло к вечеру. Поймав попутку, я залезла в кабину грузовика и назвала адрес. Из болтавшегося на лобовом стекле транзистора тихо лилась музыка, из приоткрытого окна дул теплый ветерок, убаюкивающе шумели шины об асфальт. Я задремала.

Вдруг машину тряхнуло. Я открыла глаза и обнаружила, что мы съехали с шоссе в лес. «Заедем на минуту в одно место, мне надо кое-какую вещь забрать. Все равно по дороге!» — с угрюмым видом буркнул водитель в ответ на мой вопросительный взгляд. Я напряглась. Подъехали к домику на опушке. Вокруг — ни души. Из дома вышел какой-то человек, пошептался с водителем, подошел к моей двери и распахнул ее. «Вылезай!» — приказал он.

Заходим в дом. За столом человек десять-двенадцать деревенских армян. Один из них встал, обошел вокруг меня, издал какой-то кричающий одобрителный звук, вынул из кармана несколько сторублевков и со словами «Дуй отсюда!» отдал водителю. Ситуация не вдохновляла. Проснувшийся мозг заработал как вычислительная машина. Я быстро обвела взглядом стол, пытаюсь определить главного. Это оказалось несложно. Мне налили стакан водки, бросили на тарелку половину жареного цыпленка и жестом предложили сесть за стол. «Перед тем, как съесть жертву, ее надо накормить!» — мысленно усмехнулась я, и продолжила стоять, прислушиваясь к фразам, которыми перебрасывались полупьяные мужики. Для того, чтобы понять свои перспективы, не надо было обладать аналитическим складом ума.

Не могла же я им сказать, что я не совсем то, что они думают. То есть совсем не то.

Я вперилась взглядом в главаря, и когда он посмотрел на меня, движением головы указала ему в сторону двери. Он усмехнулся, медленно поднялся, подошел, и, засунув руки в карманы, принялся раскачиваться с пятки на носок: «Ну, чего тебе?» Говорю ему, мол, выйдем! Вышли. Я помолчала, вглядываясь в лицо вождя красномордых, а потом заявила: «Значит так... можешь не верить, но ты мне понравился. Ты один из всей этой шушеры нормальный мужик. Я не дура, понимаю, что вы меня потом закопаете, и следов не найдешь. Но хочу предупредить. У меня СПИД. После операции занесли. Поэтому мне-то уже плевать, а вот ты — думай, хочешь жить или нет. И имей в виду, я так просто не дамся. Руки-ноги переломаяю, а тем, кому не смогу — рожи расцарапаю. Или убью. А теперь — тебе решать».

Он выслушал, посмотрел на меня внимательно, кивнул. Возвращаемся. Мужики за это время еще на грудь приняли. Рожи красные, на одежде — пятна пота. И тут главарь им говорит: «Мужики, выпьем за эту женщину. Она сделала доброе дело. Мы должны ее отпустить».

Они медленно начали с мест подниматься, шуметь, но тот гаркнул и все притихли. Авторитет в коллективе — страшная сила. Вызвали снова того водителя, который меня к ним привез, сунули ему кувшин вина да половину ягненка жареного в газеты завернули, и велели меня со всем этим отвезти к точке назначения. Я пошла к двери, обернулась — мужики в кучу сбились, глаза голодные, злые, как у волков, а впереди — главарь их. Посмотрел хитро так и подмигнул. Все понял, значит...

У Арама я появилась с кувшином вина и с ягненком под мышкой. Арам руки протянул, чтобы кувшин взять, а я радостно, что до него все-таки добралась, кувшин из рук выпустила, чуть раньше, чем нужно. Кувшин по законам физики

упал и разбился. А вино, по тем же законам, медленно, красиво, как в кино, растеклось по кафельному полу. В общем, Убой Петрович!

Завел меня Арам в кабинет, отправил медсестру в коридор порядок наводить, выслушал историю про мое приключение и, чтобы успокоить, доверительно сообщил, что ему сегодня самогон принесли классный, и он уже договорился по телефону с Мариной, что вылечит мне зуб, а потом со мной и этим самогоном приедет к ней в гости. Ширмочку отодвинул и показал литровую бутылку. Мне же после пережитого, ой, как выпить хотелось! Арам по взгляду все понял и, почесав затылок, вполне логично заявил: «Так Маринка же не знает, что в бутылке литр? Не знает! Мы немного выпьем, а остальное ей и привезем». Я, понятно, возражать не стала. Налил он мне самогон, вместо наркоза, чокнулись, выпили. Не берет. Еще выпили. Опять не берет. Арам пояснил, что у меня от пережитого адреналина в крови много, вот и не действует. Дверь заперли, жареного ягненка достали... До зуба, понятно, дело не дошло. Он как-то сам по себе болеть перестал.

Часа через два звонит Марина, интересуется, можно ли ей еще одну пару пригласить? Арам без колебаний согласился, щедро пообещав даже еще ягненка жареного привезти, и снова налил. Вскоре мы с ним уже любили весь мир со всеми развитыми, недоразвитыми и переразвитыми странами.

Наконец, приехали к Маринке. Зашли. Счастлиивые!!! Но без самогона. Просто, когда стали остатки в другую тару переливать, оказалось, что и везти-то почти нечего. Ерунда одна. Ну мы и допили. А за столом пребывали в ожидании Марина и какая-то парочка влюбленная, которые сильно удивились, увидев наши руки пустыми. Барана-то у нас тоже уже не было. Мы им закусили, а что осталось — по моей инициативе медсестрам отдали, уж больно они хорошенькие

были. Маринка возмущенно вопрошает: «Ну и где ваш самогон с жареным ягненком?» Арамчик, с которым мы, обнявшись, с трудом сохраняли вертикальное положение, развел руками, отчего чуть меня не уронил, и попытался сформулировать: «А мы его раз... раз... вот так... раз... и лили...»

Парочка влюбленная, понятно, отправилась в магазин за вином, Арам — на диван, Марина — на кухню делать бутерброды, а я — за Мариной. Точнее, за холодной водой. Маринка, обиженно повиливая бедрами, вернулась в комнату, а я села у стола, пью воду, вспоминаю страшное лесное приключение, и вдруг вижу — таракан ползет. Жирненький такой, лакированный. Я его — хоп! — и водой из стакана залила. Он подергался-подергался и затих. И тут на меня накатило! Ой, думаю, что же я наделала! Меня Бог накажет! Я сама всю жизнь водички боюсь, а тараканчика утопила. Каково же ему, несчастному, было вот так нежданно-негаданно жизнь закончить... а у него же могут быть дома дети... Ну понятно — пьяные мыслиформы поперли. В общем, сию, объятая раскаянием, облокотившись на что-то на столе, страдаю, думаю о своем необдуманном поступке, и вдруг с криками: «Пожар! Горим!» на кухню влетают Арам с Мариной. Я тоже их возгласы подхватила, лениво и не сходя с места: «Горим... пожар... горим... пожар...» Потому как надо же друзей поддержать. У них — проблема. Пожар где-то. Волнуются. А они почему-то смотрят на меня, и — ну орать слова всякие некрасивые, засоряющие нашу родную речь. Оказалось, на кухне стояла включенная электроплитка, были такие раньше за двадцать пять рублей, так вот я, погрузившись в размышления о таракане-утопленнике, который по моей злой воле трагично закончил земное существование, облокотилась на нее и даже не почувствовала, что рукав рубашки тлеть начал, а вслед за ним — и локоть. У меня потом долго рана была у локтя такая, уф...

А с тараканами я с тех пор дружу. И если вдруг встречаю, всегда уговариваю: «Иди-ка ты, милый, скорее домой, тебя там семья ждет!» И они уходят. Или мне так везет с тараканами — умные попадают... как дельфины...

К матери в квартиру я так и не вернулась. Забегала только продукты занести, или починить чего-нибудь. Варька всегда ненавидела весь мир вокруг меня. Отец, соседи, друзья, знакомые, все, кто меня любил, становились ее врагами, потому что святое право на любовь имела только она. Рядом с ней мне не хватало воздуха, реально становилось трудно дышать. Как-то странно связались в один узел ее постоянные мольбы к Богу, чтобы я умерла раньше, чем она — причем с самого детства, ее удушающая любовь и появлявшиеся у меня время от времени приступы удушья... Казалось — вот она, матушка, приближается и хватается за горло своей холодной рукой. Днем я работала, а жила у Марины, которая все-таки в меня влюбилась. Я, в общем, тоже к ней привязалась, она была славной, только вот ее игра в карты... Но я приноровилась — она играть, а я, когда с Дюлькой и Арамом не встречалась, в другую комнату, к своему блокноту. Всегда что-то писала. Иногда это были случайные размышления, иногда — разговор с какой-то таинственной незнакомкой, которую я еще не встретила, но уже полюбила.

Это было какое-то странное и удивительное время! Я словно с жадностью набрасывалась на жизнь, набирая бесшабашного веселья, озорства и смеха про запас. Может, предчувствовала что? Помню, у Дюльки в доме ремонт начался, и она на время переехала в одну из родительских квартир. А там в кладовке хранилось вино для продажи: «Хванчкара», «Кинзмараули», «Саамо». Семьдесят копеек бутылка тогда стоила. Вот Дюлька как-то вечером и говорит: «Давайте попробуем, чем родители торгуют-то! Там много, не заметят!» Ну, мы с Арамом особо не возражали. Пробовали мы пробовали, пробовали, пробовали и как гром среди ясного

неба: мамаша ее звонит, что на утро заедет. Шухер! Надо стеклотару выносить! Собрали все пустые бутылки в огромный мешок, и Дюлька нам с Арамом резонно заявляет: «Вы мужчины, вы и тащите!» Дождались темноты, чтобы соседи не заметили, и потащили. Несем и от смеха просто давимся. Подошли к палисаднику, Арам перепрыгнул, я ему мешок передаю и сдавленным шепотом говорю: «Осторожней, не дай бог уронишь, грохот будет на весь район!» Он как представил — трястись начал от смеха. Я — за ним. И тут, прям под руку сказала, мешок ка-ак рухнет на палисадник! Звон на всю округу! Во всех окнах, как по команде, зажегся свет.

Дюлька моментально выскочила на крыльцо, нам кулак показывает и командным голосом выдает соседям: «Быстро все спать! Нечего смотреть! Это старьевщик упал. Я старые вещи ему отдала!» В три-то часа ночи...

А как у нас Ромка в бассейн свалился! Убой Петрович! У Дюльки был знакомый маклер — Рома. Маленького роста, кругленький такой и неизменно в огромной кепке-танкодроме. Как-то вечером мы пошли отдохнуть в ресторан шикарной гостиницы

«Двин» для иностранцев — красивый, с фонтаном и небольшим бассейном. Сидим себе, болтаем. Дюлька с Арамом и Ромой выпили, а мне неохота было. Музыка гремит, весело. Я вскочила: «Хочу танцевать! Не пойдете? И ладно! Вы сидите, а я пошла!» Арам пальцем у виска покрутил: «Большая, что ли? В ереванском ресторане — и одна танцевать?!» А мне плевать! Выхожу и танцую. Я всегда любила танцевать, и у меня это отлично получалось. Танцую, удовольствие получаю, тут подбегает Дюлька, хватая за руку и тащит вглубь ресторана: «Скорее пойдём, я тебе потрясающего мужика покажу!»

Подходим к бару, над которым возвышается рыжий парень и ловко так все разливает. Дюлька — в красивом плаще, в бриллиантах, я — в брюках и клетчатой рубашке,

та еще парочка! Присела эта нахалка у стойки с томным видом и, будто ни к кому не обращаясь, говорит: «О-о! Какой мужчина! Красавец! Настоящий ирландец!» Тот услышал, глаза на Дюльку скосил. Еще бы! Дюлька при параде — красотка неопишуемая! А та продолжает нежным голосом: «Ты что, бармен, что ли?» Рыжий в улыбке расплылся и кивнул. Слово за слово, она его разговорила, а я стою, лицо за занавесой дыма прячу, наблюдаю и со смехом борюсь. Понимаю, что она прикалываться начала, но вот зачем? А он-то всерьез все воспринимает! Стоит, нервно шейкер трясет, а Дюлька понесло: «И что, тебе нравится эта работа? Зачем тебе это надо, красавчик? Ты мог бы найти себе что-то более достойное. Поехали ко мне! Я буду деньги платить. Хочешь, квартиру тебе куплю? Ты, я слышала, своему приятелю, — кивком указала на пробегающего с подносом коротконового парня-официанта, — говорил, что все бабы — суки продажные. Так чего тебе здесь работать, чтоб лишний раз каждый день в этом убеждаться? А у меня — будешь жить как у Христа за пазухой. Забудешь о порочности мира, будешь только со мной! Ну, поедем?»

Парень нервно сглотнул: «А про квартиру — это ты серьезно?» Дюлька уверенно кивнула: «Будешь со мной, красавчик, — куплю!» Сказала и многообещающе ему в глаза смотрит. Я даже закашлялась от ее наглости и вижу, народ у барной стойки тоже с интересом к разговору прислушивается. Парень помялся, помялся и отвечает: «Ладно, договорились, только я сегодня уж доработаю, заявление об увольнении напишу и — поедем».

И тут она как начала хохотать — аж слезы на длиннющих ресницах выступили! Бармен от недоумения чуть шейкер не уронил. А Дюлька ему: «Дерьмо ты, а не мужик! Бабы — суки продажные, говоришь?! А сам-то ты кто? Только что продаться согласился! Квартиру я ему куплю, дешевке!»

Народ, кто за этой сценой наблюдал, тоже смеяться начал, несколько женщин даже зааплодировали. Дюлька же ручкой бармену помахала и грациозно удалилась. Она никогда не была вульгарна, что бы ни вытворяла, в ней было много интеллекта, своеобразной чистоты и гордости. Так потихоньку мы в ресторан живую струю принесли: то я танцевала, то Дюлька над барменом прикальывалась, а тут еще и Ромка своей кепкой начал кого-то раздражать.

Арам ему говорит: «Сними, чего проблемы создавать». А тот ни в какую, мол, она мне веса придает в обществе, словом, так и сидит за столом в кепке. И тут один мужик, проходя мимо нашего столика, приостанавливается и громко говорит своему приятелю: «Смотри, классная баба какая! Интересно, сколько стоит?» Про Дюльку, понятно, говорит, не про меня. А Дюлька небрежно — хоп! — и ему в морду вина плеснула. Красенького. А он — в белой рубашончке... Что тут началось!

В этот момент в ресторан входит бесподобная художница Марина Габриелян, а с ней — ее пассия, они вместе жили уже лет сорок, то есть — две рафинированные, чистенькие старушечки, всюду на машине ездили. Была у них такая малюсенькая желтая машинка. И видят они, что за Дюлькой вокруг фонтана носится какой-то хачик, она отбивается от него своими туфельками на шпильках, за ними бегу я — спасать Дюльку, за мной — Ромка, его кто-то догоняет, сбивает с него кепку, которая медленно планирует над столиками, в это время Арама кто-то тащит за воротник — вернее, придерживает, потому что он, рванув за кепкой друга, не устоял на ногах, словом — катавасия!

И вот бедная Марина с изумлением смотрит на Дюльку, взмахивает маленькими ручками и восклицает: «Джультета, что вы здесь делаете?» Рома (вернее, его Юрой звали), который, наконец, сумел найти свою кепку среди чужих столиков, в этот момент снова бросился за мной, чтобы

поддержать в трудную минуту. А я, когда знакомый женский голос услышала, резко остановилась, радостно руки раскинула и кричу: «О, Марина, привет!» Ромка этого никак не ожидал, налетел на меня, с шумом и брызгами бухнулся в бассейн и ушел под воду с головой. На поверхности только его кепка и была видна. А Ромы нет. За Дюлькой уже несколько хачиков бегут, я от них отбиваюсь, мы ржем, уже сил нет. Дюлька подбежала к Марине с криком: «Скорее, бежим, все к машине!» Короче, выскочили мы все из ресторана, набились в Маринину малюсенькую машинку и видим Ромку, который, наконец, вылез из фонтана и со всех ног бежит к нам, прижимая к груди свою любимую кепочку. Хохотали все — и мы и вокруг нас. Только бедная Марина ничего не поняла. Да и как понять? Пришла тихо-мирно интеллигентная женщина со своей пассией в ресторан, оглядеться толком не успела, а тут уже мокрая, полусумасшедшая компания с криками: «Езжай скорее отсюда!» набилась в ее машинку. В общем, Убой Петрович!

Мне оставалось еще неделю ждать новый паспорт, потом — в Москву: восстанавливать прописку, оформлять выделенную мне комнату, растить дочь, работать, любить...

Все произошло внезапно. Пятница. Звонок в дверь. На пороге — двое. Симпатичные парень и девушка. Смотрят на меня внимательно. Можно, мол, к вам на минуточку? Я улыбаюсь — конечно, проходите.

* * *

Я не верю, что вначале было Слово... вначале был Взгляд... Он родил ощущение и чувство. Тогда родилось Слово — определение. Мы вернемся еще к этому в обратном порядке, и тогда люди Земли поймут всю сладость, чистоту и горечь взгляда. И как

много миров тогда откроют нам свои врата. Века — станут мгновением. Слова — клетки восприятия — исчезнут, и тела станут реквизитами огромной сцены жизни. Энергии любви и ненависти, доброты и зла займут свои настоящие ниши. Безмолвие — не тишина и не идиллия. Безмолвие — безграничность Абсолюта.

* * *

Проходят. Оглядываются. «Мы из Москвы. За вами». Я говорю: «В каком смысле?» Они: «Мы приехали вас задержать и доставить в Москву». Мне смешно — думаю, кто это прикалывается? Но смотрю — глаза у них серьезные и немного растерянные. Спрашиваю: «Что случилось?» Они плечами пожимают: «Нам велено вас в понедельник привезти в Москву, а подробностей не знаем, мы стажеры, нам не сказали».

Я затылок почесала, поинтересовалась, не могу ли «арестоваться» не в пятницу, а в понедельник, но они даже не ответили, только брови подняли изумленно, и я поняла, что у меня явно с мозгами на нервной почве что-то не то. Написала своей Маринке записку: «Меня арестовали, не скучай, целую». Ну, и как была — в брюках и фиолетовой рубашке, руки им протягиваю, я в одном французском фильме видела — там герой так руки протягивал полицейским, чтоб ему наручники надели, а на лице — гордое презрение к обстоятельствам — и спрашиваю: «Заковывать будете?» Ответ: «Пока нет» даже немного разочаровал.

Спускаемся к милицеейской машине. Едем. Молчим. А мне молчать трудно. У меня же энергия внутри поднялась, и тупо сидеть тяжело. Тут выбор — или говорить, или петь. Ну, от пения я решила пока воздержаться, потому что

я, хоть и произвожу, может быть, не всегда адекватное впечатление, но какие-то сдерживающие центры в критические минуты все же срабатывают. Однако, желание спеть было настолько сильным, что я поняла, почему перед расстрелом люди начинали петь. Особенно «Интернационал».

Спрашиваю сопровождающих: «А если не секрет, как вы меня нашли? Я же у подруги живу, мало кто это место знает». Парень отвечает: «Мы пришли по адресу к вашей матери, спросили, где вас искать, сказали, что приехали вас задержать, а она почему-то обрадовалась, засмеялась, и говорит: „Арестуйте, арестуйте ее, она живет на улице Пушкина, 33, увезите ее оттуда скорее в тюрьму!“ Странная, конечно, — говорят, — у вас мамаша». Тут уж я надолго замолчала. Такая боль была, будто разрывная пуля в сердце попала. Еду я по ереванским улицам — мимо Дюлькиного дома... мимо своей школы... мимо театра... больницы, где отец лежал... Подъезжаем к отделению милиции. Заходим. Три мента. Один — с наглыми глазами — что-то пишет. Двое — за нардами у стола. Меня, девочку такую хорошую, заводят в КПЗ, железная дверь камеры закрывается с издевательским скрипом, в котором слышится матушкина интонация: «А-а-а! Будешь знаа-ать!»

Камера пуста — стены, пол, дверь. Сажусь на пол. Холодно. Зябко. Жалею бедную Маринку, она вышла на полчаса купить себе чулки. Вернется — и на тебе... От нечего делать решаю пересчитать пальцы на руках. Считаю справа налево — десять. Слева направо — девять. Оживилась. Пересчитала. Одиннадцать. Плюнула — математика — мое слабое место. Вдруг заметила, что в камере я вовсе не одна — на коленке неизвестно откуда материализовалась муха. Тощая какая-то, заторможенная. От холода, наверное. Но все же — живая душа. Хотя неизвестно, есть у мух душа или нет. Сидит себе на коленке, смотрит на меня, не улетает. Начинаю читать мухе стихи:

Сижу за решеткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе орел молодой...

Прервалась из-за прилетевшей стайки мыслей: Пушкин... школа имени Пушкина... улица Пушкина с Маринкиным домом... Нет... Лучше Бальмонт...

Мы лежим на холодном и грязном полу,
Присужденные к вечной тюрьме...
Нас томительно стиснули стены тюрьмы,
Нас железное давит кольцо...

В общем, в голову лезло все грустное, согласно ситуации. Решила вспоминать что-то детское...

В магазин везут продукты,
Но не овощи, не фрукты,
Сыр, сметану и творог,
Глазированный сырок...

Потом еще:

Конфета бывает простой и с помадкой,
Немного с кислинкой и приторно-сладкой...

Заурчало в животе и стало еще хуже. «Бедная Маринка, ей сейчас кусок в горло не полезет...» Каменный пол начал согреваться от моего тела. Присутствие мухи успокаивало и давало надежду, что жизнь продолжается...

Яркий свет — и надо мной — летающая тарелка. Из нее выходят существа какие-то очень неприятные, похожие на богомолы. Рядом со мной еще кто-то, я его не вижу, хотя и ощущаю его присутствие. Я пригибаюсь за кустами, луч света выхватывает того, кто был рядом и замирает. Богомол

все же замечает меня, медленно наклоняется и спрашивает: «Помидоров хочешь?» — «Хочу», — поспешно отвечаю богомолу, открываю глаза и вижу наклонившегося ко мне мента с двумя помидорами в руке. Съела. Стало легче и теплее. Заходит второй, с наглыми глазами. Морда жирная, как будто салом натерся. И прямым текстом мне рассказывает о своих ближайших планах. Я на него смотрю: вот, ей-богу, богомолы — и те приятнее выглядели. Отвечаю честно, что мужчины меня совсем не интересуют, и что, если они считают, что меня осчастливят, то глубоко ошибаются, ну, и вообще — что думаю по этому поводу. Он тоже высказался, причем тоже очень прямо и понятно.

И тут меня осенило: «Мужики, — говорю, — а давайте так... ни вашим — ни нашим... сыграем!» Они растерялись: «Как это сыграем? Во что?» Я отвечаю: «В нарды! Выиграю я — вы меня не тронете. Вы — ну, что ж... но только по-честному договариваемся — я вас не обману, но и вы меня». Ну а что было делать-то? Ночь, два здоровенных мента и я! Они начали ржать как полоумные! Ты, говорят, девчонка, соображаешь, чего предлагаешь? С кем играть-то собираешься? Но с интересом таким на меня смотрят, как немцы на пленного партизана, который им же самим предлагает сдаться.

Вытащили они меня из камеры, на стул посадили. Начали играть. А меня ж отец с детства в нарды играть учил — я всегда первые места на соревнованиях занимала. Играю, а сама им что-то рассказываю, смеюсь, они невольно тоже подхихикивают, я их в разговор втягиваю, слово за слово — уже напряжение немного спало. Выиграла я. Обе партии. Они разозлились, орать стали, ругаться, но слово сдержали. С хачиками — это возможно. Спрашивают: «Завтра тоже играть будем?» Говорю, что можно, но уже без пари. Спала я в ту ночь, как убитая. Надеялась, может опять тарелочка приснится или моя планета... Нет... Ничего... Даже богомолы не приходили...

А Маринка в это время подняла на ноги весь Ереван. Примчалась к моей матери. А та бегает по квартире босая, растрепанная и пританцовывает: «В тюрьму ее, в тюрьму ее!» Ни Арам, ни Дюлька, ни Эрнест — начальник паспортного стола, вообще поверить не могли, что меня арестовали. А ведь выходные — никого на месте нет, ничего же не узнать. Все только в понедельник.

А в понедельник рано утром пришли за мной стажеры, чтобы везти в аэропорт. Я опять смеюсь: «Заковывать будете?» У меня, понятно, фантазия разыгралась. Время тогда было олимпийское, Москва на особом положении, самолеты туда почти не летали. Представила — выхожу на пустой аэродром, в наручниках, хорошо бы еще в кандалах, меня окружают менты с пулеметами, везут по перекрытым улицам, а все мои друзья и подруги по краям дороги стоят, со слезами платочками машут.

В общем, через пару часов лечу в самолете, улыбаюсь своим мыслям, как Деточкин в воронке с цветами после премьеры «Гамлета», болтаю с ребятами. Они оказались просто замечательными! Мне всегда очень на людей везет! Я им говорю: «Ребята, ладно прикалываться, скажите честно, за что меня арестовали-то? Мне просто самой интересно, может, я убила кого, а уже и не помню?»

Девушка, блеснув глазками, просветила, что вчера дозвонились до Москвы и им поведали, что за мной две статьи: порнография и мошенничество с кооперативными деньгами. Тут я совсем развеселилась — полная ерунда!

После обеда уже сижу у следователя в Киевском райо-не, от которого узнаю, что я взяла якобы на кооператив займы у трех человек две с половиной тысячи, а они написали заявления в милицию, что я им их злостно не отдаю, это — во-первых, а во-вторых, я хранила и распространяла порнографические фильмы. Поначалу хотели это дело как-то замять, но потом решили, что раз я не только морально

разложившийся элемент, но еще и финансовая аферистка, надо оградить общество от меня, а для этого изолировать меня от общества. Все деньги!

Через некоторое время вызывают меня на свидание. Хоть это не положено, ну, никак! Смотрю — Ланка сидит, глазки трет: «Ах, ты бедненькая моя! — шепчет, — не вы-давай ради бога, у меня сейчас такая хорошая работа, не говори, что для меня занимала! У меня и судья есть в Киевском районе — я тебя вытащу! И адвоката найду...» А я же совсем не могу, когда женщины со слезами просят...

Короче, приезжает за мной «воронок». В нем — еще две девушки. И везут нас в Бутырку. Так интересно! Вспоминаю, кто там сидел: Бауман, Шмидт, Ворошилов, Дзержинский, Маяковский, Нестор Махно, Сергей Королев, Солженицын. Не говоря уже о Емельяне Пугачеве. И вот теперь — я! Вот кайф внутри побывать! Доехали. Завели нас внутрь, в какое-то облезлое, мрачное помещение. Пришли две надзирательницы с бульдожьими лицами. «Раздевайтесь! Живо!» Для меня это вообще невыносимо! Я и с женщинами своими никогда не раздевалась, разделяя: я — одно, они — другое... Мне перед мужиками легче раздеться, а тут — бабы кругом. А делать-то чего? Разделись. Стоим. Бульдожки нас общупали, проверили, не прячем ли мы в каких укромных местах холодное оружие, швырнули робы, велели надеть и ждать, когда врач позовет и ушли, захлопнув в камере без окон и дверей. Ждем. Полчаса. Час. Полтора. Два. Три... Сажу, размышляю. Каждая ситуация для чего-то дается.

«Эта — для начала — дана для того, чтобы я научилась терпению», — подумала я и решила учиться. Первые два часа не очень получалось. Потом задумалась — ни дверей, ни окон. Мерзко, конечно, но что-то есть хорошее. Но вот что? Опять думаю. «Ага, наверное, эта камера напоминает женскую матку, в которой вынашивается ребенок. Сколько ему ни биться в животе — на свет не прорвешься раньше

положенного времени. А прорвешься — не факт, что живой или не покалеченный. Значит, первое — всему свой срок, второе — этот срок придет неизбежно». Одна из нас решила сыграть в выкидыш. С криками бросилась к двери, орала, ногами колотила... Вошел конвойный. С дубиной. Устроил показательный бой. Думала, по камере кости собирать придется.

«И чего она добилась? — подумала я. — Совершила в конкретной ситуации неправильные действия, дав выход эмоциям, и — получила».

Наконец, зовут к врачу. Захожу. Сидит у стола интересная старая еврейка, глаза умные, усталые. Подхожу к ней. А я с той пятницы, когда меня арестовали, не мылась, ну, и говорю, понятно, первое, что пришло в голову: «Вы меня извините, пожалуйста, мне неудобно, я не мылась пять дней...» Она даже карандаш уронила на стол, медленно поднялась, подошла, в глаза заглянула: «Женщина, откуда вы?! Зачем вы здесь?! Я двадцать лет работаю, и ни разу такого не слышала, хотя люди приходили в куда более страшном состоянии». Потом подумала, и говорит: «Давайте, милочка, попробуем так: вы через недельку скажете, что заболели, я вас посмотрю и положу в стационар. Передохнете немного и...» Я смеюсь: «Да что вы, доктор! Через неделю?! Да я через неделю уже отсюда выйду!» Она переубедить меня не стала, только с сомнением головой покачала.

Затем была «сборка». Это словечко я потом узнала. Вроде как полная инвентаризация человека в биометрическом смысле: медкарта, приметы, шрамы, отпечатки, фотографирование. И, наконец, баня... После нее уже намного легче стало. Конвойная с забавным курносым носом повела меня в камеру. Иду с матрасом и бельем подмышкой, оглядываю все. Шикарно внутри! Как в кино: старинные казематы, арки, все облезлое! В первозданном виде! Ремонта сто лет точно не было. Я начала всякие романтические вещи

припоминать: как сюда несчастных революционеров привозили, а теперь вот меня. Класс! Конвойная за мной наблюдает и подсмеивается: «Господи, это что за ненормальную к ним привезли? Такой восторг на физиономии! Умора, а не девка!» Сунула мне три пачки сигарет: «Отдашь в два раза больше. Здесь это валюта, без них — никак нельзя». Короче, мы по дороге до камеры уже с ней сдружились. Она меня инструктировать начала, как разведчика перед заброшкой в тыл врага: «Смотри, войдешь — ни с кем не ругайся! Там такие бабы — в страшном сне не приснятся!» Во мне сразу бойцовские чувства проснулись: «Да я и не боюсь никого! Если что...» Она головой качает: «Ой, девка, женские камеры — ни с чем несравнимые вещи! Уроют — не заметишь! А мы не вмешиваемся — драки, скандалы, да что угодно... мы в стороне. Ты вроде девка умная, мозги включи и пока не выйдешь отсюда — забудь о выключателе». Классная тетка! Вот всегда мне везло на хороших людей...

Дверь камеры, обшитая железным листом, открылась беззвучно, и оттого — страшно. Захожу. Нары в три ряда. Внутри человек сорок. Восемьдесят женских глаз — черных, карих, зеленых, голубых — сверлят тебя взглядом. Сразу видно, кто есть кто. Стою спокойно. Матрас под мышкой. Хочется сделать шаг вперед, но пока этого себе не разрешаю. «Терпение, девочка, терпение...»

Одна из женщин, полулежа на нижней койке справа, откашлявшись и затушив сигарету о стенку, хрипло призывает: «Подь-ка сюда». Быстро соображаю: «Подойти — подчиниться. Значит, сдать. Не подойти — настроить против себя». Говорю, невольно подражая ее хрипотце: «А чё?» С места не двигаюсь. Женщина садится: «Подь сюда. Поговорим». Делаю небольшой шаг вперед и останавливаюсь. Пока хватит. Опыт был. В Усть-Илиме ночью попала в окружение собачьей стаи. Показать, что страшно — нельзя. Дразнить бесшабашной храбростью — опасно для

жизни... Женщина движением головы указывает на вторую полку напротив себя: «Ляжешь здесь». Иду к койке, бросаю матрас. Стелю белье. Окружают. «Ты по какой статье? Убила кого-то?» — «Нет. Не убила». — «Тогда, может, съела?» Смеюсь. — «Не съела». — «Чего ржешь? Вон у нас одна, — кивают в угол, — людоедка сидит». Вопросов не задаю. Начинают говорить сами. У всех одна и та же идефикс — они здесь не задержатся. Как и я.. Все курят. Дышать нечем. Жарко. Туалет на виду. Около него лежат те, кто «прислуживает». Чем они дышат — вообще непонятно. Наступает ночь. Глаза режет от света — здесь его не гасят. Но сон все равно накатывает. Спать нельзя. Жду подвоха. Слишком уж тихо. Как перед бурей. Ждала-ждала и все-таки провалилась в сон. Проснулась от страшной боли. Горели ступни ног. Между пальцами проложили вату и подожгли. Это у них «велосипед» называется. Говорю себе: «Никакого мата, девочка. Терпение. Все очень спокойно и медленно». Поднимаюсь, лениво отбрасываю вату: «Ладно вам, девочки, дайте поспать!» Не узнаю свой голос с интонациями батюшки на проповеди. Руки в саже. Подхожу к умывальнику. Одна из женщин дает кусочек мыла. В глазах — веселый интерес. Протягиваю руку. Мыло «выскальзывает» из ее руки и падает на пол. Смотрю вниз. Понимаю, что наклоняться нельзя.

«Бери!» — хмыкает «доброхотка». «Не я уронила — не мне и поднимать!» — За спиной слышу одобрительное: «О-о-о!» Мою руки без мыла. Закуриваем. Обожженные пальцы болят нестерпимо. Подбадриваю себя: «Ничего, девочка... ты скоро отсюда выйдешь... терпение...»

Народ в камере подобрался разношерстный: карманницы, аферистки, мошенницы, убийцы. И национальности — со всей страны. Помню одну грузинку: сидела за убийство, вся из себя с золотыми зубами, ей передачи одну за другой носили, ни с кем не разговаривала и не делилась. Разве что

колбаской иногда. Она по ночам очень любила палку салами доставать из ящичка и «играться» с ней под одеялом... При свете-то все понятно, хоть она и думала, что мы спим. А утром небрежно: «Девочки, хотите колбаски?» Мы все в один голос: «Не-е-е!!! Сама... кушай!» — и хохочем.

Девки со статьями попроще — не сравнить с этой важной куркулихой — были нормальные. Интересные типажи попадались. Одну женщину муж десять лет бил. Родила ребенка — стал бить и ребенка. Однажды малыша об стенку собирался ударить, она бросилась на благоверного с ножом и убила. Ребенка спасла, а самой пятнадцать лет дали. Другая — переходила дорогу в неполюженном месте, ее мент схватил, орет: «Плати штраф, б..., куда прешься!» Ну она с него шапку сорвала, в снег бросила и обозвала «говном» — пять лет колонии. Познакомилась я там с одной милой, скромной женщиной. Она тоже Брэдбери любила, как я. Мы с ней как-то сидим, обсуждаем его «Марсианские хроники» и «Вино из одуванчиков». Вдруг ко мне старшая подходит: «Ты тут с ней не очень лясы точи, поаккуратнее — она внука съела!» Я чуть с табуретки не свалилась. Оказалось, пришла как-то эта милая женщина посидеть со своим восьмимесячным внуком, стала тискать, целовать, и от избытка чувств помутнение на нее нашло. Очнулась только, когда объела его ручку. Ей потом 25 лет дали. Ужас! Вот вам и «Марсианские хроники»...

Кормили нас в основном кашей, супом и какой-то грустной рыбой, будто извлеченной изо льдов вечной мерзлоты. Но я зато так классно похудела, о-о! Вообще, в тюрьме худеть — самое оно! Без всякой диеты. И за людьми наблюдать — просто кайф! В обыденной жизни на свободе человек ежеминутно принимает самостоятельные решения, и он свободен в своем выборе, даже когда речь идет о выборе между большим и меньшим злом. В тюрьме все решают за тебя. Поэтому появляется много времени для размышлений.

Понимаешь, что пребывание в исправительном учреждении — это не только насилие в смысле лишения свободы, но и страх перед еще большим насилием. Противное состояние. Отбывая срок, большинство ждет не перемен к лучшему, а опасается перемен к худшему. Легче по-другому. К примеру, не страдать и не терзать себя: «Ах, куда меня пошлют?» Нет, приятнее думать: «Даже интересно, куда меня повезут и какая там будет жизнь?» Потому как все происходящее с тобой — это тоже жизнь. Жить можно везде. Главное — оставаться человеком и держать спину. Это — просекается сразу. Стоит спину согнуть — сразу сядут сверху и начнут погонять. Я по наитию с первого дня одной татарочке свой сахар и второе предложила, чтобы она за меня дежурила: камеру мыла и парашу. Оказалось, это признак «другого» положения, и я, таким образом, попала в «средний класс».

Так вот, сижу я в ожидании скорого освобождения — неделю, две, месяц... Время течет однообразно до тошноты. Думаю, баб жалко, надо что-то придумать, чтобы монотонность разрушить. Начала вечерами им всякие истории рассказывать. В основном любили слушать что-то необычное: славянские предания о племени Черного Змея, змеевидных богах, о моих любимых змеелюдах из рептилоидной цивилизации, но особенно — о любви. Потом — стала придумывать всякие приколы. Однажды на прогулке шепчу девушке впереди себя — гуляли мы раз в день по крыше, огороженной сеткой, по кругу: «Сейчас пойдем обратно, надо подкраситься и привести себя в порядок, потому что придет фотограф фотографировать нашу образцово-показательную камеру». Знала, что вмиг информация по кругу разлетится. И точно. Возвращаемся. Все дружно достают огрызки помады, карандашей, нитками лишние волоски из бровей выдергивают! Короче, прихорашиваются, а я сижу и радуюсь, как вдруг все преобразились. Койки аккуратно заправили. Сидят. Ждут. Меня к тому времени девчонки полюбили,

поэтому мне многое прощалось, но тут, глядя на это всеобщее ожидание, чего-то я занервничала, что натворила! Сидим полчаса. Красивые. Час... В конце концов кто-то не выдержал и начал в дверь стучать. Заглядывает вертухай: «Чего вам?» Девчонки интересуются: «Где ж фотограф-то? Что так долго?» А тот ладонью по голове постучал: «Чего, совсем, идиотки, сбрендили? Какой такой еще вам фотограф? Ну вы дае-ете!» И тут все сорок человек медленно поворачиваются в мою сторону. Молча. Я сижу на табуретке и ногами болтаю. А они все начинают ко мне приближаться как-то на полусогнутых ногах и с вытянутыми вперед руками — как зомби в фильмах ужаса. Ну, думаю, сейчас на части разорвут! И как засмеюсь: «Да ла-адно вам, девчонки! Вас как иначе заставишь себя в порядок привести? А так — вот, смотрите, какие вы все красивые! Теперь давайте, что ли, концерт устроим, потанцуем...» В общем, день удался. И повеселились всласть, и опять-таки меня не прибили!

Я не знала тогда, что в это время Маринка прилетела в Москву, где у нее на Тверской жил брат, который входил в золотую десятку московских адвокатов. Она с ним связалась, про мою ситуацию все рассказала, и он пообещал: «Помочь — раз плюнуть!» Занялся моим делом и вдруг столкнулся с необъяснимой ситуацией. Бьется-бьется, да только не выпускают меня под залог, и все тут! Никто не понимает, почему, дело-то пустяковое.

Янка тогда же познакомила Марину с Ланой: «Хорошая девчонка, тоже помочь старается, хотя раньше сильно завидовала, ну, так сейчас все это не так важно!» И Маринка отправилась с Ланкой в ресторан, чтобы обсудить мои дела. Та обещала всяческую помощь — у нее якобы судья знакомый, она с ним договорится и все будет под контролем. Короче, сидят, отмечают мое уже почти состоявшееся освобождение. И тут Ланка рукой задевает свою сумку, висящую на спинке стула, та падает и раскрывается. Марина

наклоняется, чтобы помочь поднять и собрать все, что выпало, и видит там красную корочку соответствующих органов... Сделав вид, что ничего не заметила, тут же, вернувшись в свою гостиницу, сообщила об увиденном брату, тот начал выяснять про Ланку, и... В результате внезапно заболел, тяжело-тяжело, даже к телефону, беденький, не мог подходить. А мне Марина про увиденное сообщить, конечно, никак не могла.

Наконец, судебное заседание. Мне дали молодого стажера в адвокаты. Это было его первое дело. Волновался бедолага, аж руки тряслись. Очень его жалко было. Я уговаривала: «Да ладно, не переживай, все будет у тебя хорошо». А сама смотрела на свою ситуацию и понимала, что картина, прямо скажем, грустная. Нерусская, по лимиту устроилась в Москве, получила московскую прописку, а сама оказалась сволочью неблагодарной: распространяла порнографию и хитро обирала простодушных людей.

В зале сразу увидела Марину в красном пальто и с красным от слез носом. Про кассету я на суде честно рассказала, что ее мне принесли, потому как еще в Ереване из Танькиного письма узнала, что Жанка Либерзон уехала в Израиль, и ее теперь фиг кто найдет с новым мужем и новой фамилией. Так что порнографию из обвинения убрали. Осталась ситуация с деньгами, но Ланку-то я выдать не могла — друг как-никак! Тем более, сидела она в первом ряду, на меня умоляюще смотрела, глазом многозначительно на судью косила и мне подмигивала — мол, все договорено и схвачено! Да и недоказуемо это — я ж без расписок деньги ей передала! Пришли на суд и трое моих приятелей, которым я рассказала тогда о Ланкиной ситуации, сказав, что сама даю ей денег, чтоб выручить, и буду искать, где занять, они и предложили: «Возьми у нас, целее будут!» Сами предложили! А теперь вижу: сидят, глаза прячут.

Только потом я узнала — Ланка заплатила Либерзон, чтобы та спрятала у меня кассету с порнушкой, да и на эту «святую троицу» наехала: «Вы что, тупые? Я не просила ее занять никаких денег, это — подлое вранье и хамский аферизм в действии! И если это безобразия не пресечь, у вас могут быть большие проблемы. Делайте, что скажу!» И для пушей убедительности помахала корочкой. Несчастные ребята, что можно сказать? Это, конечно, страшно — переступить через совесть. Но они всего лишь — люди...

Во время оглашения приговора я была гордая, как декабрист перед казнью. Ланкина судья отработала по полной... Четыре года колонии... Четыре года! И вот тут началась такая мелодрама! Марина зарыдала, стала рваться ко мне, конвойный ее отталкивал, она бросалась на него, потом снова — ко мне... Троица моя стояла ошарашенная, видимо, считая, что все происходящее — спектакль, после которого и актеры, и зрители спокойно разойдутся по домам. Все и разошлись. Кроме меня. А Ланка еще до оглашения приговора испарилась из зала, будто ее и не было...

Запахнули меня обратно в Бутырку ждать этапа в колонию. Три месяца ждала. Рассказы о женских колониях не вселяли оптимизма, но у меня его, по-прежнему, было навалом, поэтому грусти и хандре попросту негде было уместиться. Самое страшное место, как я тогда поняла — женская колония в Потье, в Мордовии, там бабы просто с ножами ходят, а мужики конвойными работать не идут — боятся. Ну так у меня выбора не было. Куда пошлют — туда пошлют. Зачем, когда от тебя не зависит ничего, изматывать себя, вешаться на веревке, сплетенной из собственных нервов и разбрасывать во все стороны нервные клетки?

Наконец, перевезли меня в пересыльную тюрьму — Матросскую Тишину. Там все сидели и ждали, каждый свой этап. Чтоб не скучно было, я девчонкам начала их сны разгадывать, а чего еще делать-то? Сны всем снятся,

а женщины — они и в Африке женщины, вот я их и развлекала. Кстати, мне самой незадолго до ареста, в Ереване, сон приснился: дорога, три женщины в телогрейках, а на траве лежит икона Казанской Божьей матери. Та самая, которая тогда была в книге, когда мы клад искали. Я сразу поняла — сон не к добру. Но душ холодный тогда приняла и — вперед. Дальше жить. А в тюрьме, пока этап ждала, 20 октября загадала: пусть мне опять Казанская приснится, она же завтра именинница. Приснилась! Я ее и спрашиваю: «Что со мной будет?» Она отвечает, ласково так: «Ты будешь свободна 21 октября». Я во сне обрадовалась — завтра?! Оказалось, что правда, 21 октября, но... об этом чуть позже. Я вечно вперед забегаю, характер у меня такой нетерпеливый. Вот мне терпение в неволе и прививали.

Наконец, настал торжественный момент: выдали полутухлую рыбу, буханку хлеба и четыре кусочка сахара. Момент торжественный не из-за тухлой рыбы, понятно, а из-за того, что движуха какая-то началась. Привезли нас к поезду. Они — с собаками. Мы — с буханками. В поезде ехали недолго. Но впечатлений — море! Вагон с решетками, а за ними — жизнь кипит! Ну, вроде как кипит, только лениво: мужик неспешно по рельсам стучит кувалдой; сонная баба, позевывая, корову гонит; взвод солдатиков идет — недружно, не в ногу, как будто командира в столовой забыли; старик седой-седой у шлагбаума на переезде сидит, нас увидел, поднялся и молча проводил взглядом вагон, вглядываясь в наши лица, словно искал самого себя, забытого собою в прошлом...

Через пару часов поезд остановился. Со мною еще восемь человек вышли, остальные — дальше поехали. Страна-то большая. Лагерей много...

Посадили в грузовик. Едем, по сторонам смотрим, вольным воздухом не надышимся. Конвойные — молодые, собаки — тоже. Да и мы — не старые. Еще бы немного — и подружились бы. С собаками — так точно! Подъезжаем.

«Можайская женская колония. Неофициально — имени Терешковой», — сообщил конвойный. Я засмеялась. Космос — всегда со мной. Спрыгнули. Подошли к воротам. И — шок. Ворота из человеческих голов. Огромные живые ворота, которые смотрят на тебя сотнями глаз, разевают рты, издают какие-то нечленораздельные подвывающие звуки, и тебе надо сделать шаг к этим воротам, понимая, что они сейчас поглотят тебя и твою прошлую жизнь, твои надежды, любовь, счастье, станут твоим настоящим и будущим. Я в тот момент ощутила себя ребенком, тем самым — с мамиными бантиками, которого вдруг взяли за руки и за ноги, раскачали и вбросили в другую, взрослую жизнь, законы которой неизвестны и враждебны, и я должна поправить свои идиотские бантики, не показать никому, что мне больно и страшно и... сделать шаг вперед. И я его сделала... Только бантики расправлять не стала — выбросила у входа...

* * *

*Прозрачный поток жесток и бесплотен.
Его не остановишь. В нем нет отражения
неба, он не скрывает дна, камней и омутов.
Он не дает иллюзии и воображения. Он —
само воображение и иллюзия. Но это так
здорово! Ты понимаешь, что такое чистота,
ты понимаешь, что можно, не поранившись,
перейти на другую сторону. Спасибо тебе,
мой поток...*

* * *

Нас, новеньких, окружила спрыгнувшая с ворот под окрик конвойных толпа заключенных. Взгляды были разные — от любопытствующих до многозначительно изучающих. После

бани привели в комнату на сорок пять человек, очень чистую. Идеально чистую. Колония-то образцовая. На территории — плакаты советские: «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи!», ну, понятно, актуальные: «Все для блага человека, все во имя человека!» или «Нет нейтронной бомбе!». Все как у людей.

Первая женщина, с которой я познакомилась, была Авьета Аресян, экстрасенс и травница. Очень хорошим специалистом была, многих на ноги поставила. За что и получила десять лет колонии. Диплома-то у нее не было, значит, не имела права лечить. Ее в колонии очень ценили — она там тоже всем помогала — мы ж диплома не спрашивали! Авьету из уважения устроили работать уборщицей, опекали и берегли как зеницу ока. Она быстро просветила: на две тысячи девчонок активов, настоящих, человек десять, живут как короли. Им готовят, на них стирают, им продукты отдают, с них пылинки сдувают, администрация в это не вмешивается — себе дороже. Сказала, и смотрит на меня выжидающе. Просекла, видно. Я глазом не повела, потому как и не собиралась раскрываться, отметку в личном деле сделают — потом фиг на работу устроишься.

На следующий день у меня появилась возможность проявить свою активную жизненную позицию. Подъем в шесть, десять минут на одевание и идеальную уборку кровати, без единой складочки, десять минут — на всех десять, не на каждую! — на умывание и на построение. Не успела — замечание. Три замечания — резиновая камера. Что это такое? Маленькая комната без окон и дверей, туда сажают абсолютно голую заключенную. Резиновый запах изначально пронзает мозг, а затем ты начинаешь задыхаться, потому что дышать этой резиной невыносимо. Кислорода нет — резина. Ты вся превращаешься в резину, каждый твой орган каменеет и перестает существовать. Вот такой воспитательный процесс. Складка на кровати — замечание... не успела

одеться и умыться — замечание... опоздала на построение — замечание. Вот вам и троица. И не думаю, что Бог ее любил...

Еще была камера — там морили водой. За драки, убийства. Крутая камера. Сидишь — и вода капает, а сколько она капать будет, ты не знаешь, просто тупо наблюдаешь, как медленно поднимается вода — до шиколоток, до колен, до пояса... и неизвестно, когда это прекратится и прекратится ли вообще. Одной бабе воду отключили, только когда уже до подбородка дошла. Она потом умываться не могла несколько месяцев. Но меня чаша сия миновала.

Мафия внутри была — будь здоров! В воздухе пахло боями. В камеру не засадят — так свои ночью мусорными баками по почкам пройдутся, чтоб следов не осталось. А уж конвойные татарки били — Убой Петрович! Бабы, конечно, жестокие существа, в раж войдут — не остановятся. Если же у них личная жизнь не сложилась, а на конвойных посмотреть, с такими рожами — какая там к черту личная жизнь, то отыгрывались по полной программе. Будто это заключенные в каждом своем конкретном проявлении виноваты в их бабьей невостребованности. Но зато в колонии была замечательная медсанчасть: домики отдельные, где все чистенько, ухожено, просто чудесно! И был дом отдельный для детей — беременные женщины приезжали, рожали, и дети там росли. Но главное — это фабрика, где мы шили постельное белье. Работали с половины восьмого до пяти. Непрерывный поток, по операциям. Остановишься хоть на мгновение — получаешь от вертухайки по спине. В день нужно было сшить 180 пододеяльников. Нужно было — и шили.

В свободное время я мчалась в библиотеку. Познакомилась с библиотекаршей, облазила все фонды и чуть не плакала от счастья: «Откуда?!» Она улыбалась: «Люди передают, потом школу одну большую закрыли — эти книги тоже

к нам перешли, так и набрали». Я такой библиотеки тогда еще не видела!

Вот что очень противно было — так это построения. Снег ли, дождь ли, стояли в утренней мгле темной массой, в темных телогрейках, с темными лицами от сна... две тысячи человек... и пока не назовут и не отметят каждого — так и стой. Снег еще ладно, а вот дождь... Телогрейки пропитывались водой и сохли неделями. Да еще тяжелыми становились, заразы, а если морозец нагрянет, уф!

После построения шли в столовую — бригадами. Кормили в основном кашами, ну, в целом, — нормально, я там вообще идеальную фигуру приобрела!

Маринка тем временем начала писать конспиративные письма: «Здравствуй, дорогая сестра! Мы очень тебя любим и скучаем. А твой любимый человек просил тебе передать, что...» И дальше — непереводаемая игра слов. Любовь стекла с листов бумаги и сочилась между пальцами. Мне все завидовали: «Ну и сестра у тебя — в день по письму!» Горы писем!

Шила я, шила, потом в один прекрасный день думаю: «Чего я время теряю и не расту над собой?» Я вообще очень люблю расти над собой. Стремление у меня такое всю жизнь, может, потому, что у меня рост сто шестьдесят пять сантиметров. Сейчас, правда, я слегка осела, ну, на сантиметр может быть. Или два. Это не принципиально. Короче, решила я расти и стала в свободное время учиться чинить швейные машинки. И получила первый разряд механика по швейным машинкам. А чего сидеть в этой классной комнате зря, болтать, в шашки играть, для меня эти шашки — что комара прихлопнуть!

Потом бабы там были некоторые весьма неприятные — королевишны просто, все как на подбор — хозяйственники. Улыбнется — сплошь зубы золотые. И передачи у них особые были и жизнь особая. И морды лица. Вообще

иерархия — как в кино! Там, конечно, были страшные ситуации, это я так весело рассказываю, потому что все старалась для себя красиво выстроить.

Потом мне всегда всех жалко было — каждого человека есть за что пожалеть. Любить — не обязательно, а пожалеть — это другое. Жалеть может более сильный человек. А я была сильной. Потому что обладала способностью жалеть. Вот такой замкнутый круг...

И вот однажды я заметила, что на меня изучающе смотрит Ритка — начальник отряда. Интересная женщина, с такой высоты в колонию свалилась — во сне не приснится. Ее шеф — известный среди всей молодежи нашей необъятной родины (вот было же время, а?! я про необъятность...) сделал ее крайней на полтора миллиона рублей. И села она на 25 лет. Сидеть-то она сидела, но с привилегиями. Вот — шикарное название для триллера: «Сидеть с привилегиями». Ее боялись все, она докладывала начальнику колонии обо всем, что происходило, и если бы Рита сказала — убить могли. Смотрит на меня эта Ритка задумчиво... Я на нее тоже посмотрела. Мимоходом. Мне задумчиво нельзя — сразу себя выдам. Подходит и говорит: «Ты такая вся из себя умная... начитанная... может, придумаешь что-то для масс толковое? Чтобы не только тебе быть умной, но и как-то общий интеллектуальный уровень повысить?» Я возмутилась: «Да здесь девчонки-то разные сидят, есть — ума палата, не мне чета! По три образования!» А Рита пояснила — мол, есть во мне какая-то скрытая сила, тайну которой она пока не разгадала.

Я перепугалась, что разгадает, и согласилась подумать. Легла спать. Вдруг кто-то ко мне полез, накинули одеяло, начали лупить — профилактика такая. В это время другие вскочили на мою защиту, накинули одеяло на тех, кто лупит меня... А я под всей этой кучей лежу и думаю, что бы такое для масс интеллектуальное придумать? И вспомнила нашу

Таньку из Усть-Илима! Конечно! Нам нужна агитбригада! Вылезаю из-под этой горы и говорю радостно: «Девчонки, давайте агитбригаду создадим!» Они все посыпались на пол, как яблоки с яблони, и вылупились на меня, будто перед ними Брежнев материализовался.

Создали бригаду. А я очень джаз любила и разбиралась в нем. Рита пластинки притащила, и я начала устраивать вечера джаза. Об исполнителях рассказывала, о музыке... Потом были поэтические вечера, стихов я море знала! Правда, иногда это выходило боком — получит кто-то письмо нерадостное, и просит посреди ночи: «Почитай Ахматову!» А рядом — трехэтажный мат: «Идите вы со своей Ахматовой...»

Безумно интересная жизнь, я вам доложу!

Потом — соревнования: по нардам, понятное дело, шахматам, волейболу, баскетболу, я, кстати, первое место по шахматам в колонии заняла! А ведь, вот что обидно, никому и не скажешь! Придут, к примеру, сейчас гости, солидные люди — ко мне солидные часто ходят — увидят шахматную доску, спросят: «Ах, а вы что, умеете играть в шахматы?» А ты им: «Ага! Я в женской колонии первое место в свое время заняла!» Нет, ну, можно попробовать, конечно, приколоться...

Работали мы, соревновались, просвещались по мере сил, жизнь как-то наладилась, Маринка письмами заваливала, я вкальвала, дочке своей деньги посылала, потом — погашала долг по решению суда. И тут — незадача. Вечер... Иду из столовой. Впереди — девочка беременная. А им в качестве дополнительного питания полагались яйца, несет она аккуратненько эти яйца несчастные, к животу прижимает, и тут на нее нападают две бабы, а там много шушеры было, карманников всяких. Толкают, отнимают, убегают. Ну кем надо быть, чтобы промолчать? Я догнала. Врезала. Лбами так стукнула, что обе суки враз

на землю упали. Сволочи, у них же деньги были — можно в магазине купить и яйца, и пряники, и сигареты... На меня вертухайки напали, оторвались по полной! Лупили дубинками, ботинками, по лицу, спине, по голове... Спротивляться бесполезно... И из полуобморока меня выдернули строки Вознесенского. Бог мой, я же никогда не знала наизусть его стихотворения «Бьют женщину», а тут начала пытаться в такт ударам выдавать:

И волочили, и лупили
Лицом по лугу и крапиве...
Подонки, как он бил подробно,
Стиляга, Чайльд Гарольд, битюг!
Вонзался в дышащие ребра
Ботинок узкий, как утюг.

И — они остановились! Не думаю, что их привел в восторг стиль Вознесенского, скорее всего заклинило на словосочетании «Чайльд Гарольд». Встала, пытаюсь определиться, где небо, где земля. И тут на плацу появилась Рита. Она бежала ко мне с развевающимся шарфиком на шее, странном, нелепом в этом зазеркальном мире, и кричала вертухайкам: «Убью! Убью!!!»

Помню себя в кабинете майора — кстати, замечательной теткой! Она расхаживала из угла в угол и ругалась: «Ну, ладно они, но вы-то! Чего вы полезли в драку?!» — «Они отняли яйца у беременной!» — с трудом проговорила я разбитыми губами. Майорша села на стул рядом: «Кто вас сюда упек? Вы понимаете, что ваш настоящий срок на самом деле — условный. Понимаете? Вот Рите за полтора миллиона дали двадцать пять лет. Вы за шестьсот пятьдесят рублей сидите год, четыре — за ваши две с половиной тысячи. Вы понимаете, что это бред?! Если следовать этой логике, она должна за свои полтора миллиона сидеть две

тысячи четыреста лет!! Думайте, кому вы дорогу перешли! Думайте!»

И тут раздается телефонный звонок. Майорша слушает, кладет трубку, и вижу — у нее щека дергается. Поворачивается к Рите: «Зойка вены перерезала. Там — все»...

Не хотела я вдаваться в эту тему, но придется. Колония — замкнутое пространство, в котором живут женщины... Представьте себе большую комнату, наполненную женщинами... А дом? А город? Город, переполненный тоской по любви. Воспоминаниями о любви. Надеждами на любовь. И — обидами на то, что она обошла стороной. Ненавистью к тем, кто с ней встретился и жалостью к себе — обделенной. Какой бы ни была женщина, смысл ее жизни — Любовь. All you need is love... В песнях «Битлов» все ищут тайну: в музыке, влияющей на подкорку, в исполнении, в стихах... А она — на поверхности, как пенка в моем любимом капучино. Любовь — вот смысл всего на земле. И мы ищем ее. Везде. В повседневной жизни, в экстремальных условиях, на войне, в небе, и — в неволе. У нас в колонии были любовные пары, о которых все знали. Им завидовали, а они не скрывали своих чувств. И вот одна из этих женщин освободилась. Я помню тот день — как не могли оторвать ее от любимой, как она кричала, не желая выходить из этого мира, потому что в том, ином, не было ее. И, выйдя на волю, она сразу же совершила преступление — ларек ограбила какой-то ночью и тут же сдалась с просьбой: «Отправьте меня к ней...». Ее отправили в другое место... Там она и повесилась. И в тот момент майорше по телефону сообщили — оставшаяся в колонии девочка перерезала себе вены, узнав по тюремной почте о случившемся. All you need is love... Нельзя издеваться над ними. Нельзя смеяться. Они — иные. Но это не значит, что вы — лучше. А вы-то точно знаете, что такое любовь?..

Сажу я, размышляю, тут майорша, глотнув воды, и говорит: «Днем сестра к тебе приехала. Не знаю, что и делать. Ты теперь провинившаяся, нельзя тебе свидание давать. Ладно, выйди, в коридоре подожди. Мы с Ритой поговорим».

Полчаса я ждала, на полу сидела. Шикарно отдохнула! Потом Ритка вышла радостная: «Отбила я тебя! Пошли, к сестре отведу. Тебе как раз в себя будет время прийти».

Я по дороге умылась, причесалась, залетаю в комнату для свиданий. А там — Маринка, опухшая от слез, в смешной шапке набекрень. Косится на Ритку и начинает причитывать, обливаясь огромными слезами: «А-а... сестра-а... во что ты превратила-ась... Я тебе еды принесла-а... ты сумасшедшая-я... чего ты улыбаешься-я... что ты смеешься-я...». У нее вид такой — без смеха смотреть невозможно. И тут Ритка важным голосом заявляет: «Начальство дает вам два дня». И выходит, подозрительно косясь на рыдающую «сестру». Два дня! Два дня не работать, сидеть в комнате вдвоем, есть, спать, разговаривать!

Маринка вывалила на стол штук сто котлет, мясо, помидоры. Я смеюсь, что не съем столько никогда, даже если лимонадом запивать. Пока я ела потихоньку, мы болтали.

Маринку очень волновало, чтобы никто про меня не догадался. Я ее успокоила, что мне здесь не до этого, работы море, потом мы концерты даем, агитбригада, джаз, лекции, люди интересные, а уж библиотека! Говорю, а сама чувствую, что засыпаю. Легла — и почти сутки проспала. Маринка меня одеялом прикрыла, время от времени давала перекусить, и все по голове гладила, причитая: «Бедненькая ты моя, бедненькая...» Смешная! Не понимала, что все, что произошло со мной — богатейший жизненный опыт, который не купишь и который с небес не свалится. Потом уже, когда я отоспалась, Маринка мне все рассказала про Ланку.

Оказалось, мало того, что она завидовала мне и пыталась моих женщин переманить, так еще украла все записи — мои эссе, рассказы, стихи. Часть опубликовала под своим именем, а часть отдала в Литературный институт, в писатели решила податься...

Два дня прошли, как миг. Вернулась к себе, а через несколько дней Рита меня к себе приглашает и вкрадчиво так говорит: «Надо побеседовать». Прихожу. Прислоняюсь к косяку двери, руки на груди сложила, слушать приготовилась. Ничего хорошего не ожидаю, но любопытно. Рита помолчала и выдала: «Мне очень подозрительно, что твоя сестра — та, в смешной папаше, рыдающая, пишет тебе каждый день! Мы же здесь все читаем...»

Я поясняю: «Вот такие у нас сильные родственные чувства». Рита приближается... приближается... смотрит на меня пристально: «Хочу предупредить. Тут некоторые уже косятся, выражают сомнения относительно тебя...»

И вдруг на глазах превращается в совершенно другого человека, словно несколько слоев штукатурки враз осыпались со стен здания, внезапно обнажив первозданную, изысканную в своей простоте красоту: «Знаешь, я больше не могу, я должна сказать, даже если ты не... В общем, я тебя люблю! У меня муж был, — быстро заговорила она, — умер, я и не представляла, что смогу кого-то полюбить, тем более... женщину... и...» Я чуть на пол не рухнула. Только этого мне не хватало! Ничего не оставалось, как сказать, что она очень хороший человек, но я ее не люблю, и потом у меня есть женщина, и Рита ее видела. Она попыталась улыбнуться: «Не дура, еще по письмам поняла, что к чему... а ты можешь меня хотя бы поцеловать?» Я кивнула, мол, поцеловать могу, но не больше. На том и разошлись.

Прошло время. В августе Рита сообщает: «Грядет амнистия. Меня просят написать на тебя характеристику. Но я не хочу тебя отсюда выпускать, и писать хорошее не хочу.

А плохое — не могу. У меня просто ломка какая-то! Ты хочешь отсюда выйти?» Я хмыкнула: «Кто ж не хочет. Но если трудно — не пиши, здесь меня ценят, я чемпион и стихоплет, я не пропаду. Решай сама». Повернулась и ушла.

Через пару недель вызывают меня к начальнику колонии, там за столом сидят трое полковников из Москвы, с животиками, розовошекие. Смотрят мое дело, листают. Я стою. Один из них поднимает голову: «Ты как сюда попала, как кур в ощиц? Тут интрига какая-то, тебя же подставили! С такими характеристиками, как нам на тебя дали — хоть в рай! Что за дела такие — две с половиной тысячи? Бред просто какой-то! Выйдешь — разберись». Не понимаю — отпускают, не отпускают...

20 октября вызывает Ритка: «Ты завтра выходишь на свободу... ну, не забывай...»

А завтра — 21 октября! Я сразу же свой сон вспомнила! Возвращаюсь к себе. У нас — все рыдают. Уже всё знают. Плачут, что я выхожу. Плачут, что они не выходят. И просто — плачут... Устроили прощальный вечер. Танцы, рев, смех сквозь слезы. О-о, там было потрясающе! Только об одной колонии можно книгу написать.

Библиотекарша зовет: «Бери, я тебе немного книг приготовила в подарок». Мастер подзывает: «Вот, возьми, тебе может пригодиться — диплом механика по швейным машинам». Девчонки дарят на память незатейливые подарочки — многие берегу до сих пор.

Утро. Выдали родные брюки и сиреневую сорочку, а я ж теперь стройная, все сваливается, как с вешалки. С телогрейки фамилию содрали и — вперед! Девчонки повисли на мне, ревут, шагнуть не дают.

Так и идем к воротам. Подходим. Раздается негромкий скрип. Меня оставляют одну. Надо сделать шаг и почему-то именно в этот момент перестают слушаться ноги. Я выхожу... вдыхаю воздух полной грудью, поворачиваюсь.

Ворота закрылись. Безмолвные и бездушные. К железным прутьям прижаты лица — бледные, усталые и прекрасные в своей тоске и надежде. Мгновение — хочется броситься к ним, что-то сказать, что не успела, что-то отдать им, чего не смогла... но пересиливаю себя и, взмахнув рукой на прощание, иду в настоящее, которое в то мгновение тесно, как никогда, сплелось с прошлым и будущим.

Доехала на поезде до Москвы, пришла в кассу — билетов до Еревана нет. Очередь. Я, клевая такая, в телогреечке, подхожу к окошку, справку сую: «Здравствуйте! Я только что освободилась из колонии, очень надо домой, в Ереван». Толпа — врассыпную. Кассирша запричитала: «Ой, сейчас-сейчас...» — и дала билет. Прилетаю. А в этот исторический день Араму сон приснился, что я приехала. Он к Маринке прибежал, рассказывает, та руками машет: «Что за шутки такие!» Про амнистию-то никто и не знает ничего. И тут звонок в дверь. Открывают — и я на пороге. Они ка-ак закричат! Ой, что было — неопишимо! Смех, слезы... Непостижимым образом все друзья тут же примчались.

А мне потом, удивительно, два-три месяца хотелось обратно. Как ни крути, в колонии была система, как в армии. Завтрак — обед — работа — отдых — занятия — сон. Здесь же, в Ереване, я видела море свободных людей, которые не знали, что с этой свободой делать. Я тем временем устроилась на стройку, вошла в свой жизненный ритм, и тут получаю письмо от Риты — очень просит приехать. Мне и до этого девчонки много писали, а сейчас думаю — пора!

Собрала гостинцы, книг закупила в библиотеку, полетела. Видела Риту — через окно по телефону разговаривали. Как она, бедная, рыдала! Потом я к ней приезжала лет через десять в Москву, ее выпустили после операции — одну почку удалили. Седая, больная женщина с молодыми глазами...

Майор потом попросила зайти: «Слушай, ты сейчас на стройке в Ереване, потом же собираешься обратно в Москву? Так иди к нам работать! Тебя здесь все вспоминают, любят, у тебя авторитет. Дадим квартиру в Можайске, зарплату хорошую». Теперь жалею, что отказалась — стольким бы людям помогла!

Тем временем дочь оставалась в Москве. Дело в том, что после моего ареста ее должна была забрать маман, но мы договорились с Вале́й, что этого не будет — калечить ребенка, увозить из Москвы к полоумной женщине... И я, учитывая создавшуюся ситуацию, написала разрешение на удочерение в пользу Вали. После этого девочку прописали в квартире, она пошла в московскую школу, словом, хоть за нее я была спокойна. Тем более что Валя не имела своих детей и не была замужем, так что всю свою любовь до последних дней она отдавала моему ребенку.

Вернувшись, я жила у Маринки. Она рассказала, что с помощью брата-адвоката смогла довести информацию о Ланкиных подвигах до начальства, и ее с треском уволили с работы, а я еще долго не могла поверить — до чего может дойти женщина, обуреваемая завистью и чувством соперничества!

А у Маринки в это время болел отец — страшный рак легкого. В больницу его не брали, родные даже подходить не могли, зрелище было не для слабонервных. Маринка пару раз попыталась за ним ухаживать, и не смогла, тошнило все время, она вообще брезгливая была. А я — ничего, ко всему отношусь так, как требуют обстоятельства. Надо — значит надо, кого волнуют твои эмоции, чувства и внутренний трепет? Ухаживала я за ним долго, обмывала его, уколы делала, судно выносила, разговаривала с ним, рубашки меняла. С работы сразу к нему бежала, даже спала в той же комнате, ему одному страшно было оставаться. Он ко мне, человек строгих нравов и старой закалки, относился,

понятно, с предубеждением, а потом за день до смерти вдруг приподнялся — взгляд прояснился, улыбнулся бледными губами и говорит: «О-о... я понял... я вижу теперь, кто ты... ты же больше, чем...»

Маринка после его смерти еще больше потолстела, после работы почти перестала выходить из дома, играла в карты, по выходным к нам приезжали ее дети, но с ними занималась в основном я, она с трудом отрывалась от карт, играла, гадала, телевизор смотрела. С Дюлькой и Арамом я уже виделась реже, очень много работала, надо было и долг гасить, и дочке деньги посылать, матери как-то помогать, и самой крутиться. Помню, поехала к Дюльке вскоре после событий в Карабахе. Кстати, все время вспоминаю одного известного шахматиста, который тогда пригнал самолет, забрал своих родственников и полупустой улетел в Москву. А сколько людей умоляли хоть детей вывезти, спасти их! Своя рубашка ближе к телу...

Тогда после десяти ночи нельзя было на улицу выходить — комендантский час. Я пришла к подруге поздно, Арам подошел, перекусили и решили вина купить. А как? Напротив дома — магазинчик, там — знакомый продавец. У нас весь Ереван, правда, был знакомый, но здесь были особые отношения! Сейчас, когда из конъюнктурных соображений решили бороться с алкоголизмом населения путем запрета продаж спиртного с десяти вечера, я вспоминаю те дни.

Смотришь из окна на магазин напротив, а там вино на прилавках. А посреди улицы — танки! Вот это — стресс! Ну и разве эти танки, что тогда, что сейчас, могут остановить мирных граждан? Никогда!

Вышли мы с Дюлькой на улицу, а снизу танки как-то больше впечатляют, в силу понижения этажности. Нашей этажности, не танков. И тут я Дюльке шепчу страстным шепотом, чтоб танкистов не спугнуть, что, мол, мы с ней две дуры, потому что забыли прихватить что-нибудь белое, как

в фильме про Пассионарию. Дюлька, недолго думая, быстро через платье расстегивает свой белый лифчик, выдергивает его и начинает размахивать над головой.

Танкисты все из танков повывезали, в полном восторге нас пропустили, еще кричали вслед: «Завтра приходите!» Осталась я ночевать у Дюльки, в субботу утром приезжаю к Марине, а она мне устраивает допрос с пристрастием: «Где была, с кем была, зачем была?» И такие сцены продолжались вплоть до Нового года, пока однажды Маринка не попросила сделать ремонт ее знакомой актрисе. Та жила с дочерью, студенткой филфака, и матерью — хирургом, ветераном войны. Едем с Маринкой на машине и... въезжаем в мой двор, где я родилась. Вот неожиданность! Актриса, показав, что надо сделать, тут же сообщила о своей финансовой несостоятельности, но я взялась за работу — люди хорошие, да и как-никак воспоминания детства! Да там и делов-то было — всего ничего! А тут — Новый год на носу, и актриса вдруг приглашает нас с Маринкой к себе на празднование. Поехали.

Никогда не забуду этот момент: звонок в дверь и на пороге Нанка, дочь актрисы, в зеленом платье. Смотрит на меня, я — на нее, и не могу ни вздохнуть, ни выдохнуть: дыхание перехватило. Сзади меня Маринка подпирает, заходи, мол, а я просто окаменела. Праздник получился веселым, потом Нанка неожиданно села играть на пианино, очень была утонченная и образованная девушка. Я просто таяла от эмоций, как медуза на песке от солнца.

Маринка занервничала, что-то почувствовала. Я вышла на кухню, встала у окна, закурила, размышляю — то ли бежать отсюда, сломя голову, и больше Нанку не видеть, тем более разница у нас приличная — мне тридцать пять, а ей — двадцать два, то ли...

И тут входит Нанка. Я лицо за дымом прячу, она подходит близко-близко: «Посмотри на меня, пожалуйста! Ты мне нравишься!» Нормальная, красивая, адекватная,

образованная девочка, и вот вам пожалуйста, говорит такое женщине в годах! И назначает мне встречу. Все! Все!! Все!!! Я влюбилась до потери сознания.

* * *

Случайно залетевшей птицей ты подарила мне ночь. Как первая снежинка на ладони — твоё дыхание.

От твоей немой тишины моя жестокая нежность бесконечна. В тебе есть все женщины мира. В тебе нет ни одной женщины мира. Я люблю тебя всем сердцем, всем прошлым и будущим, отсутствием памяти, лиц и имен, распутством и смехом, печалью и небесной синевой, своей многоликостью, иногда пугающей тебя, а иногда манящей. Я знаю каждое твоё движение, каждое желание. Потому что я знаю тебя. Когда ты спала на моей руке, неторопливо и улыбочиво пролетел тихий ангел, он шепнул мне слово. Я его не запомнила, но именно в эту секунду ты улыбнулась своей неподражаемой улыбкой. Наверное, это слово услышала ты...

* * *

Мы стали встречаться. После работы я летела к ее институту, как на крыльях. Нам хотелось все время быть вместе, мы оказались одноименно заряжены — общие интересы, темы для разговоров, взгляды, вкусы, пристрастия, симпатии и антипатии. Она была очень красивой, нежной, женственной, чистой и верной девочкой. Я совсем потеряла голову, и Маринка не могла этого не заметить. И вот наступил трагический

день. То есть он был для Марины трагический, а для меня — совсем наоборот. Подхожу к дому, а на балконе стоит она — разъяренная и предвкушающая страшную месть. Вслед за криком: «Явился, сволочь? Нагулялся? Получай, гад!» — с одиннадцатого этажа полетели все мои вещи.

Я их быстренько собрала — всегда у меня самое необходимое и ничего лишнего, не люблю к вещам привязываться. А Маринка продолжает орать, видит, что народ любопытствует и под балконом собирается, пытается понять, где спрятался тот гад и сволочь, за которого скромная девушка, то есть я, собирает с асфальта вещи. Маринка тем временем масло в огонь подливает: «Катись к своей бабе, потаскун проклятый, и домой не заявляйся, не пущу!» Две ухоженные дамы даже мне посочувствовали, мол, мужики такие паразиты — это я их слова на приличный язык перевожу — сами в кусты, а такая чудесная женщина, как я должна их проблемы своими хрупкими ручками разгрести. Дюлькина подруга, которая нас и познакомила, поселила меня у своей тетушки, в маленькой комнатушке с круглым окном, не на улицу, правда, а в ванную, но зато — в центре Еревана.

Все началось с этого окна. Устав от дневной беготни, я падала на раскладушку, и смотрела на этот темный круг на стене. Это был вход в другой мир. По ночам как на экране оживали картины прошлого, будущего, непознанного. Кто-то неведомый начал показывать мне историю человечества, другие миры, и меня саму — в разных ипостасях. Однажды я увидела в этом окне странные буквы — похожие на арабские. Они бежали, стекая вниз, одни за другими, и я до слез жалела, что не могла их понять. Потом появились два удлинённых глаза. Они долго и внимательно смотрели на меня, и наконец кто-то беззвучно произнес: «Ты должна заниматься эзотерикой. Не теряй времени. Ты готова». Наутро я спросила у хозяйки: «А что такое „эзотерика“»? Я даже этого слова не знала.

«Как?! — всплеснула руками продвинутая дама. — Это наука о тайных знаниях!» — и указала мне на книжный магазин напротив дома, где тут же мною было скуплено все, что было возможно. Я активно занялась медитациями. Из-за того, что все это можно было осуществлять исключительно на трезвую голову, прекратила походы к друзьям — не до этого было. Именно тогда я увидела ту планету, откуда, знаю точно, я пришла в этот мир, и куда, уже безвозвратно, вернусь. Я не искала и не ищу ей названия, понимая, что этого делать нельзя. Название — это адрес. Определенность. Там прекрасное небо, меняющееся цвета по настроению, теплые берега у большого зеленого моря. Непостижимый аромат неизвестных цветов. Дымчатые тени, мелькающие вдаль. Миражи городов. Там люди в простых одеждах поют еле слышные песни и шелест мысли лучше всякой музыки. Люди, у которых нет имен и возраста. Там нет зеркал и ненужных предметов. Бесшумно летают легкие машины-стрекозы, между высокими домами-сферами. Там нет эха, и каждое слово и крик уходят безвозвратно. Среди желтого песка цвета меда, у воды, мелькают лазурные камни, причудливые и неопишуемые. Когда наступают сумерки, все исчезает, только мягко и не мигая, сотнями светлячков светятся окна. Я научилась перемещаться туда в одно мгновение, когда захочу. И, наверное, скоро останусь там навсегда. У моей планеты нет координат, нет названия — она откроет себя только тем, кто хочет быть со мной... Нанка этого хотела.

Ее мать, еще недавно ласкавшая меня взглядом со всей страстью артистического дарования актрисы ереванского театра, вспылала ко мне понятной неприязнью.

И вот однажды я, сложив деньги в конверт, явилась к ним домой. Нанки дома не было. Я протянула конверт матушке: «Вот, бери. Ты деньги любишь. Считай, это выкуп за дочь». Та помялась, затем безразличным тоном, надо

сказать, не очень профессионально, поинтересовалась: «А сколько там, в конверте?» Вопрос был решен в пять минут. Нас оставили в покое, и мы смогли снять квартиру. Вскоре у Нанки умерла бабушка. Денег на похороны не было, мне пришлось взять дополнительную работу, чтобы все организовать. Отвезли ее в морг. И тут вдруг мать вспомнила: у восьмидесятипятилетней бабушки в ушах остались бриллиантовые сережки. И надо их срочно каким-то образом снять, потому как они — единственная память для Нанки, во-первых, и объект утреннего съема для патологоанатомов, во-вторых. И что делать? Обе смотрят на меня с мольбой и надеждой, как на единственного в доме мужчину. Пришлось ехать в морг. Приезжаю, стучу. Выходит сторож. Даю ему бутылку. Пусти, говорю, надо сережки снять. Он аж присел. «Ты чего, сдурела? Свет включать не могу — больница в центре города, и тут посреди ночи свет в морге! А в темноте — не пойду!» Я отвечаю, что тогда, мол, меня пусти, я фонарик прихватила. Пошла. Подошла. Извинилась. Сняла. Вышла. Приехала. Отдала.

Со страхом смерти я рассталась в юности. Сознательно. Когда умер отец, я побоялась близко подойти к его гробу. А потом, мучая себя за это, начала ходить в медотделение ереванского университета смотреть, как происходит вскрытие. Похоронили мы бабулю, собрались на поминки — все сплошь уважаемая публика. Тут мамаша Нанкина, опьянев, расчувствовалась, обняла меня, расцеловала и, обведя взором собравшихся, громко объявила: «Это — мой любимый зять!» И смех и грех! А я, уже понимая, что скоро уеду, решила съездить в Турцию на заработки, чтобы финансовый задел какой-то был у Нанки. А она за мной увязалась. 90-й год, туда на продажу возили дрели, фотоаппараты, технику. У меня по жизни есть два упомощательства. Первое — небо и самолеты. Второе — хорошие

инструменты. Уж в этом я разбиралась. Меня спрашивали: «Зачем ты на съемной квартире гвозди всех размеров собираешь, дрель, инструменты и прочее?» А я только отмахивалась, ну, не женского ума это дело, им не понять! Короче, сели на автобус, поехали. Чего только не было по дороге! Дважды нас ночью турки хотели поджечь, три раза я за Нанкину честь боролась, но самое смешное было на рынке: ко мне! лезли!! турки!!! Ходили, ходили, потом на ухо зашептали: «Мадам, секс проблем!» — и деньги в кулаке показывают. А я еще сдуру не сразу поняла, какая там мадам с секспроблемами? А потом дошло — это я «мадам». Ну, одного-двух шарахнула кулаком, разобрались. Тогда многие приезжали из России с пустыми руками, а уезжали с баулами, коврами и куртками, а кое-кто с пузом в нагрузку, поэтому турки меня не сразу поняли, но потом осознали. Заехали мы как-то с Нанкой в Трапезунд, ей к морю хотелось. А там мужское царство, шага сделать невозможно. Идем по берегу перед закатом — красота, волны плещут, солнце садится, ветерок теплый — и тут стая подростков Нанку завидели — стройную, красивую — и ринулись к нам с криками. А Нанка обладала редким для женщин качеством — никогда не лезла, куда не надо. То есть как обычно бывает по жизни — возникает некая неприятная история с энным количеством участников, так бедным мужикам приходится заниматься не неприятной историей, а этой самой женщиной, которая лезет вперед — спасать, помогать, объяснять и руководить. Я же Нанке просто крикнула: «Стоять!» И она встала. Это не унижительно — это наличие женского ума. Мне даже драться не пришлось — одного моего боевого вида было достаточно, чтобы турки позорно бежали. Я ощущала себя почти Суворовым. К слову, и в компании, когда кто-то начинал вокруг меня круги наматывать, Нанка никогда не кричала чушь всякую в пароксизме ревности, а ревнива

она была запредельно, но могла, достав булавку, под столом нежно зафигачить мне ее в ногу, при этом глядя в сторону невинным взором. И я сразу понимала, что надо себя поставить на место и не заигрывать. Тоже, чай, не тупая. Обратная дорога в Ереван весьма непростая была, в этот раз на наш автобус грузины напали — как в кино, то белые, то красные, то опять белые — хотели вещи отнять, но наш гид-мусульманин с ними договорился, собрали им немного денег и нас отпустили с миром. Я очень за сумку боялась — там лежала дрель, с которой я очень сроднилась. Я не смогла ее продать, везла обратно домой, тряпочкой вечерами протирала, даже разговаривала, когда никто не видел. Нанка хоть и знала уже о моих увлечениях, но ночных бесед с дрелью не поняла бы. Я так думаю.

На носу был 91-й год, и вдруг знакомая китайка, славная женщина по имени Анна Михайловна, пригласила меня в свой салон работать. К тому времени обо мне уже заговорили в Ереване, отбоя не было, потому как открывшиеся экстрасенсорные — не люблю этого слова — способности били через край. Я бескорыстно помогала людям решить их проблемы, корректировала поведение, разворачивала в нужное русло события, раскладывала карты Таро, тут никакого пиара не надо, одному поможешь — он троих приведет. В салоне же мне предложили кабинет, и туда стали приходиться люди, которые уже платили за прием — немного, чисто символически, но из-за нескончаемого потока получалось прилично. На Новый год мы с Дюлькой и Арамом собрались у Анны Михайловны, но Нанка должна была прибежать после полуночи — мать болела, и она не хотела ее оставлять одну. Сидела я на кухонном подоконнике, курила, вдыхая морозный воздух, и думала. Все больше и больше я ощущала себя человеком, который каждый день прыгает на коня, размахивая саблей, не замечая, что конь этот, пусть белый и красивый, стоит на каруселях и крутится по

кругу, всякий раз возвращаясь к исходной точке. Любила ли я Нанку? Очень любила! Но в то же время понимала — это не моя женщина. В какой-то период мы должны были быть вместе, но теперь я стояла на пороге чего-то нового, иного, я должна была идти вперед, а дорогу в неизведанное следует одолевать, не обремененной поклажей.

...Я отрекаюсь от себя, своих эгоистических желаний, привязанности и тоски, я отрекаюсь от вечной жажды — тебя, как глотка воды. Так много дел, так много целей... мир разнообразен и велик. Капкан любви бессмыслен и жалок. Игра в мяч на двоих... Себя с тобой я уже не приемлю — нелепых обожаний духота и ревности тягучее болото. Все выше, чище и сильнее то чувство нежное любви — я не отрекаюсь от тебя...

Надо было ехать в Москву. Да и по дочери я скучала, хоть и старалась не раскисать по этому поводу — деньги и посылки пересылала, по телефону разговаривала, с грустью отмечая, что не радуется уже Валя моим звонкам, относясь к ним ревниво-настороженно, будто я могу вмиг отнять у нее ее сокровище. Пришла Нанка, я обняла ее и говорю: «Мне надо ехать! Устроюсь, дам знать, захочешь — заберею тебя». Она сникла как-то, помолчала, но поняла и согласилась — мне нужно ехать в Москву.

И тут как специально позвонил мой знакомый: «Срочно делаем бизнес! В Москве берем шикарные японские

оверлоки, привозим в Ереван и открываем пошивочный цех, мой друг поможет — он в деле!» И называет имя сына знаменитого армянского композитора. Композитор-то был прекрасный, а сын оказался полным идиотом.

Ночью во время медитации мне «говорят»: «Нельзя, это не твое, нельзя», а во мне кураж какой-то — как это не мое?! Я хочу дочь обеспечить, мать подлечить, Нанке денег заработать, да и мне на ноги надо становиться! Не послушала, на другой день заняла десять тысяч долларов. Баксы тогда стоили три рубля сорок копеек. Но все равно — сумма огромная. Привезла в Москву деньги, отдала этому сыночку в доме композиторов. Жду. Размышлять, ошибка это или нет, было уже поздно. На другой день поехала в поселок «Солнечный» — мне понравилось название, поэтому и поехала. Бреду одна по ромашковому полю, солнце светит, ни души вокруг, красота! Я ничего не боялась, знала, что из любой ситуации смогу найти выход. Легла на траву, смотрю в небо. Думаю. Солнце зашло за тучку, подул ветер. И вдруг вижу, надо мной — летающая тарелка. Красивая, сигарообразная, настоящая! Зависла довольно низко, рассмотреть можно было хорошо. Казалось, это — живое существо, единый организм, и оно меня рассматривает, как и я его — с удивлением и интересом. Страх не было — была невозможность пошевелиться. Я чувствовала связь с кем-то или чем-то непонятным, но очень близким и своим, и мысленно, (а шевелить в те минуты можно было только извилинами — все мышцы в мгновение атрофировались) просила позвать меня с собой. Не позвали. Но контакт все же состоялся, потому что я в одно мгновение поняла не только то, что я должна здесь остаться, но и зачем я должна остаться. Именно в тот момент, лежа на ромашковом поле, я поняла свою миссию, скромную, но очень нужную — создавать энергию людей. И в этом и есть невидимое миссионерство.

К примеру, приходит на прием девушка. Мы общаемся, разговариваем. Она уходит от меня с каким-то другим пониманием и состоянием. Ей уже легче жить. Вернувшись домой или на работу, она это состояние передает другим, которые, в свою очередь, передают его дальше. Это очень серьезная штука, гораздо серьезнее, чем в тишине кабинета совершать какое-то открытие, потому что в этом случае охватывается масса народа, которые, сами того не зная, передают друг другу положительную энергию. Чем работа парапсихолога отличается от работы психотерапевта? Очень многим! И прежде всего — разумностью. Работа психотерапевта разумна. Я же могу дать совет, с первого взгляда, абсурдный. Но и не только в этом дело. Иногда приходят на прием люди скептические, занудные, настроенные. Они внимательно наблюдают, что я делаю, что говорю, как говорю. И уходят — в полном недоумении. Ничего не происходило, а им легче! Сколько раз за эти годы ко мне обращались с вопросом: «Как ты это делаешь? Не бегаешь вокруг с вытаращенными глазами, делая пассы руками, не зажигаешь с таинственным видом свечи, а я ухожу от тебя — и мне хо-ро-шо!» Главное дать человеку понять, что все в его руках, и он может многое изменить, если не события — так свое отношение к ним.

* * *

*Ловцы моих фраз и мыслей... вас так много...
Непринужденно и легко вы выносите из моих
миров яркие картинки слов и незнакомые
мысли. Это — единственные подарки, ко-
торые я могу дарить. Они бесценны потом,
не сразу. Они создают мозаику надежды на
чудо и многогранность бытия в небытии.
Ничто не уходит, как вода в песок, ничто*

не забывается. Они создают самое главное — настроение. Вам тепло и хочется жить... и это — ваш подарок мне...

* * *

Проходит неделя. Я тогда снимала комнату в том же доме, где жила моя дочь, чтобы чаще ее видеть. Маленькая комнатка, но я в нее вмещалась. Сейчас, наверное, уже не вместились бы. Но я из-за лишнего веса не комплекую, ну, подумаешь, после операции поправилась, и что, умирать теперь с горя? Весело слушать девочек, которые при весе в пятьдесят с лишним килограммов с трагизмом в голосе восклицают: «Ах, я буквально чувствую этот лишний килограмм!» Можно подумать, избавившись от этого килограмма, ей станет легче жить. Тут же найдет, к чему придраться — нос кривой, губы тонкие, уши лопухами или ноги косолапые. Дело ведь не в килограмме, а в голове!

Ну, пока вопросы с моим бизнесом решались, пошла я на уфологические курсы, записалась сразу в три библиотеки — университетскую, Некрасовскую и Гоголевскую. Это было потрясающее время! Казалось, я стала даже выше ростом, а может просто приближение к звездам родило такие ощущения, не знаю. Не послушала я голоса «свыше», первый и последний раз, и вскоре поняла — с бизнесом меня надули! Хлопнулись мои денежки! Вообще-то, совершая ошибки в жизни, я никогда не злилась, ни на себя, ни на других, никогда не предавала, не влезала в чужие отношения, не позволяла себе ненавидеть, даже когда стоило — в этом отношении я считаю себя человеком очень порядочным. Но вот после Ланы все, что было связано с деньгами, летело к чертям.

Звоню Нанке, объясняю, что забрать ее пока не смогу. А у нее мать болела, она при всем желании сама приехать не смогла бы. Тут объявилась моя подруга из Перми, мы ее

называли «Чингисханом» — татарочка невысокого роста, глаза раскосые, дикие, да и голова бритая — по тем временам — смело! Девчонка боевая, еще и возомнила себя «активом». Так вот, Чингисхан, который у меня плавно трансформировался в Хана, дал объявление со своим телефоном в газету «Частная жизнь»: «Ищу женщину для совместного проживания и бизнеса». И попросила меня помочь с отбором кандидатур. Я переехала к Хану в съемную трехкомнатную квартиру на Сходненской, и процесс пошел. Собственно, пошел не процесс даже, а поток. У меня была самая ответственная роль — первичного отбора. Часто я открывала дверь и, видя на пороге нечто несусветное, сразу отметала кандидатку, вежливо сообщая, что, к моему большому сожалению, поезд уже ушел и место занято. Удивительно, насколько все понимали, о каком «совместном проживании» шла речь и при этом буквально брали квартиру штурмом! Мы стали встречи назначать уже не дома, чтобы не «светить явку».

И вот однажды звонит Хану некая девушка — поэтесса. И низким грудным голосом рассказывает свою историю. Убой Петрович! Поэтесса несколько лет назад развелась с мужем и на пике страдания уехала с маленьким сыном из Москвы в Иркутск. В этом славном городе она влюбилась в радиорежиссера, который силою обстоятельств являлся женщиной. Но, будучи горячей поклонницей великой Цветаевой и прекрасно зная не только ее историю с Софьей Парнок, но и особенности жизни Марлен Дитрих, Вирджинии Вульф, Жорж Санд, Греты Гарбо и прочих наших и не наших знаменитостей, поэтесса отнеслась к своему чувству с пониманием и вскоре перевезла режиссера в Москву, где той, понятное дело, хотелось жить больше, чем в Иркутске. Однако коварный режиссер через год был уведен прямо из-под носа поэтессы ее «подлой кудрявой подругой». И теперь доверчивая поэтесса искала смысла жизни и дело, которое могло отвлечь ее от страдания. Хан, прямо скажем, заинтересовался этой мадам

и, назначив ей встречу в клубе, потащил туда и меня. А мне интересно, ни разу в «таком» клубе не была, думаю, схожу, посмотрю заодно. Смотреть там было не на что и не на кого, не женщины, а шушера какая-то, поднятая пеной девяностых. Только я заскучала — подходит к нам девушка: невысокая, худенькая, с короткой стрижкой, лицо почти красивое. Поэтесса наша действительно обладала приятным голосом, да и слушать ее было интересно. Правильная речь, общие темы. Я оживилась, включилась в разговор. Она начинала про кого-то говорить, а я ее останавливала и продолжала уже сама — про родителей этого человека, его характер, особенности внешности или поведения. Хулиганила, короче говоря. Что называется, «Остапа понесло». У поэтессы — ее Машей Шароновой звали — глаза загорелись, вопросы задает, проверяет, действительно ли я что-то могу, или это простое совпадение. Ну, когда я ей ее же собственную биографию рассказала, та притихла, а потом, выпив вина, начала говорить о своем: про несчастную любовь и неверную подругу. Интересно, кстати, как все людям возвращается. Когда-то эта «кудрявая подруга» увела у Маши женщину, а недавно уже подруга этой «коварной» разлучницы увела у нее мужчину.

В общем, я этой Маше говорю: «Нельзя из-за баб себя до смерти доводить, погуляй, успокойся!», а та вцепилась в меня мертвой хваткой: «Вы экстрасенс, помогите мне восстановиться, и все тут!» Хан хохочет, а я подумала: «Ладно, чего не помочь?»

Встретились несколько раз, а потом как-то днем в кафе Машка спокойно мне предложила: «Давайте заключим договор. Вы меня не любите. Я вас тоже. Но вы мне интересны. Надеюсь, и я вам. Три месяца вы у меня в коммуналке в центре поживете, комната огромная, соседка всего одна, а потом, если за это время мой режиссер ко мне вернется, хоть вы и говорите, что этого не будет, то я пойду к ней, а к вам пусть ваша Нанка приезжает. Езжайте домой за вещами. Вечером

жду». Причем спокойно так говорит, без эмоций, но уверенно и категорично.

Поехала я домой. Анализирую свое состояние. Ехать не хочу, но должна. Кому должна, почему должна — не понятно. Как будто мной кто-то руководил. Вечером приехала, с зубной щеткой и полотенцем. Картину завершало скорбно-равнодушное выражение лица Чайльд Гарольда. Проговорили почти до утра. Машка начинала работать костюмером в театре, потом машинисткой и редактором в редакции некоего «Слова», которое потом закрыли в силу диссидентского характера публикаций. В ходе ночной беседы выяснилось, что поэтесса успела заморочить головы многим. Муж сотрудницы отдела поэзии, которая впоследствии стала детективным писателем, активно порывался убежать к ней от супруги, известный красавец-артист с сексуальным низким голосом и главный редактор журнала вились вокруг нее, но Маше, видите ли, подавай ее изменницу, и все тут!

Наутро я проснулась, когда в комнате никого не было. Маша повела сына, Антона, в школу. Я сварила кофе, села на подоконник и с чашкой любимого напитка размышляла, как жить дальше. Надо было устраиваться на работу, чтобы отдавать знакомому деньги, которые я заняла, кормить дочь и жить самой. За окном на голубом небе смутно белела сытая луна, явно застигнутая врасплох рассветом. Машка вошла и встала в дверях. Я обернулась и наткнулась на ее взгляд.

Этот взгляд был мне хорошо знаком. Позже она говорила, что влюбилась в меня именно в этот момент: я с чашкой кофе на подоконнике. Но — договор дороже денег! Мы стали жить вместе, как сестры... То есть, как братья... тьфу! Ну, понятно. И началось интересное время! Мы постоянно общались с Анастасией Цветаевой, милейшей старушкой, проводя вечера в разговорах о ее великой сестре, с Александром Менем, ее духовником, ездили в музей Пастернака, не вылезали из театров, словом, начало не предвещало ничего страшного.

Машка даже уговорила меня, и мы несколько раз устраивали спиритические сеансы. Доходило до смешного. Как-то ночью во время сеанса Машка захотела закурить, а сигареты кончились. Я категорически отказалась бежать в магазин. И тут блюдце неожиданно выдало: «Ха-ха!» Машка разозлилась: «Тебе ха-ха, зараза такая, а я курить хочу!» А оно продолжает: «Выгляни в окно!» Я смеюсь, чего выглядывать-то, мы на первом этаже живем. Но охота пуще неволи, Машка в ярости — у нее уже тогда случались вспышки гнева — распахнула окно и... увидела две целые сигареты, лежащие на земле в светлом прямоугольнике нашего окна.

Сеансы время от времени продолжались, пока однажды дух Марины Цветаевой не сообщил нам: «Анастасия умрет пятого сентября». Так и случилось. После этого я никогда не занималась спиритизмом. Как бы меня ни просили. Никогда.

Шло время, и как-то вечером Мария, стоя у окна с сигаретой в зубах — влюбившись в меня именно на этом месте, она видимо решила, что это окно является эрогенной зоной нашей квартиры — заявила: «Никого я больше не люблю и никто мне кроме тебя не нужен. И я знаю, что ты меня тоже любишь!» Надо сказать, у поэтов свой взгляд на окружающую их действительность. Или же их окружает не та действительность, которая окружает нормальных людей. А Машка вошла в раж: «Я хочу, чтобы ты пошла со мной к этой моей бывшей подруге. Пусть увидит, какой человек сейчас рядом со мной! И заодно поймет, какое ничтожество она у меня украла! Редакторша эта, между прочим, запредельно скупая! Да-да! Пушкинский рыцарь отдыхает! Представь, я вывезла ее из Иркутска, поселила у себя, одела-обула, а она, по моему знакомству устроившись на работу на радио, за все с меня деньги брала! Идет в магазин — покупает молоко и половину стоимости берет с меня! С матери-одиночки! Ужас!»

Эти трагические моменты биографии бедного поэта всколыхнули мою душу, и я согласилась отправиться к «кудрявой разлучнице». Поводом явилось возвращение нескольких брошенных при побеге вещей.

Идем на улицу Щепкина. Звоним в дверь. Голос разлучницы: «Кто там?» Ответ Марии: «Это я... Со своим бойфрендом!» Дверь заколыхалась от ужаса: «Нет! Не открою!» Рычание в ответ: «Откроешь! Иначе я здесь такое на площадке устрою, тебе мало не покажется!» Перешептывание. Скрип замка. На пороге — невысокая изящная женщина с длинными выщипанными волосами и глазами, полными ужаса. Рядом в активной диспозиции и тренировочных штанах — изменница. Я беру ее под локоток и увожу на кухню: «Пойдем, пусть поговорят». Сидим, молча изучаем друг друга. Из комнаты доносятся крики: «Ты такая-то, а ты такая-то...»

Я не выдержала и заявила редакторше, что ее бегство от Машки в высшей степени некрасиво. Та ухмыльнулась: «Вы, видно, недавно знакомы? Ну-ну, встретимся через годик...» Сидим, курим. Возвращаются из комнаты дамы. Разлучница, как побитый щенок, Машка — с торжествующей улыбкой на лице. И тут я ей заявляю: «Маш, а чего у тебя за претензии? Ты должна ей спасибо сказать, если бы не она, ты бы меня не встретила!» Спасибо говорили долго, часа два, сидя за кухонным столом за бутылкой водки, за это время все помирились раз пять. Так что обошлось без кровопролития.

К тому времени я уже набрала ремонтно-строительную бригаду и начала работать, но тут проявился Славик, который давал мне займы. Ему понадобились деньги, раньше срока, правда, но это было его право. Я нервничаю, потому что вот так, за пару недель, не смогу достать денег, Машка психует, начав гражданскую войну со своей соседкой по коммуналке, то есть обе мы слегка пришибленные обстоятельствами, только я знаю, почему Машка пришибленная, а она о моем состоянии — нет. И тут, когда я была на работе, нам

домой позвонил Славка, который уже начал чувствовать себя в создавшейся ситуации не очень уютно. И заявил примерно так: «Будьте так любезны, передайте, пожалуйста, что мне желательно было бы получить свои деньги, которые я дал займы, а то я начал терять терпение и чувствовать душевный дискомфорт. Мне очень не хотелось бы обращаться за помощью к моим полным здоровья друзьям». Ну, только он все это на своем языке сказал, понятно. Я возвращаюсь, а Машка мне выдает: «Я решила срочно продать свою комнату, она в центре, большая, за нее много дадут, купим небольшую отдельную в спальном районе, а разницу отдадим в счет твоего долга!» Я так и села. У меня вообще-то очень сильное мужское самолюбие. Начали ругаться. Я ору, что не возьму денег у женщины, а она — что не может больше жить в коммуналке. Вариант она нашла через два дня — квартира на первом этаже у метро Пражская. По сравнению с Красными воротами — почти ссылка.

Еще через пару дней Машка идет на сделку, а я сбегаю к своим новым знакомым — «разлучнице» с подругой, предполагая, что там меня Маша искать не будет. Ну, не могла я брать у нее деньги! Сажу на балконе, курю, тут распахивается дверь и на пороге возникает фигура Марии с ребенком. Ребенка подталкивают вперед, он хватает меня за ноги и начинает причитать хорошо заученный текст — вариации на тему: «Вернись, я все прошу!»

Я, конечно, офонарела — как меня нашли?! Оказалось, заложила «кудрявая». Из благих побуждений, конечно. Хотела, как лучше... Приехали домой, Машка в слезы. Объясняет мне, что за всю жизнь ради кого-то ничего не делала. Мать у нее была замечательная, интеллигентная, как и отец, только они редко хвалили дочь, постоянно коря ее за несносный характер. Да, талантливая, да, симпатичная, а хвалить не за что. И у поэта выработался не только комплекс недолюбленности, но и безумный эгоизм: а на фигу кому-то делать что-то

хорошее, когда все люди — сволочи и гады с полным или почти полным отсутствием интеллигентности в ее, Машинном, понимании. И тут появляюсь я, и Маше впервые в жизни захотелось быть хорошей и пожертвовать чем-то ради кого-то! И как я смею отказываться?! Как я смею мешать ей стать хорошей и гордиться собой?! Ведь сделав ради меня нечто доброе, она полюбит меня еще больше, как объект ее душевных вложений!

Надо сказать, убеждать Мария умела. Я сдалась. Выручила, ничего не могу сказать. У метро Пражская мы не задержались, вскоре переехали в Монино. Однокомнатная квартира, река рядом, чистый воздух — сказка! Сделала я ремонт, соседи попросили им сделать, потом — друзья соседей, и пошло-поехало. Параллельно консультирую без всякой рекламы — все работало по принципу сарафанного радио. Словом, кручусь. Но! Прописки-то у меня не было! И тут знакомлюсь с отличным мужиком, бывшим летчиком-испытателем Михаилом. Красавцем и умницей. Пока летал, все было хорошо. Но в один далеко не прекрасный день его зарубила медкомиссия из-за высокого давления. Отдохнул немного, подлечился, и — на тебе! — накануне новой медкомиссии поссорился с женой. Опять давление. Словом, комиссовали беднягу. Какое-то время еще на земле поработал, но тоска по небу взяла свое, и он начал лечить ее известным русским способом, следствием чего явился развод. Ну, я ему помогла, ремонт небольшой сделала бесплатно, мы подружились.

И вот однажды он мне и предлагает: «Давай, я тебя пропишу. Оформим брак, все как полагается». А он про меня все знал, правда, Машку на дух не выносил. Я ему отвечаю, что заплатить мне нечем, это больших денег стоит, да и стремно как-никак! А он смеется: «Да не надо мне ничего, дай 250 рублей, но прямо сейчас». Пошли мы с ним к Машке. Я говорю: «Мария, давай деньги!» Я же все заработанное ей отдавала. А она ни в какую. «Тебя обманут,

кому ты веришь!» Мишка разозлился: «Стерва ты, Маш, стервой была, стервой и останешься. Да я вот тебе бы и за десять тысяч долларов ничего бы не сделал! А вот ей сделаю! Не даешь — и не надо, фиг с тобой!» Машку действительно многие терпеть не могли. Она была резкой, бесцеремонной, хваткой, презирала людей. Люди платили ей тем же.

На следующий день мы с Михаилом расписались и подали документы на прописку. Деньги я, конечно, ему отдала через пару дней. Хороший был человек, жаль, вскоре умер — совсем спился. С Машиной матерью и сыном у меня сложились замечательные отношения. Мать с годами уже совсем не выносила ее присутствия, а когда мы с Антошкой приходили к ней в гости, сияла от радости, на стол накрывала, все причитала, что мне за терпение надо памятник поставить. Но терпение у меня периодически лопалось и как-то после очередного Машиного скандала на почве моей «неоправданной» задержки с работы я уехала к подруге — уже к своей, проверенной! Это было счастье! Сидим с Ирккой вечером за столом, ужинаем, и она причитает, мол, попала я с этими Машинными деньгами в ловушку. И жить вместе невозможно, и уйти нельзя. А я с упоением рассказываю про курсы психологии в МГУ, на которых начала учиться. И тут — звонок в дверь. Крик Ирины. Выбегаю в коридор — а на меня с пистолетом в руках идет Мария в состоянии полной невменяемости. У кого пистолет взяла, до сих пор загадка. Идет на меня и орет: «Или ты вернешься, или я тут вас всех поубиваю!» Ну, если б я одна была — полбеды, но подругу-то подставлять я никак не могла!

Успокоила поэтессу и, кстати, выяснила, кто меня заложил. Оказалось, на этот раз бабуля Валя, у которой я за день до этого была, дочери продукты и деньги приносила, и заодно рассказала, что живу сейчас у Ирины. Как уж Мария информацию получила, каким путем, не знаю, но не при помощи пистолета — это точно! Взяла я ее за шкуру и отвезла

домой, где, конечно, всыпала по первое число. Она на время присмирела...

Я буду тихой, ты поверь.
 Я в тишине останусь строгой.
 Пусть ночью отворится дверь,
 И ляжет скатертью дорога
 Тебе — от глаз моих, от рук,
 От слова, от тоски старинной
 Следить, как плачет стеарином
 Мой неосознанный испуг...

Писала она в ночной тишине, а скоро заявила ко мне на работу: «Мне здесь надоело, дыра какая-то, я нашла вариант на Покровке, в Москве». У нее была немыслимая пробивная сила и организаторские способности. Тем более, что с моим появлением она уже не работала, и энергии было хоть отбавляй. Она нашла какого-то мужика в доме под снос на Покровке, купила у него комнату на вырученные от продажи квартиры в Монино деньги, и мы вернулись в столицу нашей родины. Снова в «нежно любимую» Машей коммуналку.

Персонажи в ней проживали почти водевильные! Один мясник Вася чего стоил! Пузатый, довольный жизнью и своей нечеловеческой, в полном смысле слова, красотой, он дефилировал по квартире исключительно в шелковых халатах, которых у него было не меньше четырех. Наличие столь богатого гардероба явно подчеркивало многообразие его натуры. Особенно хорош был Вася по утрам, замерший в ожидании закипания чайника у плиты в ярко-красном халате с драконом на спине. Дракон сонно шевелился в такт движениям мясистого тела своего хозяина, отпугивая пергидрольную жену гаишника, пытавшуюся пробраться к своей конфорке. Впрочем, вполне допускаю, что шарахалась жена

гаишника по имени Люба не от дракона, а от вида волосатых ног мясника, потому как утренний халат не доходил ему до колен и имел тенденцию постоянно распахиваться. Зрелище, конечно, не для слаонервных.

Гаишник же был хорош — усатый парень с Тамбовщины, давно уже осевший в Москве. Любил справедливость и водку. Насчет жены — не уверена. Гарна дивчина с Украины, с огромным бюстом и короткими ножками, обладала голосом, который можно было сравнить только с бормашиной. В первый же вечер Мария расставила все точки над *i*. Встав посреди кухни и подбоченившись, она обвела всех презрительным взглядом и гордо заявила: «Ну что, лимита, кончилось ваше спокойное время! Интеллигент в квартиру приехал!»

Мясник Вася уже в халате зеленого цвета начал оглядываться по сторонам, явно в поисках этого самого новосела. Гаишник прыснул и показал пальцем на Машку: «Это она, кажется, о себе!» — и заржал, как начинающий артист, озвучивающий породистого жеребца.

Машка повысила голос: «Вы чего сюда понаехали, деревенщина несчастная, да вы должны за счастье считать, что среди вас теперь будет жить московская девочка!» Гаишник схватился за живот и, застонав от смеха, плюхнулся на табуретку, вытирая слезы счастья, а Василий впал в анабиоз с половником в руках. «Что вы здесь изгаляетесь над поэтом? — продолжила обвинительную речь Мария. — Вы мои стихи читали?! Вот вы, — она обернулась к стонущему гаишнику, — читали?!»

Несчастный гаишник, покачав головой, начал сползать с табуретки, издавая какие-то рыдающие звуки. «Если такая умная, давай, — он показал рукой на фыркающую крышками плиту у окна, за которым тревожно кричали вороны, видимо, испугавшиеся кухонного скандала, — сбациай нам что-нибудь про яичницу или макароны, а?»

Машка сверкнула глазами и без всякой паузы злобно прошипела:

Снова яичница иль макароны,
 Куртки, автобусы и сквозняки.
 Каркают нагло в тумане вороны,
 Люди — то умные, то дураки.
 Вновь понедельник грозит разразиться
 Скучной работой за скучным столом.
 Прячет лицо дорогая столица,
 Чтобы не перли в нее напролом!

«Вот! — и торжествующе стукнула вырванным из рук обалдевшего мясника половником по столу. — Вот! Деревня!» И, хлопнув дверью, удалилась в нашу комнату, гордо, как ценную добычу, неся половник перед собой. Да, они не знали ее стихов. А я — знала... Читала, снова и снова перебирая исписанные беглым почерком листы бумаги, слушала, как она сама в полумраке комнаты произносила упоительные рифмы, наблюдала за трепетным моментом рождения поэтических строк. Я — читала, и это было одним из главных объяснений моего присутствия в ее жизни.

Талант Маши был на грани гениальности. Это был Серебряный век, Цветаева, помноженная на наши дни, — время, когда люди скупы на любовь, скупы на чувства и их проявления. У меня был своеобразный азарт, желание изменить ее, поставить если не знак равенства, так хотя бы многоточие между ее талантом и проявлением себя в мире людей, который она упорно не хотела признавать и принимать. Она была как залетная птица, случайно попавшая на другой континент и потерявшая способность вернуться домой. Я хотела снова ей дать крылья...

Василий поначалу впечатлился Машкиными эскападами и выразил свой интерес к новой соседке, попытавшись

распустить руки. Я до сих пор не понимаю, как она ему их не переломала, но хромал он долго... Страсть Василия поутихла, и вскоре все пошло в соответствии с известным изречением «от любви до ненависти...» Василий вышел на тропу войны. Мария в долгу не осталась. Несколько раз мне приходилось буквально их оттаскивать друг от друга. Однажды поэтесса довела Васю до такого бешенства, что он схватил ее за волосы с явным намерением стукнуть о батарею. Я вбежала на страшный визг Машки, который, думаю, был слышен даже у стен Кремля. Пришлось хорошенько дать злодею в живот, за что получила ответный удар в скулу. Сидя под моим глазом некоторое время сдерживал хулиганку, но вскоре все началось сначала. Войну в коммуналке Мария вела сразу на нескольких фронтах. Одним из них была несчастная жена гаишника Люба. Однажды, возвращаясь с работы, я уже на первом этаже поняла, что боевые действия в самом разгаре. Влетев в квартиру, увидела Марию и Любу, в ярости бьющих посуду и швыряющих на пол все, что попадалось под руки. Выяснилось, что Маше срочно понадобились все четыре конфорки сразу, и именно тогда, когда Люба готовила мужу ужин. Коварный Василий в это время вызвал милицию. Картина была потрясающая! Входят менты с автоматами, высоченные, чуть не под потолок. Я появляюсь на кухне, тут Машка гордо указывает на меня рукой и торжественно произносит, стоя посреди горы битой посуды: «Это мой муж, он сейчас вам всем покажет!» Менты на меня уставились, как на инопланетянина, внезапно материализовавшегося в скромной московской коммуналке. Мария продолжает: «А эта сволочь, — кивает в сторону раскрасневшейся Любы, — завидует моему семейному счастью, вот и бесится! А я за своего мужа горой, ну и что, что у него нет московской прописки, он со мной живет, имеет право!» Я онемела. Ну ляпнула... Стоим с ментами, друг на друга смотрим. И тут молоденький голубоглазый сержант

расплывается в улыбке: «Ну и ничего, раз это ее муж, пусть люди спокойно живут! Вот у вас, гражданка, муж есть?» — обернулся он к Любе. «У нее не муж, а гаишник!» — ехидно произнесла Мария. «Ну и хорошо, есть кому здесь за порядком присмотреть», — опять улыбнулся парень. Тут Люба начала нервно лепетать, что против меня ничего не имеет, и вообще все в этой квартире нормальные за исключением одной ненормальной.

Я Машку утащила в комнату от греха подальше, а там Антон сидит перепуганный. Бедный ребенок от меня вообще не отходил, когда я дома была, любил меня безумно. Я с ним играла, книги читала, рассказывала что-то. А у мамы его характер портился все больше и больше. Могла спокойно в магазине сказать: «Девушка, что вы на меня так смотрите, вы, собственно, кто такая?» Или в гостях обхамить любого человека. А домой придет, засядет на кровать с блокнотиком, и такой шедевр выдаст, что диву даешься — как это может сочетаться?!

Однажды мы пошли на выставку к нашей близкой подруге Стелле — замечательной художнице. Машка напилась и вылезла на сцену, а там как раз интервью у героини вечера брали для московского канала. Мария радостно обняла ее и заявила, что сто лет с ней знакома, и не знала, что та рисовать-то умеет. «Она совсем недавно яблока нарисовать не могла!» — заявила хулиганка и расхохоталась. А художница наша на всю страну только что сказала, что рисует с детства. Так опозорить чудесного и талантливого человека, которая ради друга с себя последнюю рубашку снимала!

Как-то нас пригласил на презентацию один очень крутой господин. Там выступали известные певцы, в том числе наш приятель — обладатель уникального голоса. Машка выпила, подходит к его столику и заявляет: «Ты дурак что ли, не знаешь, что таких, как ты здесь не любят! Знаешь ведь, а из-за бабок прогибаешься. Я тебя уважала, а ты,

оказывается, дерьмо, а не человек!» Певец поднялся с места, попытался ее успокоить, люди вокруг с интересом прислушиваются, а она при всех под зад коленкой ему как дала! Я подскочила, извинилась, увезла ее домой. Едем в такси, всю дорогу молчим. Выходим, поднимаемся на наш этаж, я ищу ключ в сумке, а Мария сидит на ступеньках и, прислонившись виском к деревянным перилам, вдруг начинает читать:

Я скатилась в печаль
По летящим перилам тоски...
Ах, печаль — еще хуже,
Чернее, क्रомешнее, гаже!
И прожорливой чайкой
Отчаянье жрет мне виски,
А вокруг — опостылевший день,
Словно стража,
Сторожит мою боль. Не уходит.
Мне некуда деться!
Я хочу лишь с тобой
Распуститься, разуться,
Раздеться
И уплыть в круговерть
На молочной,
На теплой волне...
Или это желание смерти
Проснулось во мне?..

Хоть стой, хоть падай... Уложила ее, стою в подъезде, курю, думаю, что делать. Решила поэтессу с ребенком отправить в Коктебель. Купила билеты, вещи новые для Антона. Проводила.

Вот оно — счастье! Месяц без Машки! Думаю: «Господи, хоть бы она в кого-нибудь влюбилась!» Как я об

этом мечтала! Вечером этого дня на радостях, что Машки нет — ее никто не любил, — заехала моя подруга, замечательная актриса, человек изумительный, Лизочка. Так, как она играла в театре Вассу Железнову и Антигону — никто не сыграет никогда. Муж у нее был — «экстрасенсный психиатр», или «психиатрический экстрасенс» — настолько мерзкий — вспоминать не хочется. От него она родила дочь.

Потом он с мамашей слинял в Америку, пытался забрать дочь насовсем, но Лиза ее не отдала, и из-за этого он начал гадости всякие делать, порчу какую-то на нее наводит. Приехала Лиза из Америки, куда уже повзрослевшую дочь «на побывку» возила, и начала таять на глазах. И так худенькая, невысокого роста, а тут вообще в тростинку превратилась. Я ей говорю, давай, мол, приходи, посмотрим, что там с тобой. Она приехала, села на стул, и я ужаснулась — такого просто не ожидала — передо мной сидел смертельно больной человек.

Лиза очень верила в меня, но надо было сделать что-то, чтобы она поняла — все, что сейчас будет происходить — это серьезно. И я мысленно подошла к двери американской квартиры того гада, вошла в нее, и начала описывать все, что вижу: мамашу его в кресле — которую отродясь не видела — вплоть до заколки в ее волосах, расположение комнат, мебель. Лизочка, как все в таких случаях, просто онемела, а потом начала подтверждать — да, там стоит шкаф, да, там — стол, да, здесь — дверь в спальню, и мамаша, сволочь, именно так выглядит. Начала я работать, через минут десять Лиза вскочила — и к раковине. Еле успела — вылилось из нее литра три зеленой воды, как из болота, вся гадость, которую муженек на нее навел. Щеки порозовели, сразу в себя пришла.

И начали мы с ней потом практиковать разные штучки, придумывая к каждому ее визиту все новые и новые.

Лизочка оказалась редким медиумом. Я вводила ее в транс, и она вспоминала свои прошлые жизни, говорила на незнакомых языках, однажды почти полчаса бегло рассказывала о том, что видит вокруг себя, по-французски, которого никогда не знала.

Однажды во время сеанса, сидя у меня на кухне, она с улыбкой сказала: «Как красиво цветет здесь акация, на берегу!» А в это время заглянула соседка — она вечно приходила то за сахаром, то за солью, сейчас, может, сложно такое представить, а в наше время это было нормальным — готовишь пирог, бац! — соды нет. Не в магазин же бежать, когда соседей полно? Так вот, заходит эта соседка, носом повела и спрашивает: «Чего это у вас здесь так акацией пахнет? Духи, что ли, такие?»

Удивительные вещи! Недели через две после Машиного отъезда Лизочка зашла ко мне и начала с порога плакать: «Я безумно одинока! Дочь продана своему американскому папаше, тот просто купил ее, зачем ей нищая мать? Мой новый мужчина из-за своего диссидентства постоянно приносит мне домой вещи и рукописи, чтобы я их спрятала, трясется весь... противно... Я ведь пью... Только к тебе и прихожу трезвая, потому что рядом с тобой душа отдыхает. Ухожу — снова болит. Вот здесь! — и она, всхлипнув, положила руку в район солнечного сплетения. — А я жить хочу! На сцену хочу! — она глотнула воды и перешла на громкий шепот. — Всю жизнь мечтаю сыграть Эмили Дикинсон! Всю жизнь!» И, окончательно успокоившись, начала рассказывать о ней, явно находя что-то общее с этой знаменитой американской поэтессой XIX века.

«Представь, — горячилась Лизочка, расхаживая по комнате, — при ее жизни из двух тысяч стихов было опубликовано только пять или семь, точно не помню! Ее никто не понимал, многие сторонились, считая ненормальной и эксцентричной особой! Белой вороной! Как меня! Да она

и внешне на меня чем-то похожа! Про нее, правда, очень мало известно...»

Я тут же предложила ей помочь войти в образ Эмили, и Лизочка с радостью согласилась. Усадила я ее в кресло, ввела в трансовое состояние, и стала ждать. Минут пять была тишина, а затем она начала говорить совершенно другим, более низким голосом:

I heard a Fly buzz — when I died —
The Stillness in the Room
Was like the Stillness in the Air —
Between the Heaves of Storm...¹

И затем — тоже что-то по-английски, быстро-быстро, словно сотни лет молчала, слегка задыхаясь и подкашливая. Придя в себя, Лизочка долго молчала, а затем грустно сказала: «Боже, как же мы похожи! Она тоже всегда знала, что рождена для большего, но суета отпугивала ее безжалостным и холодным равнодушием. Она тоже жила в своем мире и умерла непонятая, потому что не захотела быть понятой. Я тоже скоро умру... я поняла сейчас... умру... Непонятой и нераскрывшейся, как сорванный бутон». И она снова закашлялась. Я протянула ей стакан воды. Лизочка покачала головой: «Нет, не надо. Это не я кашляю... Эмили сейчас подавилась чем-то, это она кашляет, не обращай внимания».

Через несколько дней в вагоне метро стоящая рядом со мной полная женщина с усталым лицом громко объясняла своему мужу: «Ну как ты ее не знаешь? Ну, помнишь ее знаменитую фразу в „Покровских

¹ Я услышала мухи звук,
Когда меня не стало;
Все стало неподвижно вдруг,
Как буря до начала (англ.).

воротах?» — «А-а!!! — подхватил мужчина. — Понял!» Я прислушалась, понимая, что говорят про Лизочку. «А отчего она умерла-то?» — поинтересовался мужчина. «Нам выходить сейчас! — подтолкнула его жена к выходу. — Таблеткой подавилась. Закашлялась и умерла». У меня потемнело в глазах. Откуда-то издалека приплыл грудной голос Лизочки, читающий стихи несыгранной героини ее жизни...

И вот — возвращается Маша. И с порога заявляет: «Я влюбилась!» Смотрит на меня испытующе, а я чуть от счастья сознание не потеряла, но нельзя же отвечать: «Ой, как здорово!» Поэтому я ответила: «Ай!» Просто такое многозначительное «ай». Типа, «какое горе!» Маша поведала мне свою любовную историю, раскладывая по местам вещи из чемодана.

Приезжает моя Машенька в Коктебель и в первый же вечер замечает на берегу женщину, безумно похожую на актрису Валентину Серову. Это — идеальный образ для Маши. Все, кто был похож на Валентину Серову — попадал в сети ее любви. Таким образом, на несчастную Люсю — к тому моменту «глухую натуралку» — при первом же взгляде сети накинудись автоматически. Идут они на следующий день по берегу — Люся уже в сетях, и Машка ей начинает рассказывать, что, мол, бывают такие отношения, когда женщина любит женщину, но существует два варианта развития событий. В одном — обе являются женщинами, а в другом, более редком, одна — женщина, а другая — мужчина, и роли эти никогда не смешиваются... Бедная Люся была одета в длинную юбку с огромными карманами, в которые, слушая Марию и охая от ужаса, нервно собирала гальку с пляжа. Ну, поинтересовалась, конечно, откуда Маша, приличная с виду замужняя женщина, знает эти непристойности, и тут наша поэтесса встала в позу Афродиты, только что стяхнувшей с себя пену, и заявила, причем торжественно, как на сцене: «Я сама такая. И мой муж — женщина». Люда тут же под

тяжестью камней на берег так и рухнула. А Машка, не будь дурой, стихи ей читать! Есть мужики, которые, ну, ничего собой не представляют, а возьмут гитару, запоют — и женщины сами собою у ног штабелями складываются. Женщины, конечно, существа загадочные, ничего не скажешь... Но Мария — красивая, стройная, талантливая, воспитанная, образованная, нежная, возвышенная — это я перечисляю, что в тот момент Люся о ней думала, конечно, превзошла этих, с гитарой. Словом, вскоре Люся благополучно закуталась в ее сети и обещала любить навек. И вот приезжают они в Москву: Машка едет беседовать с мужем, то есть со мной, вследствие чего, подразумевается, я должна потерять рассудок от горя, а Люся — к себе в Орехово-Борисово, ожидать решения их участи. Я, выслушав Марию, со скорбным видом пошла собирать свой рюкзак, и тут они оба за мной припустились — и поэтесса и Антошка.

«Не уходи!» — и все тут. Антон в рев, Машка уговаривает: «Ты ж мне давно уже просто друг, ну, так и живи дальше, я к тебе привыкла, тем более, что ты мне денег приносишь, а так — мне работать придется идти, а я уже отвыкла! Ты же меня не любишь, и женщину во мне не видишь, тебе все равно, с кем я буду встречаться!» В переводе на язык кино, мне предлагают роль Хоботова! То есть я — Хоботов из «Покровских ворот»! Самое смешное, что мы именно там в то время и жили.

Веретено общений разматывает бесконечные нити взаимосвязей. Растут обязанности, растут ответственности, и так мало любви... Так хочется любви просто так, навскидку, одним взглядом, одним словом, одним откликом души, когда

две вселенные закружатся в танце музыки сфер. Тогда все остальное — не повинность, а награда за любовь.

Поразмышляла я пару минут и осталась. Дома-то я практически появлялась только к ночи, работала, училась, клиентов принимала, поэтому решила — поживем-увидим. Машка ездила встречаться с Людой, возвращалась домой, я ее толком и не видела. А у меня к тому времени жизнь интересно развернулась. Я экстерном закончила университетские курсы, где случайно узнала про курсы одного знаменитого психолога, и пришла к нему на собеседование. Там — очередь, потому как он был к тому же известнейшим эзотериком, главой целого направления. Пригласил всех в зал. Стоим. Он внимательно посмотрел на присутствующих — человек двести точно набралось, и говорит: «На кого я укажу — те отойдите к сцене». И начал к каждому подходить. Подойдет, посмотрит, отходит. Все волнуются, не понимают, к сцене — это хорошо или плохо? А я стою себе спокойно, наблюдаю, мне весело, мурлыкаю под нос что-то. Он подошел, посмотрел на меня и ткнул пальцем в плечо. Через полчаса у сцены собралось человек тридцать, а то и меньше. Остальные ушли оскорбленные и непонятые. И он начал с нами работать. Через час после коротких перебросов «умными» фразами нас осталось десять человек.

Мы с ним очень сблизились, он явно выделял меня среди всех других. Иногда просил задержаться, и мы беседовали до полуночи. «Откуда ты свалилась? Тебя даже почти ничему учить не надо, мне иногда кажется, что ты — оттуда!» — ткнул он однажды пальцем в темное небо, когда мы медленно шли по заснеженной Москве к метро.

Я же не могла ему сказать, что мне иногда самой так казалось, особенно, когда время от времени мне «назначалась встреча», и я уходила в глубокую медитацию, в ходе которой получала ответы на многие вопросы и информацию, которой нет цены... Да, собственно, в прошедшем времени об этом говорить неправильно... до сих пор этой привычке я не изменяю. Маша все это время жила в параллельном мире, периодически выливая на меня свои проблемы. Она была человеком крайностей, к своему окружению подходила с одной меркой: можно с этим человеком идти в разведку или нет. Я объясняла, что такой категоричной быть нельзя. Пусть один человек будет для разговоров по телефону, другой — для шоппинга, третий — для споров о политике, четвертый — для разговоров о саде-огороде или же о бытовых делах, и так далее. «Разведка» — дело особое, бывает, что за всю жизнь такого не встретишь, а встретишь — ошибешься, причинив себе сильнейшую боль. В конце концов, и у разведчиков случаются и провалы, и перебежчики. Машка никогда не умела слушать, предпочитала говорить сама. Даже на вопрос: «Как дела?» не отвечала: «Нормально», а торжественно-скорбно произносила: «Плохо!», тем самым призывая поинтересоваться, в чем проблема и посочувствовать.

Люди о-очень любят сочувствовать тем, кому плохо. Это происходит автоматически — с радостью сочувствуешь тем, кому хуже, чем тебе. Именно поэтому я выбираю друзей по тому, как они умеют искренне радоваться за меня, когда мне хорошо. А мне тогда было действительно хорошо! Сутки растягивались, как резиновые, и я успевала сделать все, что намерена была сделать. Пришлось окончательно забросить свою работу, уйдя с головой в парапсихологию. Однажды Машка, которую я по-прежнему продолжала содержать, в надежде, что она возьмется за ум, найдет постоянную работу и встанет, наконец, на

свои поэтические ноги, попросила сходить с ней к одной женщине, которая обладала способностью гадать. Я к тому времени все гадания прекратила, а поэтессе нужно было срочно что-то выяснить про перспективы своей бурной личной жизни с Люсей. Мы отправились в тихий московский переулок. Дверь открыла женщина средних лет, ухоженная, с умным, открытым лицом. Мы устроились в большой комнате — Машка с хозяйкой за столом, я — в кресле около книжного шкафа, корешки книг которого сразу же приковали мое внимание. В дальнем углу комнаты сидели двое мужчин, которые о чем-то негромко оживленно беседовали, один из них время от времени обочивался в мою сторону.

«А вот мы сейчас спросим у нейтрального человека, что она скажет?» — весело произнес он и, встав, пригласил меня подойти. Вскоре я сидела между седовласым статным красавцем и полным мужчиной с веселыми глазами. «Девушка, — произнес седовласый, хозяин дома, судя по вальяжности поведения, — мы с другом поспорили, можно ли, просто глядя на человека, рассказать о нем что-то или нет? Я уверяю — можно, он — не верит. Вот — посмотрите на него, и подумайте, что можно сказать?» — и он потянулся к сигарете. Я внимательно посмотрела на его собеседника и начала говорить. По мере того, как я говорила, лица мужчин вытягивались, седовласый потушил сигарету, подался вперед, словно хотел лучше рассмотреть меня. Закончив свой рассказ о прошлом, настоящем и будущем его друга, о здоровье и семье, о проблемах детей и о том, как неожиданно они решаются, я замолчала, весело глядя на мужчин. После небольшой паузы мне был устроен просто перекрестный допрос, в ходе которого я отвечала на самые неожиданные вопросы.

«Потрясающий дар яснознания!» — наконец, воскликнул раздумывавшийся хозяин и представился. Оказалось,

неожиданно для себя, я оказалась в нужное время в нужном месте. Вскоре у меня на руках оказался ко всем прочим еще один серьезный диплом, затем — диплом Бостонского университета парапсихологии и пограничных наук, а уже через несколько месяцев я принимала клиентов в помещении самой крутой клиники в стране.

Люди приходили разные, как и их проблемы, работать было интересно, и без того большой круг моего общения очень расширился. Как-то летним днем ко мне обратилась милая полноватая женщина средних лет с приятным лицом, бывшая актриса. С Аленой мы подружились сразу же, с первой минуты. Она была очаровательным большим ребенком, маленькой девочкой, которая играла роль взрослой дамы, что выходило забавно и мило. Тогда же возобновились наши отношения с Машкиной «разлучницей», которая стала заниматься риелторством и к тому времени рассталась с бывшей пассией моей поэтессы, неожиданно для всех влюбившись в молоденькую девушку. Это была умопомрачительная история! Прожив какое-то время с нашей «разлучницей», эта самая девушка осознала, что она — мужчина, причем в полном смысле этого слова, и сделала операцию по смене пола — превратившись из Елены в Василия. Василий, оперившись и сменив кроме пола еще и паспорт, как полагается, быстренько изменил «перспективной» риелторше и женился на женщине, которая буквально не вылезала из церкви. Видимо, надеялся, что она сможет замолить все его грехи. «Разлучница» с горя вышла замуж за нормального мужчину, который круглосуточно лежал на диване и ел колбасу батонами. Каждый вечер, накормив мужа, несчастная звонила мне, и я приводила ее в чувство. Жизнь вокруг кипела и бурлила, иногда создавая иллюзию пребывания в сумасшедшем доме. А я — ждала свою любовь, вглядываясь в новые и новые лица — а вдруг это она?

Приходи ко мне в гости. У меня одна комната — это вселенная. Ты можешь посидеть у большого океана и смотреть на оранжевую луну, можешь босиком бежать по траве, держа на ладони божью коровку, и она не улетит... можешь бродить по улицам незнакомых городов, удивляясь причудливым формам многообразных сущностей... послушать у костра незабываемую музыку сфер. Можешь танцевать, перелетая с облака на облако. Мелкими глотками пить воздух — такого нет на земле. Потрогать любую звезду, которая только зарождается. Я открою дверь и бесшумно отойду... Приходи ко мне в гости...

Как-то раз меня пригласили на одну рублевскую дачу, где среди гостей было несколько моих клиенток. Я приехала позже других, и многочисленные гости огромного особняка были уже порядком навеселе. Несколько молодых дам сразу обратили на меня внимание — я, конечно, выделялась среди них — брюки, легкая рубашка, отсутствие макияжа, да и поведение «не бабское». Стою, внимательно изучаю обстановку. Подплывает ко мне хорошенькая особа, протягивает бокал шампанского: «Пейте!» Я говорю, мол, этот напиток не для меня, предпочитаю что-то более крепкое. Она взяла с подноса бокал виски, вложила мне в руку, оглядела всех присутствующих и, пренебрежительно фыркнув, произнесла обличительный спич, явно дистанцируясь от «всех этих рубляшек»: «Бал-маскарад! Съезд обеспеченных

рублевских бабенок, мающихся от неудовлетворенности и тщательно маскирующих золотые кандалы, в которые закованы своими денежными папиками! Все они хотят одного — секса, но боятся завести любовника, потому что папик даст коленом под зад и оставит без денег, а то и, как сейчас модно, отнимет детей!» Слово за слово, мы вышли на балкон, выпили, и она неожиданно предложила: «Поехали в один клуб? Вы там точно не были!» Сбежать я согласилась с радостью. Приехали в Москву, водитель ее «бентли» припарковал машину у одного солидного здания, обошли его, остановились перед небольшой металлической дверью. Вывески не было — только домофон. Моя спутница нажимает кнопку тонким пальчиком с ярко-красным маникюром. Мужской голос строго произносит: «Домоуправление». Я — ну смеяться, что мы не иначе как ошиблись адресом. И тут она торжественно в этот самый домофон произносит: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!» Пароль у них был такой. Сейчас, наверное: «Мечты сбываются!» Тут дверь открывается, и мы оказываемся на пороге шикарного ночного клуба, понятно, закрытого, только для «своих». «Пароль меняется раз в три дня!» — весело попыталась перекричать музыку моя спутница.

Мы прошли в зал. Сели за столик в самом центре, на сцене заканчивал выступление джаз-банд, в котором солировала длинноногая саксофонистка. Ориентация присутствующих женщин была понятна с первого взгляда, но публика сильно отличалась от расплодившихся в последнее время подобных заведений, где крутились восемнадцатилетние девочки в поисках скучающих дам с деньгами. Посетительницы этого клуба были не столь юны — от тридцати, просто и дорого одеты, с умными лицами и изысканными манерами. Многие сидели парами, где-то по четыре человека, а кое-кто был один, цепким взглядом оглядывая присутствующих и вновь прибывающих. Несколько дам танцевали

у сцены, их движения были настолько красивы, что невольно притягивали взгляд. Мы заказали по порции виски со льдом и начали негромко разговаривать.

История моей визави оказалась простой — гибель мужа-нефтяника в авиакатастрофе, свобода, море раздражающих поклонников-альфонсов и результат — роман с юной киевской красоткой. В результате дитя Украины получило в подарок шикарную квартиру, «мерседес» и личный счет, после чего решило выписать своего жениха из Харькова и отправиться с ним в загс. «А что делать? Что?! — неожиданно всхлинула моя спутница. — В суд на нее подавать, за то, что я, как дура, поверила ей? Чтобы меня все засмеяли?»

Тут меня охватило желание пожалеть бедную рублевскую жительницу, но в этот момент передо мной материализовалась особа неземной красоты — рыжеволосая красотка в обтягивающем великолепную фигуру леопардовом платье. «Можно вас на минутку?» — низким голосом произнесла она, слегка улыбнувшись. Я поднялась с места и сделала в ее сторону несколько шагов. «Да, я вас слушаю?» От нее исходил еле уловимый запах любимых мною «Шанель №5», которые обладают редкой способностью смешиваться с запахом кожи самой женщины, приобретая в каждом случае разный аромат. Я вообще не люблю, когда женщины злоупотребляют, пусть даже самым дорогим, парфюмом. Здесь был не тот случай. «Как вы смотрите, если в среду за вами придет машина? Назовите адрес и время», — с полуулыбкой женщины, которая может купить все, она неотрывно смотрела мне в глаза. «На предмет?» — сыграла под дурочку я. Дама вынула из маленькой сумочки визитку и сунула мне ее в карман рубашки: «На предмет потрахаться».

Я офонарела от такой наглости! Взяла визитку, покрутила, повертела, изображаю, что думаю. Потом ей в декольте визитку пихнула и говорю: «Не получится! Все расписано!»

Вернулась к столику, положила деньги за виски и говорю: «Пойдем отсюда».

В машине оказалась еще бутылка виски, и в результате утром воскресенья я проснулась в огромной, определенно четырехспальной кровати. Скорее всего, на супружеском ложе нефтяника было предусмотрено два места по краям — для охраны. В ту ночь охраны не было, а жаль, может, это бы меня несколько отрезвило. Пока мне готовили кофе, я лежала и размышляла о том, что у большей части рублевских особ своеобразная психология. Многие из них вышли в дамки из моделей, часть — листермановские произведения. Они окунаются в эту красивую жизнь и думают, вот оно, счастье, вот сейчас они будут блистать в обществе, мир будет у их ног! Но тут выясняется интересная подробность — мужья, оказывается, ходят на работу! Причем большинство из них посвящают почти все свое время именно ей — работе! А вернувшись из своих государственных кабинетов, банков, фирм и корпораций, почему-то не проявляют себя в постели половыми гигантами. Вот ведь незадача! А красота, отполированная пластическими хирургами, салонами и личными косметологами, требует признания, в том числе и общественного! Последние коллекции эксклюзивного нижнего белья тоже необходимо кому-то оценить! У женщин вообще есть такая особенность — шикарное белье появляется одновременно с потребностью его оценки кем-то одушевленным. Завести роман? Боже сохрани! А охрана, служба безопасности мужа (иногда целые подразделения в ней берегут супругу босса от неверности), видеокамеры и прослушки на что? И некоторые из дам, перепробовав до замужества многое, приходят к выводу — завести роман с женщиной — высший шик! К тому же, безопасный! Кроме того — эпатажно, да и об измене говорить не приходится! А некоторым мужьям, и их немало, это выгодно, потому как не унижительно и ничем не умаляет их достоинства. И очень

многие сами способствуют тому, чтобы в их домах поселились пассии их жен, замаскированные, как у многих знаменитостей, под экономок, подруг или массажисток.

У меня была одна клиентка, красивая блондинка-модель, которую муж обожал до потери сознания. А она, походив ко мне на консультации, что-то такое просекла и влюбилась, да так, что я не знала, как ее в чувство привести. Обижать не хотелось, она девчонка-то хорошая, а на тормозах такую ситуацию спустить всегда сложнее. И вот однажды ко мне заявился ее муж — тоже чудесный парень, и прямо заявил, что его жена без меня жить не может, а он не мыслит свою жизнь без нее, но мужчине ее, понятное дело, не отдаст никогда, поэтому предлагает переехать к ним в особняк, мне будут выделены свой водитель, содержание и прочее, главное, чтобы я была рядом с женой. Я засмеялась: «Вы вообще понимаете, что говорите?!» Еле его отправила из квартиры, а когда вышла на балкон, увидела сидящую на скамейке у подъезда модель, какую-то маленькую, жалкую, растерянную, скрючившуюся в ожидании. Вышел муж, она вскочила, подбежала к нему, он головой покачал, она ему в плечо уткнулась и разрыдалась. А он по голове ее гладит, шепчет что-то... Так мне на душе тяжело стало, не передать!..

...Лежу я, значит, в этой огромной кровати, вспоминаю все это, размышляю, и тут входит мое ночное приключение в немыслимом наряде, как там у женщин эта штука называется — полупрозрачная с кружавчиками, не помню, что-то французское... Пеньюар. Точно — пеньюар! Вот в нем она, значит, wpłyвает, кофе на подносике, садится на край кровати, томно смотрит, и говорит: «Поехали в Испанию? У меня там дом. Поехали? А хочешь в Париж?» Черт, в Париж-то я всегда хочу, тем более, я там еще ни разу не была, но я вида не подаю, говорю, мол, сейчас кофе выпью и удалюсь восвояси. И вот тут меня уже окончательно такая тоска взяла за горло! Так захотелось встретить

ее — единственную, на всю оставшуюся жизнь, в которой сконцентрировалось бы все самое лучшее, изысканное и сумасшедшее, что только может быть в женщине!

Не бойся заблудиться во мне, этого я не боюсь. Не бойся остаться одной на распутье духовных дорог. Я тебя поведу... Не бойся чужих городов, незнакомых движений лица. Это другая страна. Я тут живу... И ты была здесь когда-то... Ну где же ты?..

Я продолжаю работать, принимаю людей, общение мне всегда интересно. Новый человек — новая книга, а читать я всегда обожала! И тут Мария, видимо, почувствовала, что в нашей квартире мне становится тесно, и меня начал манить воздух свободы. Ей-то было очень комфортно — она бегала на свидания с Люсей, я зарабатывала деньги, покупала продукты, вещи, технику, с Антошкой возилась в редкое свободное время, а она жила себе, не обремененная обязательствами и работой. Стихи писать стала реже, попивала потихонечку. После очередного воспитательного разговора с ней я тихо слиняла к Алене, которая вместе со своей дивной мамой приютили меня на время в их загородном доме. Думаю, она тогда очень любила меня, заботилась, оберегала мой сон, мы были хорошими друзьями. Она была славная, но время от времени баба, сидящая в ней, переигрывала женщину. У каждой в этом плане свой баланс, однако женщина, в которой очень мало от бабы — большая редкость. Мелкие интрижки, осуждения

других, сплетни и оговоры — это прерогатива баб. Женщины — выше этого. Они обладают даром быть снисходительными к чужим слабостям и недостаткам. А снисходительность — признак силы.

Мария, выждав неделю моего пребывания у Алены, вышла на поиски. Через несколько дней я почувствовала себя участницей детективного сериала. Выйдя из проходной поликлиники, сразу заметила за собой «хвост» в лице невысокого мужчины в сером пальто. Пальтишко явно было не по сезону — тонковато, — а на улице уже свирепствовала зима. На третий день число участников наружки увеличилось вдвое. Я решила не выдавать своего приюта и запутать следы. В тот холодный вечер я умотала их настолько, что, зайдя в кафешку и заказав две порции пельменей, через десять минут увидела их за соседним столиком выгребаящими мелочь из карманов — Машка явно обошлась без аванса. Я развернула кубик масла, бросила в дымящиеся ароматные пельмени, и жестом пригласила бедолаг за свой столик. Они растерянно огляделись по сторонам, убедившись, что я зову именно их, и неуверенно приблизились ко мне.

«Мужики, я так понимаю, что в некоторой степени ответственна за ваше здоровье, поэтому, — я бросила взгляд на их красные с мороза лица, — предлагаю согреться!» — и кивком указала на стоящий рядом графинчик с водочкой, предусмотрительно заказанный мною десятью минутами ранее. «Мы на работе не пьем!» — неуверенно промычал тот, кто постарше, а его напарник в этот момент со всей силой надавил мне под столом на ногу, явно перепутав наши со старшеньким конечности. Я, проявляя мужскую солидарность, исправила его оплошность со всей силой жертвы частного сыска. Намек был понят правильно и вскоре, под общее веселье, я заказала второй графинчик и еще три порции пельменей. Вечером следующего дня,

выйдя из поликлиники с парочкой врачей, с которыми успела подружиться, я уже не заметила своих новых приятелей. Но меня ждал сюрприз. Оживленно разговаривая, мы свернули за угол и... наткнулись на Марию. Не теряя времени, поэтесса бухнулась на колени, крепко обхватив меня за ноги. Врачи остолбенели. Я позеленела. «Умоляю, вернись! Я не буду тебе изменять с Люсей!» — проорала хулиганка, явно оценив боковым зрением оказанное ей многочисленными прохожими внимание. Я дернула ногой, попытавшись освободиться из ее цепких объятий. Но не тут-то было! «Чего стоите?! — гаркнула несостоявшаяся актриса на любопытствующих субъектов. — Это мой муж! Валите отсюда!» Народ охнул. Завидев проезжающую мимо машину, я быстро махнула рукой и, запихнув туда Машку, села рядом. Всю дорогу мы не проронили ни слова.

Войдя в квартиру, я сразу наткнулась на гаишника. «Ба, какие люди! — радостно хлопнул он меня по плечу. — Ну и какого хрена ты нас оставила одних на растерзание этой...» — он выразительно кивнул в сторону прихожей, где Мария старательно снимала сапоги. Распахнулась дверь, и мне на шею с радостным криком бросился Антон. «Приехала! Ура! Пойдем скорее в нарды играть!» Я зашла в нашу комнату, которая удивила идеальным порядком. Мы устроились за столиком и начали играть — предложение ребенка оказалось весьма кстати. Мария вошла, как-то бочком, осторожно продвигаясь вдоль стенки, словно обходя невидимую лужу, разлившуюся по полу, и села на диван, поджав ноги.

У меня душа тобой простужена.

Занежена, Завьюжена душа.

Наши дни с тобой —

Разорванное кружево

На дрянном пиру,
Где молят и грешат... —

томно произнесла она, глядя на потолок. Я не пове-
ла бровью. Поиграв, покормив и уложив спать Антона я,
по-прежнему молча и под пристальным вниманием Марии,
взяла с полки Брэдбери и устроилась в кресле у торшера.

У меня лишь одна надежда:
Завтра голос твой станет нежным.
У меня лишь одна награда:
Наши слезы и снегопады.
У меня лишь одна тоска:
Седина твоя у виска... —

проворковала злодейка нежным голосом.
Через пару часов, перекусив на кухне глазуньей, я посте-
лила себе раскладушку и легла, погасив свет.

Уже светает. Час Быка.
Я на пороге одиночества, —

доверительно сообщила мне темнота голосом Марии.

Какая на сердце тоска!
Мне так побыть с тобою
Хочется...
Сама себе, своей рукой
Я отмеряю шаг последний.
Никто не скажет мне: «Постой!»
Лишь ужас леденит колени...

Я начала трястись от смеха. Всплыла сцена на улице,
изумленные лица прохожих при крике: «Это мой муж!»

Валите отсюда!», Машкина жалостливая физиономия, стихотворные стоны — все это вместе вдруг предстало совершенно в другом, умирительном свете. Уткнувшись в подушку, я расхохоталась, стараясь не разбудить Антона. Через мгновение Мария оказалась сидящей на краю моей постели. «Не плачь! — снисходительно погладила она меня по голове. — Не плачь, дурачок! Я от тебя никуда не денусь». И вот тут мой смех плавно перешел в рыдания...

Утром я обнаружила, что мой паспорт пропал.

«Можешь не искать! — заявила поэтесса. — Паспорт у меня. Чтоб больше не сбежала!» Я усадила ее на диван. «Послушай. Я хочу уйти. Не сбежать, а уйти», — начала я. «Уйти?! А деньги?» — возмутилась Мария. «Какие деньги? Пока ты не найдешь работу, буду помогать, чтоб Антон с тобой с голоду не помер, а...» — «Нет! — оборвала меня поэтесса. — Деньги, которые я тебе тогда дала, помнишь? Заплатив твой долг. Да, я понимаю, что все эти годы ты нас содержала и теоретически выплатила мне все с огромными процентами, но для меня и для Люси этот вопрос принципиален. Пребывание со мной для тебя рабство? Так заплати, чтобы стать свободной!»

Я молча смотрела на нее. Близкий человек, в чем-то родной, с которым связано не только плохое, но и хорошее. Что с тобой, девочка? Я-то заплачу, чтобы, как ты говоришь, стать свободной. Но ты уже не будешь свободной никогда. На чаше весов деньги перевесили все. И это будет мешать тебе жить. Потом, когда одумаешься. По ночам, когда не будет приходиться сон. В тишине, когда будешь вспоминать, неожиданно для себя, все хорошее, что нас связывало. Ты сделала это под чьим-то влиянием? Сгоряча? Значит, ты уже не свободна. Мне жаль тебя...

«Хорошо», — кивнула я и вышла из квартиры. Я верну ей деньги. Во что бы то ни стало.

Усталость от бессмысленности общения, от невозможности донести, помочь, объяснить. Это тяжело для меня. Для человека, прошедшего через комнату смеха в аттракционе жизни. Раньше у входа в каждый парк была комната смеха. Тыходишьтуда, и много зеркал ждут тебя, чтобы развлечь. Но это — иллюзия. Это они смеются и сами развлекаются, играя с тобой. Амальгамные сферы погружают в свой скрытый парадоксальный мир, выворачивая наизнанку, срывая маски всех смехотворных миров человека, боящегося образа и подобия, которое он представляет. Пройдась мимо зеркал, мне было грустно. Я давно их видел, свои маски. Не пройдя лукавого, не достигнешь Бога. А там, высоко — недостижимая матрица незнания...

В течение дня я обзванивала всех знакомых и друзей и собрала всю сумму. Друзья давали просто так, знакомые — под проценты. Я была согласна на все. Придя домой, собрала свой небольшой рюкзак. С чем пришла — с тем и ушла. Скользнула взглядом по полкам — книги заберу потом. Сейчас главное — вырваться отсюда. Вошла Машка, молча посмотрела на мои вещи и произнесла дрогнувшим голосом: «Что это значит?» Я положила деньги на стол: «Считай и пиши расписку». Она помолчала.

«Здесь вся сумма? Я не буду считать. Я тебе верю», — она какими-то замедленными движениями сложила лист

бумаги пополам и неторопливо вывела своим аккуратным почерком: «Получено... в сумме... претензий нет...»

Я быстро засунула расписку в карман. Меня слегка подташнивало от происходящего... «Давай паспорт!» — протянула руку я, не глядя на нее. «Паспорт?! — вдруг закричала она, подбоченившись. — Ты меня правда бросаешь? Это из-за Люси? Из-за денег? Из-за чего? Да я... да ты... — она захлебывалась эмоциями, покрываясь красными пятнами. — Рюкзачок она собрала! — Схватила мой рюкзак и бросила в угол комнаты, поддав его ногой. — Фиг тебе, а не рюкзачок! Ботинки надеть хочешь? Это я тебе их на Новый год подарила! Они мои!» — вцепилась она в ботинки, подхватив их с пола. Я пожала плечами и вышла за дверь, оставив висящую на вешалке около Марии куртку. Шел сильный снег. Прохожие оборачивались на меня — без верхней одежды, в тапочках неспешно ступающей по нерасчищенному тротуару. А куда мне было спешить? Прийти в таком виде — раздетой, без вещей, без копейки денег к дочери, к которой я всегда приходила бодрой, веселой, с сумками, полными продуктов? Нет, это было исключено. К Алене, в загородный дом у черта на рогах? Пока доберусь — околею. Снег шел все сильнее и сильнее, ветер усиливался, идти становилось все сложнее, и это придавало мне сил. Я всю жизнь не боялась ветра в лицо...

Через некоторое время я зашла в небольшое кафе у «Детского мира». Огляделась в поисках телефона.

«Чем-то могу помочь?» — улыбнулась барменша за стойкой. «Да, можно от вас позвонить?» — улыбнулась я, оценив ее очаровательную мордашку. Но кому звонить? И тут я вспомнила об Андрее. Это был муж одноклассницы нашей кудрявой «разлучницы», вышедшей замуж за Леночку, которая превратилась в Василия. Андрюшка с женой были изумительными ребятами, из редкой категории тех, которые становятся близкими и родными вмиг,

при первом взгляде. Мы встречались всего несколько раз, но в тот момент я подумала именно о нем, и знала, что не ошибусь — мы с ним были одной крови. «Андрюш, я убежала. Окончательно. Как тебе друг в одних тапочках и без паспорта? Примешь?» — весело сказала я, стараясь не привлекать внимания. «Стой где стоишь! Я сейчас! Ты где? — прокричал он, проговорив в сторону: — Совещание окончено, остальное — завтра». Назвала адрес, положила трубку и направилась к выходу, чтобы подождать на улице, не мозоля посетителям кафе глаза. «Эй, выпить хочешь?» — окликнула меня барменша. Я весело развела руками. «Бог с ними, с деньгами! Угощаю!» — она взяла бокал и налила водки. Через мгновение спасительное тепло разлилось по телу. «Пей, пей! — она подлила еще и мечтательно улыбнулась. — Да-а... вот так уйти — в тапочках, без вещей, по морозу... а мы все со своим мужиком имущество делим... может, правда, ну его, а?»

Андрюшка застал меня в кафе, сидящей за стойкой с бутербродом в одной руке и рюмкой в другой рядом с барменшей, смотрящей на меня влюбленными глазами. Посетителей уже не было. «Вот смотрю на вас, и чувствую, что прямо так вас полюбила, так полюбила, сама не знаю почему...» — ворковала девушка. Андрей обеспокоенно посмотрел на нас, взял меня за руку, строго произнес: «Пойдем от греха подальше!» и положил на стойку несколько купюр. «Ой, что вы, что вы! Не надо! Может, еще увидимся...» — мечтательно потянулась она. «Не увидите! — скорбно сообщил Андрей, подталкивая меня к двери. — Она сегодня улетает. В Африку!»

Вечером этого дня я лежала на маленькой кухне двухкомнатной квартиры Андрея, жена которого, очаровательное создание по имени Ева, постелила мне постель у окна, и смотрела на ночное небо. Все надо начинать сначала. Что ж. Мне не привыкать... Прожить за одну жизнь несколько

жизней — разве это не здорово? Вот, встречу ее, родную, единственную и навсегда, и это будет моей наградой за терпение. А сейчас — спать... спать навстречу завтрашнему дню...

...Падает неслышимый снег. Пахнет чудесным ароматом будущей весны. Я иду спокойно и упрямо. Вслед за твоим силуэтом. За твоим дыханием. Я иду за своим дыханием. Как нелеп и бессмыслен этот ход. Ты — не остановишься, не взглянешь, не улыбнешься непорочной улыбкой страсти. Как Агасфер — я буду ходить за тобой: мгновения, тысячелетия. Не желая ускорить шаг, не желая приблизиться. Я просыпаюсь. Это всего лишь сон. Как прекрасно недосягаемое...

Утром пришлось отменить консультации, потому что необходимо было решить чисто технические и бытовые вопросы, а вечером мы устроили на кухне совет в Филях, чтобы определиться, где мне теперь жить. Очаровательный Гамба — рыжий риджбек хозяев, смешно морща лоб, устроился у моих ног, время от времени забавно поднимая голову, словно прислушиваясь, не нужна ли еще и его помощь. Ребята, которые с того времени остались моими самыми близкими друзьями, предлагали жить у них, но представить себя в небольшой квартире с их маленькой дочкой и огромным псом было уже вершиной бесцеремонности. Но тут неожиданно и очень кстати позвонила одноклассница Евы, та самая незабвенная «разлучница». И через два дня я уже

поселилась в квартире ее матери, в которой был устроен их риелторский офис. Маленькая двухкомнатная квартира в центре Москвы, в большой комнате которой находился офис, а в маленькую, как пенал, была втиснута моя кровать. Клиенты, привыкшие приходить ко мне, стали проситься на прием, обрывая мобильный, один из них пришел в мое новое пристанище, затем другой, и неожиданно выяснилось, что сюда, на эту никому неизвестную кухню с радостью повалили все посетители блатной поликлиники, их родные, друзья и знакомые. Сарафанное радио — великая вещь. Всех устраивало отсутствие официальности, посторонних глаз и, самое главное, ушей.

Правда, соседи не могли не заметить моего появления, потому как приезды некоторых особ сопровождалась повышенными мерами безопасности, оцеплением подъезда к дому, охраны на каждом этаже и прочими прелестями, но многие вскоре тоже стали заходить ко мне на огонек, пригрелись и напряжение быстро спало.

Шло время, весна сменила зиму, лето — весну... С риелторами мы быстро сроднились — ребята были замечательные: Алешка, я его звала «Котик» за почти неприличную для мужчины красоту, небесно-голубые глаза и мягкие манеры обращения с женщинами, Юлька — милое существо с огромными глазами, которыми невозможно было не любоваться, и собственно идейный вдохновитель и руководитель — «разлучница», которую в миру звали Манечкой. В свободное время я бегала в магазин, покупала продукты, варила обеды и кормила ребят, часто засиживающихся за полночь, выслушивала их проблемы, помогала, иногда пугая день и ночь от бессонницы. Манечка платила матери деньги за аренду квартиры, поэтому с моим появлением это стало проще — я взяла на себя половину расходов. Самое сложное было заполучить обратно мой паспорт. Мне не хотелось стрелять из пушек по воробьям, поэтому

я сделала это через Люсю, которая просто вынесла мои документы и самые ценные книги в отсутствие Маши. Все потихоньку наладилось, я постепенно выплачивала долг, который тем не менее как-то не очень уменьшался из-за процентов. Звонил вдруг кто-то из тех, кто меня выручил — срочно нужны были деньги обратно. Я перехватывала в другом месте, тоже под проценты, одному отдавала, другому становилась должна... Вроде бы работала много, на себя вообще, как всегда, денег не тратила, а долг уменьшался очень медленно.

Однажды ко мне обратилась знакомая с просьбой принять ее соседку — молодую особу, которая мечтала со мной заниматься. К тому времени у меня были уже две ученицы — очень толковые девочки, и я не хотела увеличивать их число, но принять девушку согласилась. И вот как-то вечером на пороге квартиры появилась невысокая молодая женщина Вета — с длинными темно-русскими волосами и милыми глазами. Прошла на кухню и грациозно опустилась на стул, явно отслеживая все свои движения и жесты. Но вскоре, слово за слово, это прошло. Она расслабилась, начала что-то оживленно рассказывать, даже спорить со мной, смеяться над моими шутками, и нам стало казаться, что мы знакомы очень давно. Надо сказать, при общении со мной создается такая иллюзия. Я просто никогда ничего не изображаю и не играю с людьми, предпочитая оставаться естественной. Людям же очень часто не хватает энергии добра, тепла и внимания, а у меня всего этого — навалом — и энергии, и тепла, и добра, просто неиссякаемый источник, всему миру могу помочь! Изучая психологию, поняла — я не приемлю психологии философствования. Качественная психология должна иметь фантазийность, без предвзятости и косности. Она не должна быть книжной. Большинство психологов как делают? Вот, допустим, конкретный человек таким-то образом выражает свои мысли,

описывает свои состояния, так говорит, так смотрит, так депрессирует — значит он «такой-то». Другой человек приходит — у него точно такие симптомы, значит, он — такой же. А это категорически неправильно. Безусловно, систематизация нужна, но специалист должен понимать все нюансы особенностей каждого конкретного человека, его образ жизни, мировоззрение, характер — это же огромная картотека индивидуумов! Надо сказать, давать людям веру в себя, интерес к жизни, не только к своим личным, но и глобальным проблемам — огромное удовольствие! Восстанавливаться после работы мне никогда не надо было, потому что у меня какой-то прямой поток сверху, сколько убыло — столько и прибыло.

Так вот, о девушке. Стала она ко мне ходить на занятия, с тетрадочкой, старательно все записывала, умница была — как губка все впитывала, вопросы интересные задавала. И вот примерно через пару месяцев знакомая пригласила меня, Вету и еще несколько человек к себе на день рождения. Жарили шашлыки, пили пиво, танцевали, веселились, кто как мог. И тут «ученица» уселась рядом со мной на качалке, протянула ладонь и говорит: «Посмотрите, вы же разбираетесь в хиромантии? Что там у меня?» Я смеюсь, что все эти хиромантии и астрологии — не мой профиль, а она настаивает. Взяла ее ладонь. Изучаю. Народ в дом подался — комары кусали, мы остались вдвоем. И тут я чувствую, что-то не то происходит — Вета смотрит на меня, не отрываясь, и в глазах плещется своеобразное внимание... Я улыбаюсь: «Все у тебя там нормально, не волнуйся!» и быстренько поднимаюсь с места. А та подходит ко мне близко-близко и говорит: «Странно, очень странно... удивительно... у вас такие потрясающие непонятные мужские энергии!» — поворачивается, быстро идет к машине и, ни с кем не попрощавшись, уезжает.

Пару дней после этого она не звонила, а вечером воскресенья вдруг приехала. Входит, тихая такая, нарядная — хотя жила ее простая семья небогато, одевалась Вета всегда со вкусом. Проходит в комнату. «Какое красивое в этом году лето! — произнесла тихо, прикрывая распахнувшуюся от сквозняка створку окна. — И не верится, что наступит осень, правда?» Она обернулась. Смятение чувств захлестнуло меня. Вдруг эта девушка — та, которую я ждала всю жизнь? Та единственная, которая мне послана небом? А я сейчас упусти ее, как испуганную птицу, и уже никогда не смогу ничего исправить? Порыв ветра снова распахнул окно. Занавеска дернулась, окутав ее фигуру воздушным полупрозрачным шлейфом. В это мгновение она показалась мне воплощением мечты... И я сделала шаг ей навстречу...

Веселый солнечный зайчик выпрыгнул из циферблата твоих часов. Маленькое отражение солнца скачет по тротуару. Бездумное лето накрыло нас с головой. Твое веселье — веселье ребенка, заразительно и красиво. Аромат бесконечности — твое дыхание... Тебе неизвестна грусть, тебе неизвестны тревоги, пока ты со мной. Это лето — подарок тебе. И ни к чему тебе знать, что чувствую я, какая печаль приближения осени овладевает мной этими жаркими, сухими ночами недолговечного лета. Ни к чему тебе знать, как из далекого далека я смотрю на тебя... Тысячи лет лежат между нами. Я сделаю тебе еще один подарок — самый дорогой и нежный. Ты за-

будешь меня — но не это лето. Так надо тебе... Трудно земле жить с небом...

Прошло несколько месяцев. Жизнь наладилась, правда, пришлось потратить много сил на то, чтобы убедить дочь в том, что она не должна уговаривать меня переехать к себе. Бабуля к тому времени умерла, оставив о себе самую светлую память. Девочка, закончив институт, стала жить самостоятельно, я же, со своим сумасшедшим расписанием и постоянным потоком людей в любое время дня и ночи, просто сделала бы невозможной ее личную жизнь. У нас с ней были замечательные отношения, без лишних «усипуси» и постоянного присутствия в жизни друг друга. Иногда, смеясь, она называла меня «папочка» и всегда была благодарна за то, что я подарила ей жизнь и красоту, устроила быт, помогала деньгами, но главное — она всегда знала и, надеюсь, знает, что я люблю ее и в случае необходимости всегда приду на помощь — днем, ночью, и даже — во сне...

С Ветой тем летом мы виделись часто, она приходила после работы, по-прежнему старательно впитывая всю информацию, которую я ей давала. Умная девочка с холодным сердцем, именно такие добиваются многого, зная, чего хотят. Мои риелторы ее не жаловали, возможно, ревновали, и все больше погружали меня в свою жизнь. Безусловно, иногда мне хотелось побыть одной, отключиться от чужих проблем, но обстановка в офисе, где я жила, этого практически не допускала. Маня могла прийти туда после полуночи, поработать, а затем на несколько часов нагрузить меня своими личными проблемами по полной программе, а с раннего утра ко мне уже приходили люди, и спать порой приходилось по два-три часа. Если вообще получалось. И тут на помощь приходила Алена, которая решительно приезжала

за мной и увозила к себе за город, где я могла отсыпаться, как младенец — чего я была лишена у риелторов, — приходить в себя и мечтать.

Вот так мечтала я, мечтала, и пришла к выводу, что с этим пора завязывать — уж больно несбыточной была эта самая мечта.

Когда вступила страсть в свои права, чужая женщина купалась в иллюзии моей любви. И ей хватило тех мгновений, чтобы понять меня, услышать. Но горькая морщинка на губах появилась так скоро. Она ходила и шептала какие-то слова. И незнакомы мне были эти звуки. Ни радости в них не было, ни дна... Чужая женщина хотела всего меня... С душой и сердцем, с незнакомым миром, с той тихой яростью, что есть во мне. Она не понимала, что ей не стать тобой, что никому тобой не стать. Мелькали уверенья, любви бессмысленный поток... Бесследно, незаметно ушла чужая женщина, как плитка шоколада, когда хотелось лишь воды глоток. Твое лицо — во мне осталось...

То, чего я хотела — практически не могло существовать — в силу противоречий. Потому как напридумывала я, что в женщине моей мечты должно сочетаться несочетаемое: черное и белое, дикость и нежность, добро и зло, покой и страсть... У меня было много женщин, и все они по-своему

были интересными — и внешне, и внутренне. Но всякий раз чего-то да не хватало! Мне как мужчине нравились умные женщины с нестандартной психикой, взрывные, эмоциональные, способные на неожиданные поступки, непредсказуемые, но при этом у них должна была быть какая-то космическая, неземная красота — не стандартная сусальная, а именно неземная, та, которая идет изнутри и которую невозможно приукрасить никакой косметикой и пластической хирургией.

Попробуйте представить себе, что вы входите в очень красивый лес, с прекрасными ароматными цветами, изумрудной травой, иногда мимо проходят какие-то звери, но они не приближаются, а неслышно исчезают в лесных зарослях. Вы идете по лесу, вам хорошо и уютно на душе, но появляется вполне объяснимое любопытство: «А что же дальше? Где сердце этого леса? И каково оно?» Неожиданно вы выходите на опушку с уродливыми деревьями, а рядом — неприятное, грязное озеро, которое уже почти высохло, и на дне его — мусор и мертвые тушки мелких животных. Здесь уже ничего не может быть. Все умерло. Это озеро никогда не оживет и не станет другим. К сожалению, такая безобразная и бесплодная сердцевина скрыта в тайной глубине многих женских душ.

О чем же мечтала я? О... Когдаходишь в лес, и удивляешься: «Да вообще лес ли это?!» То ли саванна, то ли горная местность, то ли роща со странными деревьями, красивыми и некрасивыми, высокими и низкими, появляются поляны с невиданными странными цветами всех оттенков радуги, и снова возникает знакомый вопрос: «А что же дальше?» И вот, когда вы идете уже довольно долго, деревья неожиданно расступаются и перед вашим взором возникает потрясающий пейзаж, как сказочный сон или мираж, которого нет, не было и не будет никогда и нигде в этом мире. А в центре — огромное озеро с чистой водой, тихое

и спокойное, но только на первый взгляд, потому что каждую минуту из его недр раздается странный рокот и начинаешь понимать, что в нем дремлют десятки гейзеров, готовых вот-вот взорваться клокочущими горячими фонтанами. Красота, которая предстает перед вами — неопишима и непередаваема, и уйти из ее плена — немыслимо и невозможно, даже покинув этот бранный мир...

И однажды Алена показала мне фотографию. «Посмотри, с кем я познакомилась! Такая женщина, умная, тонкая, красивая... Прямо до сих пор под впечатлением!»

Я взяла в руки фото и меня пронзила странная радость. Это была она — мечта, пришедшая с небес. Женщина со сказочным озером в душе...

Обычно ведь как бывает? Мечтает человек, мечтает о чуде, а потом ему сверху спускают некий компромисс — мол, полностью того, о чем ты мечтал, сотворить не смогли, так что получай нечто похожее. Ты смотришь, и, почесав затылок, соглашаешься: «Ну да, в принципе я примерно об этом и мечтал!» И это касается не только встреч с каким-то человеком, но и событий, которых ждешь всей душой. А там, наверху, наблюдают за нами и смеются: «Надо учиться лучше формулировать задачу!» Здесь же было даже больше того, о чем я мечтала, и это можно было понять сразу, в первые секунды. Лицо необыкновенной красоты, энергетика, взгляд, самодостаточность... и в то же время какая-то странность. Словно человек сам не понимает, что он представляет собой на самом деле, что приводит к своеобразному несовпадению внешнего и внутреннего. И взгляд, который невозможно забыть или спутать с каким-то иным взглядом.

«Познакомь!» — вцепилась я в Аленино плечо. После долгих ожиданий был назначен день встречи на нейтральной территории. Никогда в своей жизни никого так не ждала. Я боялась ошибки, флера, окутавшего реальность. Я металась по балкону, как тигр, курила одну сигарету за другой.

Наконец я увидела ее. Она была безгранично очаровательна, и это была именно она... В чем я убеждаюсь каждую минуту и сейчас.

Семь цветов радуги — маленький спектр той огромной палитры, что я вижу в тебе. Эти цвета есть в других измерениях, но не здесь. Как удивительно, что это не все видят. Тебя любят. И что в этом кроется? Спрятавшись в гуттаперчевом шаре чужих желаний, ты тратишь время. Оно уплывает сквозь пальцы, оно уходит в ничто. Не забывай меня в чужих объятиях, мой взгляд, ласкающий тебя легким ветром, прикосновение — одно, но настолько большое, что кощунственны слова. Фиолетовое марево сдерживаемой страсти. Может быть, тебе станет легче, может ты станешь сильнее. Может, ты увидишь себя моими глазами, и прекрасное одиночество знания не испугает тебя, потому что у тебя есть я... есть так близко... рядом...

Тайная грусть и неповторимая изысканная нервозность сквозила в каждом движении, в каждом взгляде. Дикая, сдерживаемая, как в атомном реакторе, сексуальность и странное внутреннее одиночество покоряли воображение. Подлечившись известным русским безотказным лекарством я, естественно, осмелел, и полностью, насколько было возможно, прокололся. В смысле — прокололась.

Я часто начинаю говорить о себе в мужском роде. Это у меня еще в детстве бывало. Помнится, матушка потащила к зубному врачу, пообещав: «Дашь себе зубик полечить — встанешь с креслица — сразу же будешь мальчиком!» Я мужественно терпела, сопела, с кресла слезла — бегом к зеркалу. Другого способа быстро проверить, состоялось ли чудесное превращение, тогда еще не знала. Вижу — никаких изменений. Губы поджала и решила: «Но я-то знаю, что я — мальчик!»

Вот и сейчас иногда прихожу куда-нибудь и с порога режу правду-матку: «Извините, опоздал!» Или в магазине могу заявить: «Я хотел купить баранины, а у вас ее нет!» Варианты сказанного различны, вариантов изумленной реакции людей на сказанное — нет. Без вариантов.

Прокололась я, значит, и в ужасе начала что-то рассказывать, чтоб как-то отвлечь внимание. А она смотрела на меня, как на экспонат, неведомый доселе — с искренним любопытством и с некоторым недоумением. (Этот взгляд я и сейчас ловлю иногда.) При этом я совершенно забыла, что она успешно замужем!

Такое было со мной впервые. Как, впрочем, все с этой женщиной, как выяснилось, впервые. Я познала, что такое унижение, высочайшее чувство любви, боль, которой нет названия и определения, необъяснимую печаль и счастье, переполняющее до краев все мое существо...

Так же впервые я стала забрасывать свою любимую эсэмэсками. Она даже выписывала их в блокнот, перечитывая время от времени. Кстати, однажды мне позвонила сотрудница одной сотовой сети, которая сказала, что чтение моих посланий помогло ей пережить расставание с любимым. «Простите, а вы кто — мужчина или женщина?» — поинтересовалась она. «И то и другое!» — рассмеялась я.

Конечно, редчайшее явление — на гранях времени встретить то существо, чье появление практически невозможно.

Дело не в двух половинках — это банально. Дело не в идеалах — идеалы меняются со временем и ситуациями. Дело в личностных, странных пристрастиях. Я никогда не встречала человека, сотканного из абсолютных противоречий. Я не видела женщины до умопомрачительности прекрасной и восхитительной, которая не понимает, насколько она умопомрачительна; нежной и грубой, бестактной и одаренной высочайшим пониманием такта... Не встречала женщины, в которой собраны все нелепости, которые можно только себе представить! Нелепости, вкупе создающие абсолютную гармонию. Пикантность образу придает еще и мудрость ребенка, зрелость внутреннего мира и очаровательная наивность. Банальные женские пристрастия, диеты, бесконечные натягивания образа, созданного не ею, только умиляют. Эта женщина не имеет образа, она — прекрасная стихия!

Я не хочу и думать о ее многочисленных поклонниках, окружающих ее всю жизнь, бьюсь об заклад — ее до конца никто не понял... даже человек, который был столько лет рядом... Человек, которому безумно повезло в жизни, и который, тем не менее, постоянно норовил воспитывать ее и перекраивать под свои мерки и представления. Забавно — он не понимал, что она — сама природа, а попытки покорить ее всегда терпели и будут терпеть фиаско.

Словом, передо мной была моя мечта — дитя небес. Я пропала. Долгое время я кружила над ней, удивляя и настораживая, и каждый прожитый без нее день говорил мне, как быстро уходит время и как глупо мы его теряем...

Я сижу у открытого окна. Чудесный тихий вечер, бездумный и легкий. Напротив много домов, весело и равнодушно светятся окна, множество окон. Только одно окно

в доме напротив, на последнем этаже, никогда не светится. Я много дней ждала, каждый вечер ждала. От этого темного проема веяло странной печалью и пустотой. Я придумывала разные истории, фантазировала и ждала. Но оно было безмолвно и безлико. Выпавшее из времени окно. Я медленно достаю бинокль прошлого из запыленного ящика несбывшихся желаний. Калейдоскоп ярких, глубоко запрятанных картинок обжигает память. Прекрасные ошибки, нелепость счастья, боль и хаотичность ощущений. Множество лиц — попутчиков и друзей, любимых и чуждых. Снова и снова пробегаю пути этих долгих лет. Как многое хотелось бы изменить. Для чего, для кого это было? Бездонная безвозвратность — мощное начало для нового, непостижимого, для ожидания чуда. И я опять жду — но уже знаю, чего. Я не хочу любить человека — свое отражение и быть чьим-то отражением. Не хочу одновременности и обыденности понимания, не хочу кровности и родства, банального перестука сердец, затертости слов и ассоциаций. Наверное, ничего этого не хотеть — значит хотеть всего! Немота рождения и смерти, пик дикой страсти и тишейшей любви, соприкосновение начала и конца, что суть — бесконечность, ее можно перекрыть за один день. Но так хотелось бы долгого. Целую жизнь. Стряхнув как пыль, воспоминания, я вдруг поднимаюсь и решаюсь пойти туда, где окно. Странная интуиция влечет меня.

Ощущение завершенности, как магнит. Вбегаю по лестнице, как на эшафот, и близость звезд захлестывает горло. Я знаю, я знаю, что ты там, и мне все равно, кто ты и что ты такое! Дверь приоткрыта, и я переступаю порог. Ты у темного проема окна — огонек сигареты, лицо в полутьме, на котором печать расставания с прошлым. Удивление и испуг. Я стою, опустив руки, нелепо и прямо. Тысячи скрипок играют мелодию белой нежности во мне. Ослепляют и скидывают навзничь перед тобой. Сотни прошлых жизней и тебя в них. Только тебя. Ты что-то говоришь, удивленно и волнуясь. О чем-то спрашиваешь, но я не слышу, не вмешаю. Меня накрыло безумной волной счастья и радости. Ты замолкаешь и прикрываешь глаза рукой. Одиночество знания овладевает мной, но я улыбаюсь и говорю обычные слова, шучу, курю, говорю о пустяках. Отблески дежавю мимолетно мерцают в твоих глазах и быстро гаснут. Наверное, так и надо. Мне надо включить свет, родиться и умереть с тобой, вновь и вновь... и ничего иного...

Сначала ее пугала нестандартность наших отношений. Меня стыдили! Это было непостижимо. Всегда жила как хотела, и никто и никогда не осуждал меня за своеобразный образ жизни. Наверное, еще и потому, что я автоматически отсеивала людей, неспособных понять. Меня всегда изначально воспринимали как личность, не задумываясь об интимной

стороне моей жизни. Были женщины, которые были моими, о наличии у них мужей не было и речи. Я понимала ее духовную связь с мужем и привычку к определенному образу жизни. Высокопоставленный муж, жизнь между двумя странами... Это ведь тоже любовь — не разрушать жизнь любящего.

Однажды я сказала ей: «Когда вижу тебя после даже небольшого перерыва, в первый момент у меня мурашки по телу бегать начинают!», а она засмеялась: «Что еще за мурашки?! У тебя должна быть только одна мурашка — это я!» И все. К ней прилепилось это имя, которое удивительно ей подходит: «Мурашка». Кроме всего прочего, меня поражает ее способность делать сразу невероятное количество дел: говорить по телефону, иногда сразу по двум линиям, читать книгу, бросая взгляд в телевизионный экран, вслушиваться в мой разговор по мобильному, быстро записывать внезапно всплывшие в памяти планы на следующий день, комментировать статью в журнале, просто лежащем на столе — и все это в одно и то же время. Кроме этого, у нее есть загадочное свойство быть сразу в нескольких местах. Допустим, я вижу ее выходящей из кухни с цветочной вазой, одновременно она же выходит из комнаты с молотком в руке, при этом стук этого самого молотка раздается откуда-то с балкона. У нее изумительный врожденный вкус, которому может позавидовать любая женщина. Она может, открыв дверь ключом, всплыть в квартиру в изысканном платье в облике кинодивы, в мгновение буквально взлететь на стол с видом озорной девчонки, чтобы я могла лучше рассмотреть ее новые туфельки, а еще через минуту — небрежно сбросить и туфельки, и платье и, натянув на себя мужскую рубашку, отправиться на кухню варить кофе, через миг — выходя из спальни с мобильным телефоном в руке. Она естественна во всем, во всех проявлениях — в поведении, желаниях, в том, как говорит, смеется, злится, пьет, ест, как занимается сексом, во всем!

Манера есть у нее прелестна. Она может быть необыкновенно культурна, прекрасно управляясь многочисленными приборами, вилочками, ножичками и щипчиками, а может — в своем кругу, обычно не снижая градуса изыска, вдруг забыть обо всем и наброситься на пищу, как львица, и наблюдать за этим — сущее наслаждение! Если ей что-то нравится, она может есть, не оглядываясь, азартно, страстно, отложив вилку и нож, но не залюбоваться этим просто невозможно! У многих прием пищи получается показательно-красивым, а на самом деле — безобразно-утрированным, потому как все выглядит весьма неестественно. Известно, что по тому, как женщина ест, можно понять, какова она в постели. Да, Мурашка любит все красивое, но, когда у нее вылезают инстинкты, ей плевать на эту красоту, и эти инстинкты она подает гораздо красивее, чем это было бы обустроено свечками, лепестками роз и прочей лабудой.

Время от времени она начинает над собой издеваться, придумывая различные запреты — то она не ест сладкое, то не ест после шести, то не пьет ни капли вина или виски, то несколько дней молчит, не издавая ни звука, чтобы восстановиться после каких-то энергозатратных мероприятий — фантазии ее нет предела. Я прекрасно понимаю, что такая натура как она не должна никогда ставить себе табу. Она не должна вообще думать — будет ли она, к примеру, есть сладкое, уплетать по несколько сортов сыра после еды в качестве десерта, пить вино, или нет — и тогда сможет этого не делать долго. А когда она придумывает себе какое-то табу, у нее существует определенный срок действия организма, которого ее издевательства, судя по всему, невероятно возмущают. И тогда он мстит — слабостью, перепадами настроения и прочей ерундой. В этот момент Мурашка понимает — нужно срочно это самое табу нарушить! Я бы вообще ее назвала: «нарушитель запретов»! Потому что для того, чтобы она не совершала необдуманных поступков, ни

она сама, ни кто другой не должны ничего запрещать. «Делай все, что хочешь!» — единственно правильная фраза. И единственно верная, потому что, в силу своей генетической уникальности, она в таком случае никогда не сделает ничего, чего делать бы не стоило. Она никогда не воспользуется отсутствием запретов, как пользовались бы другие женщины, потому что у нее, кроме всего прочего, еще и редкие для красивой женщины рамки совести. Но, говоря об этом, нельзя не упомянуть диеты. Ненавижу это слово! Думаю, она перепробовала все диеты мира. Соблюдает-соблюдает, демонстрируя свою мощную силу воли, все идет прекрасно, потом вдруг организм, который ошалел уже от ее издевательств, приступает к активному сопротивлению. Как только организм завопит, что ему это все уже осточертело, моя Мурашка начинает хулиганить. Со смурным лицом она ходит по квартире, выискивая, к чему бы придраться. Допустим, я ей говорю: «Мурашка, я придумала короткий сценарий для Каннского фестиваля. Начало такое. Кухня. Со стола, на который просыпаны кедровые орешки, свисают листики салата. На столе — нож, несколько долек помидора и открытая баночка песто. На полу — веточка петрушки. Внизу кадра надпись: «Здесь была Мурашка». Спальня. На кровати — гора брошенных платьев, брюк, блузок и шалей. На полу — шесть пар обуви, причем одна из туфелек — небрежно заброшена на кровать: «Здесь была Мурашка». Комната. На пороге появляется шикарная женщина в узком платье с голыми плечами. Взгляд — холодный и надменный. Внизу кадра: «Угадайте, кто это?»»

Я смеюсь. Мурашка мрачнеет. Чем больше она мрачнеет, тем сильнее я смеюсь!

«Ты хочешь сказать, что я не аккуратная?! — рычит она. — Ты же сама мне не разрешаешь ничего убирать на кухне и мыть посуду, потому что я якобы не туда брошу мусор и не так поверну кран, который ты, кстати, никак

не починишь! — с кайфом продолжает она, все больше рас-
паляясь. — И я не могу, если тороплюсь на встречу, разве-
шивать в шкаф все перемеренные платья, иначе я опоздаю,
а я отличаюсь тем, что за всю свою жизнь никогда... — ее
несет еще больше — ...не опоздала ни на одну встречу, по-
тому что считаю это верхом неприличия и невоспитанности,
и я не признаю, когда ссылаются на пробки — выезжай
раньше, уважай время других, и нечего мне под предлогом
своего Каннского фестиваля рассказывать завуалировано,
что я тебя так раздражаю, и что ты меня не любишь, не лю-
бишь — не надо, и вообще...»

Я спокойно развертываю конфетку и, смяв фантик, го-
ворю ей ангельским голосом: «Мураш, хочешь конфетку?»
С женщиной, которая выходит из себя, к слову, никогда
нельзя спорить. Надо ее обезоружить неожиданным вопро-
сом или фразой. Желательно — нежным голосом. К при-
меру: «Ты не знаешь, сегодня дождик не обещали?» Или:
«Всегда замечал, что тебе идет зеленый цвет!» Только —
искренне, нежно, заботливо... никакой фальши. Мы должны
быть снисходительны к их слабостям, потому что настоящая
сила — не в кулаках, не в громком голосе, не в истерике,
а в снисходительности. Руководствуясь только этим одним
словом можно прожить жизнь.

*Начало и конец, конец и начало. Начало
и конец, конец и начало... какая странная
любовь... то вдох — я мчусь на парусах по
непонятым океанам, то выдох — и падаю
так долго вниз в глазах жестокого ребен-
ка... такая карусель, такая чехарда. В тебе
все блики женщины, все грани. Не видишь
неделю — как года прошли в никуда, прихо-*

дишь — побежала светлая вода в иссушенное горло. Ты не волнуйся, ты не бойся — я успокоюсь, я пойму. Я научусь дышать иначе, чтоб не потерять тебя... я научусь дышать, как ты хотела...

Итак, я протягиваю Мурашке конфетку, глядя на нее влюбленными глазами. Мне это не трудно — никого нет лучше нее. Она замирает и смотрит на конфету. В глазах — смятение. Сила воли берет свое. Через мгновение хлопает входная дверь и раздается стук ее каблучков на лестнице. Однако вскоре она возвращается, с оскорбленным и вызывающим видом ставит на стол свой любимый сметанник из «Азбуки вкуса», после чего берет почему-то сразу столовую ложку и с упоением на лице аккуратно снимает крышку, словно торт, который она выстрадала, может сейчас вспорхнуть и улететь в форточку. То есть в тот момент, когда она понимает, что ей осточертела диета, она выдумывает себе переживание, тут же это переживание переходит в плаксивое состояние и после этого ей требуется сладкое. Она машет на все рукой и заявляет: «Вот я расстроилась, переживала и пришлось съесть целый торт».

Но на этом ее страдания не заканчиваются и, доев весь торт целиком и облизав ложку, она тут же начинает переживать, что нарушила диету и теперь придется начинать все сначала.

Однажды она разбуянилась по какому-то поводу во время выступления Геллера по телевизору, который с азартом гнул вилки на глазах изумленной публики.

«А ты не пробовала, Мураш? У тебя должно получиться!» Она села рядом со мной, взяла вилку со стола, и принялась, сосредоточенно глядя на нее, слегка потирать большим

и указательным пальцем. Через минуту вилка дрогнула и, обернувшись вокруг своей оси, скрутилась в узел. Мурашка привстала, обошла вокруг стола, задумчиво посмотрела на вилку, подняла ее, зачем-то посмотрела на свет, аккуратно положила на место и, молча удалившись на кухню, вернулась с коробкой, в которой лежали недавно купленные новые вилки. Вскоре их постигла та же участь — скрученные, завернутые вокруг своей оси, завязанные в странные узлы вилки горой возвышались на столе. Я знала, что энергетика у нее убойная, но как она это делала без малейшего применения каких-либо усилий — не понимала. Мурашка странно объяснила, что сама толком не понимает. Представляет полый ствол одуванчика, затем мысленно наполняет его горячим воздухом и ствол, то есть в данном случае — столовый прибор, превращается в податливую травинку.

Надо ли говорить, что вскоре в нашем доме не осталось ни одного столового прибора. Последний удар был нанесен по цептеровскому набору. До сегодняшнего дня пользуюсь скрученным в узел цептеровским половником, который даже мужик-то с силой узлом завязать не может.

Мурашка — потрясающий рассказчик. Но, так как я уже упомянула, что все, что она делает — делает со всей свойственной ей страстью, следует с большой осторожностью задавать вопросы. Если в ходе разговора вдруг необдуманно поинтересоваться каким-то украшением на ее руке или новой книгой — она с упоением начнет (не спорю, очень интересно) рассказывать, как эта вещь у нее появилась. Истории, действительно, очень занимательные, у нее в жизни все всегда происходило очень интересно и достаточно мистически, но нужно просто иметь в виду, что в ближайшие двадцать минут о начинающемся международном футбольном матче или статье в журнале можно забыть. Особо осторожно следует задавать ей уточняющие вопросы. Она не поступает, как Манечка, например, которая, ответив на вопрос,

начинает свой рассказ сначала, нет! У Мурашки в глазах появляется зловредный огонек, она продолжает рассказ с того же слова, на котором ее прервали, но уже гораздо подробнее, при этом на ее губах блуждает змеиная улыбка. Не дай бог ей сказать: «Ты мне это уже говорила!» Это же значит — сбить ей весь кайф! Ей надо снова рассказать все с теми же и даже новыми красками, начиная с истории древнего мира.

Но у нее есть ужасная манера — она может, услышав что-то, чего слышать не хочет, просто прервать разговор по телефону. Ее, видимо, сильно избаловали прежние поклонники, она бросала трубку и ей ничего за это не было. И подсознательно она принялась искать того, кто поставит ее на место, после чего она, понятное дело, должна была злодея уничтожить презрением. Если я, вопреки ее желанию, мешаю ей поссориться, не обращая внимания на ее колкости и поддевки, она тонко и изощренно умеет задать невинный с виду вопросик, ответ на который вызывает бурю негодования и моментальную реакцию в виде прерывания разговора. Что и требовалось. Я понимаю — Мурашке нужен адреналин. Тут же возникает целая история: кто кому первым позвонит; ах, какая сволочь, не звонит; ах, звонит — думает, что я отвечу, размечтался; что-то не звонит, так и быть — я позвоню; а с какой стати это я ему буду звонить... Словом — масса чувств и эмоций, которые потерять невозможно. Поэтому каждые три-четыре недели она ссорится с кем-нибудь, причем может сделать это даже с ангелом. Со мной ей это не удастся. Я просто время от времени позволяю ей это сделать, потому что понимаю, что это необходимо для ее неумной природы. Правда, пару раз она меня хорошенько достала с этими фокусами, но своей кошачьей натурой моментально почувствовала, что переборщила, и через некоторое время перезвонила, как ни в чем ни бывало.

Как жаль кленове листья, не подаренные тебе... Рассветов бледно-голубых у ласковых озер. Чудесных снов — не рядом, не с тобой... Мне жаль растраченных впустую слов и разговоров у окна, где лунные дорожки — прямо в сердце — серебряным лучом. Воды, так щедро и бездумно ушедшей в кремовый песок. Летал, как бабочка, к огням дневного света, так бездумно, теряя маски многоликости своей... Но, окольцованный тобой, я знаю: прошлое — фантом. То было все тебе, все для тебя и все с тобой, мое реальное безумие! Ты знаешь, мне уже не жаль...

В связи со всеми этими моментами, я еще сильнее поняла, как же это интересно — любить! Потому что все, что делает моя любимая — делает настолько красиво, что не любить этого невозможно! Она даже эту несчастную трубку бросает красиво, мстит красиво, у нее врожденное чувство прекрасного. Кроме одного, что остается для меня загадкой: она сама не знает, насколько красива во всех своих проявлениях. Ко всему прочему у нее странная нетерпимость к комплиментам, причем яростная нетерпимость, потому как любой комплимент для нее — фальшь, а фальшь она не приемлет ни в каком виде.

А как она отстаивает свою точку зрения! Это неподражимо! А спорит? Вот, допустим, ей говоришь: «Это красное». Она тут же возражает: «Это вообще -то белое». Спокойно так, весело, с озорными огоньками в глазах. Допустим, мне очень нужно, чтобы она согласилась, что это — красное. Тогда я говорю: «Мураш, это, конечно, белое, но давай посмотримся,

может это все же красное?» Тогда она принимает — конечно, красное! То есть ей надо давать право и возможность высказать свою точку зрения первой.

Каким-то непостижимым образом родители заложили ей в детстве невероятное чувство вины, необходимое для того, чтобы держать этакое чудо в ежовых рукавицах. И это выработало у нее привычку постоянного контроля над собой, что перешло в своеобразные мужские черты характера. У всех нормальных женщин последовательность какая? Понятное дело: девочка — девушка — женщина. У Мурашки все по-другому. И эта непоследовательность — потрясающая! В ней до сих пор удивительно уживаются маленькая, искренняя, очень ранимая девочка и роскошная, зрелая женщина. Девушки же просто нет — это пространство занимает мужчина. Она и любовников себе всю жизнь выбирала сама — последнее слово было только за ней. Затащить ее в постель только потому, что кто-то в нее влюблялся, мужикам было просто невозможно. Но это тоже связано с чисто мужской особенностью: «Решаю я!» Собственно говоря, поэтому она постоянно и носится со своей независимостью. Не любит зависеть от своих привычек, людей, обстоятельств. Для нее всегда зависимость связана с чем-то унижительным. Она не может позволить зависимости и часто этим лишает себя чего-то приятного. К примеру, терпеть не может мелодрамы. Я понимаю, откуда это идет — когда человек смотрит такого рода фильмы, его тянет на расслабуху, любовь, слабость, нежные моменты, а мужчина внутри нее говорит: «мне нужна крепость духа и никаких ненужных «усупуси»!

И эту крепость духа она сама в себе воспитала, как мужчина. Имея при этом в душе бездну романтизма, она автоматически уже не хочет в это въезжать больше, чем ей надо.

Из этого противоречия — изумительное и редкое сочетание культуры и цинизма. Может, допустим, в определенном момент сказать такую фразу, которую ни одна женщина

не скажет. Это может быть, к примеру, нежным голосом произнесенная грубость. Скорее всего, в том числе, зная, что внутренне может быть разнузданной, сексуальной, разбивающей все законы и нормы, и не позволяя себе этого, она и стала подавлять многие инстинкты, что тоже в свою очередь выработало у нее многие мужские черты.

При этом черты мужчины никак не перекликаются с сексом, в сексе она — абсолютная и настоящая женщина.

Все, что связано с ней — чистая природа. Многие женщины при ближайшем рассмотрении «играют природу». Особенно те, которые на виду, «в эфире». Как играют? Да очень просто — в нужные моменты притворяются то кошечкой, то лисичкой, то пантерой, то львицей, то мудрой змеей... Но это — всегда игра, на самом деле этого в них нет. А у моей любимой есть все, причем очень изысканно и красиво. При этом она ничего не изображает — она на самом деле такая: ласковая кошечка, веселая лисичка, изысканная пантера, разъяренная львица (иногда одновременно), однако она не играет с этим, она с этим живет, и чтобы понять и заметить эту ее особенность, надо до этого дойти, докопаться, поверить в невозможное.

Причем, если в постели она — суперженщина, в отношениях с тем же партнером у нее проявляются мужские черты, в том числе и в дружбе. Она является завидным другом. Но к подругам подходит с позиции мужчины, не прощая им многих чисто женских моментов, потому что никак не может понять и принять некоторых особенностей их поведения, ища абсолюта в отношениях с друзьями. К примеру, не может простить подруге, которая, не имея несколько месяцев секса, начинает орать и истерить. Просто потому, что сама на это не способна ни при каких обстоятельствах. Женская структура не действует на нее так, чтобы опуститься до некрасивых спонтанных поступков. Она не делает скидку на женские настроения.

Любит ли она людей? А что такое любить людей? Как призывают сейчас многие эзотерические кликуши: «Открой свое сердце!» «Распахни свою душу, проделав упражнения первое тире пятнадцатое, после чего перейди на медитацию номер четыре, для обучения чему прилетай, прихватив две тысячи евро»? Нет, это — не любовь. Нельзя любить всех людей, потому что они белые и пушистые. Чтобы помочь людям — надо быть объективным, и здесь Мурашка тоже оригинальна.

Она не может быть объективной — если ей не нравится человек, (а интуиция у нее сумасшедшая, об этом я еще скажу,) она никогда не примет его и не будет даже стараться понять. Кажется, чего оригинального? Типичная женская черта. Правильно! Но рядом соседствует черта мужская, потому что Мурашка, невзирая на личности, требует от людей мужских поступков, в том числе и от подруг: искренности, прямоты, неспособности к предательству, и эта черта при этом у нее выходит за общепринятые рамки.

Тем не менее, друзей у нее много, она предана им и любима ими. Люди греются около нее, чего нельзя сказать о самых близких. Им около нее греться сложно. И именно это меня тоже так в ней привлекает. Что такое желание тепла? Это — ожидание все прощения. Когда можно сделать все, что угодно, а в ответ услышишь: «Ну ладно, что с тобой поделаешь?» Так многие мужчины любят, наверное, своих собак — поймут, простят, оправдают, даже если будет съеден айфон или сгрызен любимый ботинок из крокодиловой кожи. С Мурашкой же не расслабишься, потому как постоянно думаешь, как бы что сделать не так. В ней есть своеобразная жестокость по отношению к самым близким — отсутствие всепрощения, и это я очень люблю! Нежность, верность, любовь, страсть и... жестокость! Кайф! Возможно, чувствуя именно это, многие мужчины испытывали желание ее покорить. Но таким чутьем обладают именно настоящие мужики, поэтому, наверное, ей встречались исключительно достойные

представители мужского пола. Многие удивляются — почему, где она ни появляется, мужчины начинают ей служить? Очень просто! Служение — обратная сторона желания покорить. «Это должно быть мое!» Или: «Я хочу эту женщину, я начну служить ей, я сделаю для нее все возможное и невозможное, она будет во мне нуждаться, начнет от меня зависеть и вот тут я ее завалю!» Что ж, таких женщин, как она, можно завоевать только через служение, но Мурашка на эти случаи имеет в запасе столько «веселенького», что мало не покажется. Убить взглядом? Словом? Жестом? Да запросто... Ко всему прочему, она еще и мастер спорта по стрельбе...

Мои порталы так узки и многообразны. Ведут в такие дивные края и времена. Полет в пространствах так чудесен — не описать, не объяснить. Я там скучаю по тебе, я здесь скучаю по тебе. Нет одиночества, нет боли — есть счастье — через край. Перешагнуть из мира в мир — в два счета. Смешон мне ад, смешон мне рай. Со мной твой голос и безмолвие любви на грани Абсолюта... Я в поисках твоей души ныряю через время. Пытаюсь все понять: зачем ты и откуда — у памяти своей ищу сравненья. Когда придет разгадка, ты о ней узнаешь. Я так скучаю по тебе везде...

Моя любимая удивительна еще одним фантастическим качеством. Сколько раз, наблюдая за ней, каждой клеточкой своего тела впитывая ее неповторимый облик, я замечала,

как меняются ее лицо, тембр голоса, движения, манеры, меняются неуловимо для других, но заметно для меня, путешественника во времени. Я встречал ее на иных планах, в других мирах и пространствах, и сейчас я видел ее то в пятом, то в девятом, то в двадцать пятом веках — неизменно притягательную и прекрасную нечеловеческой красотой. Я упоминал об ее интуиции. С этим качеством сталкивались многие ее близкие, в том числе и я. Однажды она позвонила подруге, которая с сыном должна была через несколько часов вылетать из Шереметьево, и сказала: «Сдай билет!» Подруга послушала. Самолет потерпел катастрофу. Еще несколько раз, спасая людей, однажды она остановила и меня, позвонив рано утром: «Тебе не надо сегодня ехать на метро! Я видела огонь и много крови...» Через тридцать минут в метро произошел взрыв. Она ментально определяет по фотографиям жив человек или умер, может помогать людям на расстоянии, но не придает этому большого значения. Она вообще не относится к себе излишне серьезно.

Однако один раз ей все-таки пришлось это сделать. Дело было в ноябре, вскоре после нашего знакомства. Я в то время еще очень много курила, не прислушиваясь к предостережениям Минздрава на пачках сигарет. Сорок лет стажа, три пачки в день — штука серьезная! Как я оказалась на полу — не помню. Но не потому, что уж очень спать захотелось. Просто не хватало дыхания. Звонить любимой женщине с просьбой о помощи — для меня не реально, а у хозяйки квартиры был к тому же и ключ. Рука потянулась к трубке, я по возможности бодро прохрипела верной Манечке: «Лежу на полу...» и отрубилась.

А дальше был свет — знакомый, звенящий, манящий и ласковый. Я весело и легко побежала по этому тонкому лучу и вдруг услышала голос своей любимой, которая звала меня по имени. Обернулась. Она стояла на краю луча

и протягивала мне руку. «Держись! Быстро! Держись!» Ей было холодно — я это видела. Ее губы дрожали. Я должна была помочь ей. Она не привыкла к холоду космоса. И я взяла руку той, которая мне дороже всего на свете, в свою. Она резко дернула меня и... я открыла глаза. «Ничего себе! — услышала голос склонившегося надо мной врача, уже снявшего с себя маску... С возвращением, Нора Николаевна!» Я вообще-то Николаевна, но близкие называют меня просто — Ник. Словом, оказалось, в тот момент Мурашка была в одной комнате вместе с Аленой. Узнав о случившемся, она попросила всех выйти и тридцать минут «работала», интуитивно, не понимая, как и что делать, просто вытаскивала меня своей любовью с того света на этот. Потом Алена говорила, что в доме полопались лампочки, и ей даже показалось, что качались стены. Из реанимации я сбежала под расписку через три дня. Там, правда, классные врачи были, мы с ними ухаживались просто! Но дома лучше! С того момента я не взяла в рот ни одной сигареты. Как говорится — нет предела совершенству!

Ах, как все-таки интересно жить! Столько всего происходит, что иногда даже не понимаешь, во сне это или наяву! Надо только уметь расставаться с прошлым. Кстати, распространенная проблема. У женщин. Мужики этим особенно не маются. Если жить прошлым — не будет настоящего и уж тем более — будущего. Надо уметь оставлять прошлое на перроне, прыгая в последний вагон поезда, уходящего в будущее. И не стоит насильно усаживать в свой поезд людей, с которыми был связан нитями жизни. У каждого свой путь. Поблагодари их и предоставь идти своей дорогой.

Я вглядываюсь в любимое лицо женщины, посланной мне в награду. Заслужила ли я ее? Думаю — заслужила! Я вглядываюсь в ее лицо. Как будто — никогда... Как будто

ничего и не было. Ни с кем. Нигде. Ни в этой жизни — ни в той... Она здесь, сейчас — и все только с ней, и все — только она...

Играю в русскую рулетку... Кручу спокойно барабан...

Я хочу, чтобы веселый огонь охватил мой манекен.

Когда я уйду, отплыву и растаю в пространстве навек... Я хочу, чтобы пели и веселились мои друзья и вспоминали хорошее и смешное, чтобы им не было страшно и больно. Ведь частицы меня уже есть в них. Чтобы было тепло и радостно. Я хочу, чтобы они меня уже скоро забыли... тогда я возьму их любовь с собой туда, к Свету, и поверю, что она — была...

PS

Все имена героев изменены, любые совпадения случайны.

Литературно-художественное издание
әдеби-көркемдік баспа
Серия «Любовь на все времена»

Вико Наталия Юрьевна **НЕФОРМАТ. ЗАПРЕТНАЯ ТЕМА**

Руководитель проекта *И. Воеводин*
Ответственный редактор *Е. Ульшина*
Дизайн обложки *В. Воронин*
Редактура *Д. Хвостова*
Верстка *Л. Ковальчук*
Технический редактор *Н. Чернышева*

Сайт Наталии Вико www.natalyiviko.com

Автор иллюстраций *Victoria Merki* | <http://victoria-merki.com/about/>

Фото *Vlad Lanin*

Подписано в печать 15.02.2021 г. Формат 84×108/32
Печать офсетная. Гарнитура «Literaturnaya». Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,08. Тираж 1000 экз. Заказ №

Произведено в Российской Федерации
Изготовлено в 2021 г.
Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2018); 58.11.1 — книги печатные.

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21,
строение 1, комната 705, пом. 1, 7 этаж.
Наш сайт: www.ast.ru E-mail: astpub@aha.ru

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, Жұлдызды гүлзар, уй 21, 1 кұрылым, 705 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
Интернет-магазин: www.book24.kz • Интернет-дукен: www.book24.kz
Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию
в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім
бойынша арыз-талаптарды
қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,
Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92. Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген. Өндірген мемлекет: Ресей